

18+

ЭНТОНИ  
САЙМСКИ

# ГДЕ-ТО ВО ВРЕМЕНИ

ЧАСТЬ III

# Энтони Саймски

## Где-то во времени.

### Часть третья

*<https://litres.ru/74370009>*

*ISBN 9785007099455*

#### Аннотация

Конец девяностых — начало нулевых. Не все молодые люди восемнадцати-двадцати лет живут словом пацана. Игорь, Вовка и Антоха — обычные ребята, уверенные в том, что жизнь удалась, и весь мир лежит в кармане между ключами от квартиры и пивной открывашкой. Вот только длится это ровно до той поры, пока совершенно случайно они не обнаруживают возможность перемещаться между мирами благодаря загадочным ключам-медальонам, найденным в придорожной канаве.

Книга содержит нецензурную брань.

# Содержание

|                                   |     |
|-----------------------------------|-----|
| Где-то во времени. Часть третья   | 5   |
| Глава 1                           | 5   |
| Глава 2                           | 115 |
| Глава 3                           | 156 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 193 |

# **Где-то во времени.**

## **Часть третья**

**Энтони Саймски**

© Энтони Саймски, 2026

ISBN 978-5-0070-9945-5 (т. 3)

ISBN 978-5-0067-9459-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# Где-то во времени. Часть третья

## Глава 1 Сорок два

Бабах злобно пыхтел, замерев в боевой стойке. Нас разделяла всего пара метров. Видеть его в таком состоянии было непривычно: плечи подняты, а кулаки обмотаны неким подобием боксёрских ремней, нарезанных из ненужного покрывала. К худощавому, но уже рельефному телу прилипли соринки.

Ромбообразный медальон, цвета окислившегося серебра, болтался на потной груди. На ногах всё те же чёрные брюки, прошитые красной нитью. На стволе поваленного дерева стояли ботинки. Снятые носки торчали вверх шнуровки, отчего обувь походила на диковинных зверьков с высунутыми языками. Будь это в реальности нашего Челябинска, я бы попросту расхохотался от увиденного зрелища, но сейчас было не до этого.

Голова неприятно гудела после пары пропущенных слева. И хоть Вован пока не умел бить как положено и в спаррингах не старался, сама необходимость сражаться против обладателя медальона с символом льва была тем ещё удоволь-

ствием. Я попросту за ним не поспевал. Руки давно налились свинцом и держать их у головы было чертовски сложно. Забившиеся икры практически не слушались. Хотелось просто упасть на траву и не шевелиться.

— Ноги, ноги, — рывкнула стоящая рядом Нат. — Тохан-Палыч, ноги стоят! Двигайся, чтоб тебя!

— Не могу уже... — попытался огрызнуться я, чем тут же воспользовался Вишняков.

Покачиваясь из стороны в сторону, он мгновенно приблизился.

— Встречай! — тут же крикнула девушка.

Ошалевший от команд, я автоматически выбросил левый кулак. Вован легко увернулся и ткнул меня в бок — будто нарочно подчёркивая, насколько я предсказуем. И хоть цель мутузить друг друга на полном серьёзно не стояла, а кулаки покрывал толстенный слой тряпок, плюха оказалась весьма ощутимой.

Я невольно согнулся, поджимая рёбра локтем, правая тут же открыла голову, и коварный Кибер быстро сместился в противоположную сторону, проведя левый боковой в незащитную челюсть. Когда до лица оставалось несколько сантиметров, Бабах остановил кулак.

— Бам, Тохан... — хрипло выдохнул он, легонько ткнув тряпками в лицо.

— Да понятно, — только и смог выдохнуть я, переводя дыхание.

— Вовка-Бабах, сделай одолжение, — попросила Нат. — В следующий раз, если руку опустит, бей по-настоящему. Может, так запомнит, как делать не надо.

— Не... Не могу Тохана со всей силы бить, — замотал головой Вован, опуская кулаки и делая несколько шагов назад.

Брюнетка фыркнула и, хоть я и не видел, но был уверен, что закатила глаза.

— Хорошо, перерыв сорок секунд.

— Спасибо, — буркнул я.

Оставшиеся силы пришлось бросить на то, чтобы не рухнуть на прохладную траву, а удержаться на ногах, уперевшись руками в колени и пытаясь прийти в себя.

Тренировка происходила на полянке диаметром метра в четыре, не больше. В отличие от других участков леса тут земля поросла мелкой невысокой травой, напоминающей самый настоящий ковёр, который при этом активно проминался под ногами, создавая дополнительные трудности.

Вишняков адаптировался к такому грунту достаточно быстро, а у меня болело почти всё, что только могло болеть. Икры вообще забились до каменного состояния. Стоять было тяжело, не то что двигаться.

А вот Нат обрадовалась, обнаружив полянку. Попрыгав на мягкой траве, она с удовольствием заключила, что лучше не придумаешь. Падать не больно. После чего методично валяла нас сорок минут, демонстрируя, как сбивать противника с ног и отбирать оружие. В роли муляжа выступала толстая

ветка со срезанным сучком, подозрительно напоминавшим пистолетную рукоять автомата.

Для тренировок мы решили не использовать своё оружие, даже с отстёгнутыми магазинами. Во-первых, сейчас Калашников Гарики и Бабахская «Сайга» стояли упёртыми стволами в дерево, готовые к бою в случае необходимости. А во-вторых, Вишняков попросту не хотел лишний раз чистить дробовик, а Гарик — рисковать пристрелянным коллиматором. Впрочем, Нат и не спорила. Дела с «огневой мощью» нашего отряда странников обстояли не очень. Десяток патронов к калашу и сорок восемь штук двенадцатого калибра. Свой автомат я потерял в разрушенном городе пустого мира, на просторах которого разрозненные кланы так и не смогли наладить мирную жизнь. А разжиться другим оружием мы так и не успели. Негде было.

Нат стояла, прислонившись спиной к дереву и сложив руки под грудью, отчего та казалась ещё больше и круглей. Необходимости скрывать шрамы больше не было, и девушка давно выходила на тренировки в плотном чёрном топики, сквозь который проступали очертания лифчика. Мне чертовски нравилось смотреть на неё в таком виде. Впрочем, эстетическое удовольствие было недолгим, так как вскоре мы начинали поочерёдно падать, втыкаясь лицами в землю. Брюнетка так и носила свои крутые брюки, со множеством кармашков и декоративных элементов из якобы порванной ткани.



Белёные, механически точные рубцы контрастными чёрточками выделялись на смуглой коже. Прямые чёрные волосы были собраны в высокий хвост. От этого брюнетка казалась старше и выглядела точь-в-точь как «плохой сержант» из дешёвой американской фантастики.

Серебристый медальон тускло поблёскивал над ложбинкой между грудей. Я этого сейчас не видел, но знал, что он там. Пожалуй, единственный отрадный момент всех этих тренировок как раз и состоял в возможности увидеть девушку без куртки или плотного балахона с капюшоном, найденного нами в прошлом мире. «Гитары Мартинеса». Лично я его так и обозначил для простоты понимания. Впрочем, не только этот момент. Ещё можно было любоваться загадочным мерцанием глаз брюнетки. В таком освещении они всегда отливавших насыщенным, тёмным оттенком предзакатного неба, которое так и манило к себе...

Синяки и ссадины понемногу заживали. Двигалась Нат пока не уверенно, но и этого было достаточно, чтобы с лёгкостью побеждать нас на тренировках. Единственным, кто хотя бы отчасти мог сопротивляться натиску нашего ново-явленного инструктора, оказался Мезенцев. Когда он крепко стоял на ногах, девушке было трудно повалить его. Но, не имея опыта, он всё же проигрывал из-за отсутствия техники. Впрочем, хоть кто-то из нас делал это с честью.

Винчестер и без того обладал завидной мускулатурой, а за время наших злоключений ещё и поднабрал массы. Бицеп-

сы стали мощнее, грудные мышцы вздулись, а плечи походили на могучие мясные бугры. При этом Гаррик не создавал впечатления бодибилдера. Не было той неестественной накачанности. Просто очень хорошо развитый парень.

Мы с Вованом тоже подверглись причудливой метаморфозе. На худосочных телесах проступили жилы, на животе обозначилась сетка пресса. Я давно это подметил, но раньше объяснял странный эффект стрессом, нерегулярным питанием и физическими нагрузками. Но, как оказалось, энергетические матрицы медальонов медленно делали свою работу, приводя тела носителей к какому-то более пригодному внешнему виду.

— Так, я сказала сорок секунд, — деловито напомнила брюнетка, и я повернул голову в сторону Винчестера.

Солёные капельки пота тут же скатились с отрастающих волос, попав в глаза. Я невольно заморгал, вытирая их относительно чистой стороной намотанной ткани.

— Понятно, — улыбнулся Гаррик, всё это время с интересом наблюдавший за нашим спаррингом, и повернулся к дереву.

Фыркнув и переступив с ноги на ногу, он с усердием ученика-отличника старательно встал в стойку и поднял руки, втянув голову в массивные плечи. От этого движения мышцы рук и спины напряглись, резко оформившись под бледной кожей.

— Бык, ёптить, — безобидно заключил Вован.

Мезенцев встал полубоком к стволу, обмотанному толстым одеялом, и стал отрабатывать удары. Нат не сдержала тяжёлый вздох и направилась к нему.

— Ну не так же, Гарик-Игорь! — она подошла к нему, бесшумно проминая мягкий ковёр подошвами ботинок. — Я понимаю, что ты бык, как Кибер-Бабах говорит. Впрочем, можно поспорить, но не в этом дело. У тебя не удар, а движение. Ты надеешься только силой руки одолеть. А я вам как объясняю?

— Бить корпусом, — улыбнулся Мезенцев, скребя пальцами светлую щетину.

— Именно, — Нат встала рядом с ним так, чтобы тоже бить по одеялу, но при этом было видно, как она делает. — Вот же, смотри... Тело — это хлыст. Пружина, если тебе так понятней, раз ты с приборостроительного. Импульс с ноги идёт. Нога, бедро, корпус, плечо и только потом рука...

Девушка очень медленно показала, как надо наносить удар.

— Только делается это быстро. Но ты пока научись правильно делать медленно. С твоей массой такая плюха будет на задницу почти любого сажать сразу же...

— Масса есть, а роста нет, — многозначительно просипел Бабах, прохаживаясь из стороны в сторону рядом со мной.

Было видно, что он тоже устал, но держался молодцом. Во всяком случае, упасть и забыться он точно не собирался.

Гарик и Нат пропустили замечание мимо ушей и стали

медленно отрабатывать удары. Приглушённый стук самодельных перчаток, если так можно было назвать это творение из обрезков покрывал, глухо разлетался среди деревьев.

Темнело в лесу быстро. За неделю пребывания в нём мы успели к этому привыкнуть. В этом мире было пасмурно. Хотя, может быть, просто нам так повезло. Серое небо источало рассеянный свет, в котором ни один предмет не отбрасывал тени. Просто мечта фотографа, а не освещение.

Лес оказался необычным. Для нашего восприятия, привыкшего к редким посадкам или буреломам и кустарникам, он виделся совсем чудным. Впрочем, лично мне он напоминал сосновую рощу: под ногами почти ничего не растёт, лишь мягко проминается слой хвои и потрескивают шишки с ветками, когда наступишь. А ещё потрескивают шишки с ветками, когда наступишь. Видимость оказалась схожей. Местные деревья росли негусто, метрах в четырёх-пяти друг от друга. Иногда ближе, иногда дальше. Они напоминали тощие вязы-переростки с редкими кронами, словно избегавшими соприкосновения. Кустарников почти не было, а вот тонкие, высокие травинки пытались тянуться к сероватым небесам в надежде получить свою порцию животворящего света.

Повсюду копошились насекомые. Всевозможные жуки, гусеницы и различные летающие твари. Почти между каждыми параллельными ветками виднелась сплетённая паутина с прилипшими к нитям пушинками местных семян и

неподвижным комочком восьмипалого охотника.

Иногда, когда я был предоставлен сам себе и не выполнял никаких обязанностей, мне нравилось подолгу наблюдать за каким-нибудь местным жуком. Было что-то завораживающее в созерцании того, как обитатель леса неторопливо и целеустремлённо ползёт по мху или ошмётку коры. Беззаботно, спокойно, даже не зная о том, что за ним наблюдают. Я понятия не имел, как называются все эти насекомые. Жуки и жуки. Гусеницы и гусеницы. А вот мой папа в детстве мечтал стать энтомологом...

Больше всего было мха и этой странной плотной травы, напоминающей ковёр. Несмотря на царящую вокруг прохладу, стоять на ней босиком было комфортно.

Повсюду попадались незатейливые круглые образования блёклых оттенков, очень напоминающие грибы-дождевики. Синеватые, красноватые, зеленоватые. Впрочем, скорее всего, это они и были. Мы расковыряли несколько из них ветками, оказалось очень похоже. Но есть, конечно же, не стали. Нат одобрительно хмыкнула, подметив, что мы не такие уж дураки, какими кажемся.

Побитый жизнью Боливар сверкал насыщенно-оранжевой краской, выбиваясь из общей цветовой гаммы. Борта покрывали прилипшие ошмётки травы и жирной чёрной почвы. Паутину треснувших стёкол с одного борта маскировали прилипшие листья. Никто не спешил их убирать, не желая видеть это безмолвное напоминание выстрелов рельсотронной

пушки Трэйтора.

Слушая размеренные двойки ударов по одеялу, я поправил медальон, коснувшись подушечками пальцев заживающих рубцов вокруг шеи. Вплавившаяся в плоть цепочка оставила глубокий отпечаток на всю жизнь, и я всё чаще ловил себя на мысли, что когда рана окончательно заживёт, след будет похож на кривой шов. Словно я — человек из детского конструктора, с головой, взятой от другой фигурки. Станный образ, но, должно быть, весьма уместный, потому что теперь уже точно ничего не будет как прежде. Зато ненавязчиво «позаимствованная» мазь Рагата пришлась как нельзя кстати. Большую часть баночки израсходовали на меня и брюнетку, которая, понюхав содержимое, высказала мнение о растительном составе, признав, что лишним не будет.

Несмотря на заботу и тщательную обработку раны, которую методично проводила Нат, я только недавно начал пытаться крутить головой, а не поворачиваться всем телом. Должно быть, потому-то Вован и побеждал меня так легко. Хотя, возможно, я просто пытался себя обмануть. Бабах оказался прирождённым воином. Вернее, чёртов медальон делал его таким. Или...

И без того гудящая голова заняла ещё сильнее от очередной попытки осмыслить происходящее.

— Ну как, перевели дух? — хрипловатый голос девушки разлетелся между деревьями, возвращая мысли в настоящий

момент. — Давайте, последний раунд и хватит на сегодня. Скоро темнеть начнёт.

— Разведём костёр? — поинтересовался Вишняков.

Я криво ухмыльнулся, уловив в его голосе еле слышный отзвук того задора, что навсегда ушёл после гибели родителей. Впрочем, интонация была настолько слабой, что вполне могла оказаться игрой воображения.

— Конечно, как же без костра, — отозвался Гарик.

— Работай, не отвлекайся, — тут же распорядилась Нат, проскользнув мимо меня на своё место возле дерева.

Шагов по-прежнему не было слышно, отчего казалось, что мимо проплыл бестелесный призрак... С очень манящими и женственными очертаниями...

— Палыч-Антон, вставай в стойку, — поторопила брюнетка.

Я, собрав последние силы, выпрямился и поднёс кулаки к голове. Прикрываясь плечом, прижал к телу локти, так как Кибер ловко бил именно в бока. Вообще, рукопашные схватки давались ему явно лучше, и это несколько меня не удивляло.

Тем временем Вишняков уже давно был готов к поединку. Нат дала отмашку началу учебного противостояния.

Вован тут же подскочил и начал выбирать момент, ловко уворачиваясь от моих вялых выпадов. В схватке с Мезенцевым я чувствовал себя увереннее, нещадно эксплуатируя длину рук, но с Безумным Кибером этот трюк не работал.

Едва увернувшись пару раз от его кулаков, я уже попятился назад, с трудом переступая по траве.

— Ногу не приволакивай! — тут же последовало замечание. — Контролируй центр тяжести.

Сил не осталось даже на то, чтобы огрызнуться. Пользуясь случаем, Вован пару раз ощутимо ткнул меня в лицо.

— Плечо, плечо ставь, — подсказывала Нат.

Я хотел было выкрикнуть, что окончательно устал и сдаюсь на милость победителя, но тут уже и Вишняков начал выдыхаться. Былая прыть иссякла. Теперь он лишь делал обманные движения головой, остановившись напротив. Я решил воспользоваться передышкой и всё же влить хоть один удар, чтобы сбить спесь с нашего воина. Пришлось тоже покачиваться из стороны в сторону, выискивая подходящий момент.

— Драка проституток из-за клиента, — долетел до слуха саркастический комментарий Гарика.

— Поверь мне, ты со стороны не лучше выглядишь. Работай с мешком, — распорядилась брюнетка. — То есть с деревом. Да ударьте вы уже друг друга наконец!

Мы выполнили указание тренера. Я бросил правую вперёд, и Вишняков решился сделать то же самое. Обмотанные тряпками кулаки разминулись в полёте и почти одновременно врезались друг другу в лица. В следующее мгновение лес взорвался диким хохотом Гарика и Нат.

Падая на спину, я успел заметить лишь одно — ржущую



физиономию Мезенцева, который забыл про отработку ударов.

В таком виде, с жёсткой светлой щетиной и голым торсом он напоминал какого-то гротескного пирата. Отрастающие волосы выбивались из-под обрывка ткани, который он наматывал на манер банданы во время тренировок. Не хватало только короткой абордажной сабли и призыва пустить что-нибудь на дно. И бутылки рома тоже не хватало. А лучше — десятка бутылок... Чтобы пить. Каждый день. Стирая из памяти огненную вспышку и чёрные, обгорелые силуэты на газоне школы номер сто тридцать пять Калининского района города Челябинска.

Я закрыл глаза, чтобы не видеть серые клочья неба в прорехах меж верхушек.

— Всё, хватит на сегодня... — долетело до меня сквозь звон в голове.

Я готов был поклясться, что видел, как Нат улыбается и смахивает слезинку.

«Мысль материальна, — заключил внутренний голос, как только спина коснулась мягкой травы и все мышцы тут же расслабились. — Хотел полежать? Вот и прилёг».

— Тохан, ты там живой? — донёсся голос Вишнякова.

— Да, а ты? — с трудом выдохнул я.

— Ага. А ты молодец, хорошо попал. Я даже не заметил.

— Ты тоже...

— Ладно, — сжалилась Нат, явно продолжая улыбаться.

— Это было эпично.

В следующую секунду я ощутил приятное тепло ладоней девушки и открыл глаза. Брюнетка склонилась надо мной, заслони́в видимый небесный просвет. На смуглом лице мерцали насыщенно-синие пятнышки вечернего неба. Чистого и безмятежного. Сложно было поверить, что ей всего девятнадцать. Со шрамами, синяками и таким выражением лица ей можно было дать лет тридцать. Впрочем, все мы выглядели не лучше.

Мы встретились взглядами, и по телу тут же разлилось приятное тепло. Не знаю, как я выглядел со стороны в этот момент, но Нат улыбнулась уголками губ, после чего стала помогать мне подняться.

— Вовка-Бабах, помогай давай, — хмыкнула она.

— Уже...

С другой стороны возник Вишняков, и общими усилиями меня поставили на ноги.

— Стой, не дёргайся, — Нат положила большой палец мне на глаз и задрала веко. — На небо посмотри.

Я послушно выполнил просьбу.

— Да я легонько вроде, — забеспокоился Вован.

— Всё в порядке, — ответила девушка.

Тон её голоса сменился с тренерского на обычный, которым она теперь всегда общалась. И он мне нравился больше. В нём не сквозило издёвок, претензий и попыток выяснить отношения. Теперь она видела в нас такие же потерянные

души, какой являлась сама. Хотя стоило начать тренировки, как брюнетка тут же превращалась в беспринципного инструктора. Но это даже хорошо. Но это даже к лучшему. При ней мы действительно начинали учиться.

— Думаешь, от этого есть толк? — спросил я, подразумевая спарринг.

— Есть, но пока немного, — вздохнула Нат.

— Что ни делается, то не делается, — философично буркнул Гарик подходя к нам и извлекая сигарету из пачки красного «Мальборо». — Даже такая тренировка лучше, чем никакой.

Девушка согласно кивнула.

— Ну ты даёшь, — без былого запала сказал Вован. — У нас тут типа спорт. Здоровый образ жизни, ёптить. А ты не успел от дерева отойти, и уже с сигаретой.

— Можно твою зажигалку? — обратился Игорь к брюнетке. Та молча кивнула и вытянула из небольшого кармашка брюк золотистую «Зиппо».

— Смотри, покажу, что от тренировок есть толк...

С этими словами Винчестер поудобнее перехватил зажигалку, после чего поднял согнутую в колене ногу и ловким движением вниз со звоном открыл крышку, а следом дёрнул рукой вверх, воспламенив фитиль.

— Впечатляет, — улыбнулась она.

Гарик согласно закивал, прикуривая. Затрещал яркий уголёк, и запахло табачным дымом.

— Ладно, парни, — внезапно улыбнулась она по-доброму, похлопав нас по плечам. — Вы сегодня молодцы. — Вы сегодня молодцы. Честно.

Вишняков вопросительно поднял бровь. Гарик прищурился от поднимающейся струйки дыма, а я мысленно упрашивал голову перестать гудеть.

— А теперь давайте, приводите себя в порядок и будем жить дальше. Гарик-Игорь, возвращаю командование.

— Командование принял, — козырнул Мезенцев. — Мы покурим для начала, потом всё остальное.

— Конечно, как хотите.

— А как же правила караульно-постовой службы? — уточнил Вишняков. — Будем сегодня посменно дежурить?

— Будем, Володь, будем, — кивнул Игорь.

Нат развернулась и направилась к Боливару. Я невольно задержал взгляд на удаляющейся фигуре девушки. Следил, как у неё за спиной колышется хвост чёрных волос, как работают проработанные, но по-женственному округлые руки, как покачиваются бёдра.

Захотелось снова оказаться у того костра, где я порезал палец банкой тушёнки, чтобы снова ощутить жар её губ...

— Не пялься, Тохан, — шёпотом сказал Вован, наклонившись ко мне.

— Володь, у неё обоняние хорошее, а не слух, — буркнул я, когда девушка скрылась за ярким пятном буханки.

Пялился я и правда слишком откровенно. Как бы снова

по лицу не схлопотать, только теперь уже за пределами тренировки.

Повернувшись, я поймал пристальный взгляд Мезенцева, выпускающего вверх струйку дыма. Теперь он курил намного чаще. К счастью, в мире гитар Мартинеса он раздобыл две коробки сигарет неизвестной марки в пачках, почти неотличимых от «Мальборо». Так что теперь Винчестер перекладывал их в оригинальную упаковку, получив таким образом аналог бесконечного «Миллера». Мы с Вованом пару раз намекали, что ему стоит сбавить обороты, но он лишь смотрел сквозь нас пустым взглядом. Всё и так было понятно. Мы ничего не могли изменить, и каждый пытался по-своему с этим смириться.

Ничего не ответив, я подцепил зубами край самодельных ремней и принялся разматывать длинные полосы ткани. Вовка хотел было что-то сказать, видимо решив обсудить пару моментов из учебного спарринга. Даже открыл было рот и поднял выразительно руку, но затем устался на неё, словно видел впервые. Простояв так несколько секунд, Вован тоже начал разматывать ремни. А я уже давно жалел, что не курю...

Мы въехали в этот мир сразу же после гитар Мартинеса, в котором пробыли около недели. Пять дней, если быть более точным. Всё это время медальоны настойчиво тянули вдоль серых лент совершенно пустых дорог. То, что мир пуст, стало очевидно ещё тогда, когда я долго созерцал застывшие

волны пожухлой травы. Но вот куда все делись, мы так и не узнали. Просто не было ни людей, ни машин. Вован предположил, что и здесь прошла переработка, но мы не нашли подтверждений. Вован предположил, что и здесь прошла переработка, но мы не нашли подтверждений. Не было следов ни гусениц, ни разрушений. Любые разрушения, будь то выбитые стёкла или облупившаяся краска выглядели как следы времени и мародёрства, а не вторжения.

Боливар послушно дожигал канистру энерзака двадцать три, неся нас через серый, унылый мир исчезнувших людей и машин. Будто они все точно так же затерялись где-то во времени, бросив родные города на съедение лангольерам Стивена Кинга. Всё выглядело очень странно, но не нам этому удивляться.

А вот следующий переход преподнёс неприятный сюрприз. Впрочем, всем было на это наплевать. И сейчас я даже видел в этом определённый замысел судьбы. Хотя, какой, к чёрту, судьбы. Треклятой окружности.

Мир за окном снова поплыл. Серое небо слилось с серой дорогой, воздух стал тягучим. Сквозь ветровое стекло проступили чёрные вертикальные штрихи. По мере того, как цепочка и медальон нагревались, я всё отчётливее понимал, что это стволы деревьев. Прозрачные сгустки перестали мелькать за бортом, и Боливар, мягко качнувшись, выкатился в самый настоящий лес.

Должно быть, этот мир был призван дать нам передышку.

В нём нечего было искать. Нечего было исследовать. Нечего было собирать. Разве что грибы, но мы решили их не трогать. По нему даже быстро двигаться не получалось.

Боливар на малой скорости ловко петлял между деревьями, но то и дело приходилось объезжать замшелые валуны или же слишком густые участки. Нат первой высказала мысль о том, что не будь у нас медальонов, словно нерешительно тянущих куда-то дальше, мы бы попросту заблудились.

Тут я готов был с ней поспорить. Заблудиться можно, когда есть кто-то, кто тебя ждёт. Или какая-то точка, из которой ты вышел и хотел бы вернуться. Но лес казался абсолютно самодостаточным, будто и не нуждался ни в ком, кроме себя. И я готов был поспорить, что не было в нём ни людей, ни городов, ни деревень, ни машин. Мы даже ни одного животного не встретили или следов их присутствия. Только деревья, трава и насекомые.

Оставшаяся карта вояк теперь точно была бесполезной. Загруженная в голову информация больше не обращала внимания ни на один из отмеченных миров. Нат ещё раз напомнила, что подобные карты составляются только для конкретных кластеров и тех, кто понимает, что в нём к чему. Мы же, скорее всего, опять оказались чёрт знает где.

С одной стороны, появилось время на разговор. С другой — мы, словно сговорившись, делали всё, чтобы его избежать. Просто поочерёдно сидели за рулём, продираясь меж-

ду деревьями. Теперь же ехали ещё медленнее, и впереди, прокладывая маршрут, шёл пеший дозорный.

Произошло это после того как буханка пару раз ухнула в огромную рытвину, невидимую из кабины из-за сливающейся в сплошной фон массы травы и веточек.

Первые две ночи спали в машине, опасаясь появления хоть чего-нибудь. Дежурные разводили большой костёр в отдалении, чтобы пламя не слепило часового. А тот, в свою очередь, мог видеть всё, что происходило на границе света. Все эти премудрости объясняла Нат, действительно взявшаяся за нашу подготовку. И это было хорошо. Без дурацких шуток и комментариев, конечно, не обходилось, но делалось это скорее по привычке и без задора.

На третий день мы упёрлись в широкий ручей, звонко журчащий холодной водой в промытом грунте. Вишняков тут же устроил день чистоты, поручив мне заняться стиркой и систематизацией всей имеющейся одежды. Пожалуй, это был первый день, когда на наших измученных физиономиях наконец-то мелькнули подобия улыбок.

Мы даже обсудили вариант, что если двигаться по течению ручья, то есть шанс выйти на место, где он впадает в какую-нибудь речушку. Во всяком случае, я не исключал такой вариант. И если продолжить двигаться уже вдоль течения реки, то вполне можно выйти на обжитой участок. Нам такая логика казалась очевидной. Но медальоны всё равно указывали другое направление, а впустую жечь горючку, рискуя



остаться без верного Боливара, никто не хотел.

В этот же день Нат подняла тему, которая давно напрашивалась сама собой. Тему запахов. В очередной раз объяснив, что больше всего её сводят с ума запахи крови, она всё же попросила следить за собой. Особых проблем в обозримом будущем не наблюдалось. В мире гитар мы загрузили несколько больших пластиковых канистр для воды и целую коробку шампуней, мыла, зубной пасты и прочих принадлежностей. Но её скептический взгляд дал понять: этого мало. И тут Бабах проявил недюжинную смекалку, вспомнив тот день, когда девушка зашивала ему рану.

Изрезав ненужное покрывало, он замочил тряпки в «Белизне», которую мы прихватили ещё в первом мире. Отбежав за ближайшее скопление деревьев, он быстро обтёрся и вопросительно уставился на девушку. Та довольно кивнула, сделав поправку на то, что когда есть морковка с сахаром, в этом нет необходимости, так как вкус этого «изысканного» блюда действительно притуплял чувствительность рецепторов. Но запасы моркови кончились, и Нат, вздохнув, добавила:

— Так, давайте сейчас без глупого смеха и непонимающих взглядов, хорошо? — она выставила перед собой руки, медленно пошевелив ладонями, словно пыталась прижать воздух к земле.

— Хорошо, — тут же отозвался я.

Курящий Гарик прищурился.

— В смысле, странных реакций? — без напора насторожился Вишняков. — Ты о чём?

— Я о том, что вам двадцать, девятнадцать и восемнадцать лет... — максимально спокойно начала девушка, поочерёдно указав пальцем на меня, Гарика и Вована. — Я отлично различаю запах крови, и он... Скажем так, особенно волнует... Я же объясняла, на что переработка заводит чувство выполненной миссии у кровохлёбов. Чёрт, мне самой от этого не по себе, но ничего не поделаешь. Так вот, органические запахи для меня очень сильны...

Мы внимательно смотрели на девушку. Лично я — на то, как мерцают её глаза.

— Органические... — многозначительно повторила Нат и, обхватив пальцами руки воображаемый стержень, легонько потрясла получившейся курожочек в воздухе.

Гарик тут же прыснул, чуть не подавившись облачком дыма.

— Фу ты, ну ты! — воскликнул Вишняков, всплеснув руками.

Я невольно кашлянул в кулак и переступил с ноги на ногу. «Да, неловко получилось, — протянул внутренний голос. — Что ж, надо отдать должное тому, с какой корректностью Нат об этом говорит. Если бы она ещё и пинала нас на тренировке со столь же трепетным отношением, было бы ещё лучше. Впрочем нет. Тогда мы ничему не научимся.»

— Так, я всё понимаю, — выдохнула брюнетка, снова по-

хлопав воздух. — Это естественно, а способов как-то это всё приглушить у нас нет.

— А это обязательно надо приглушать? — похихикивая, уточнил Мезенцев.

Нат метнула в него укоризненный взгляд, но без агрессии.

— Просто отходите подальше и... И не возвращайтесь потом минут тридцать. Хорошо? Водичка, мыльце... В целом, для общей гигиены лишним тоже не будет.

— Хорошо, всё понятно, — внезапно максимально серьёзно и собранно закивал Гарик. — И ещё, когда идёте, берите с собой оружие. В силу того, что его у нас мало, дежурным стволом... Чёрт, неоднозначно прозвучало, будет Бабахская «Сайга».

Вишняков открыл было рот, чтобы возмутиться, и посмотрел на Мезенцева, но тот прервал его, подняв вверх палец.

— Это хорошо, что все мы здесь взрослые люди, — продолжил он. — Для понимания ситуации предлагаю ввести код на это дело...

— Чего? — всё же перебил Вишняков.

Я искоса посмотрел на Нат, стараясь из последних сил не подавать виду, насколько мне сейчас неловко. Хотя я физически чувствовал, как щёки наливаются краской. Брюнетка же явно из последних сил сдерживала улыбку. Но всё же эмоции оказались сильнее, и она прикрыла рот ладонью, давая волю мимике.

— А того, — максимально серьёзно продолжил Игорь. — Вот ты, Вован, готовишь скажем. «Сайгу» к дереву прислонил. Подходит Палыч, молча хватает её и уходит. Твои действия?

— Почему сразу Палыч? — стараясь говорить рассудительно, уточнил я, но теперь прерывающий возмущения палец ткнул в меня.

— Так что ты сделаешь?

Вован на секунду задумался.

— Спрошу, куда потащил.

— Вот, — кивнул Винчестер. — И возникнет неловкость. Поэтому, когда берём, говорим кодовое число, сорок восемь, и всё. Никаких вопросов. Ясно?

— Сорок восемь — половинку просим, — думая о чём-то своём, автоматически ответил Бабах.

— Хорошо, сорок два, — поправил Гарик.

Я лишь кивнул, глядя куда-то в сторону, лишь бы не встречаться ни с чьим взглядом.

— Сорок два, — с недовольством повторил Вовка. — Руки потом мойте как следует, прежде чем пушку мою хватать...

— Вот, — кивнула Нат, убирая ладонь. — Добро пожаловать в мой мир, Вовка-Бабах.

— Хорошо, хорошо. Понятно всё... — я поспешил закончить неудобный разговор.

Вишняков фыркнул себе под нос, но спорить не стал. Его

своеобразную «коллекцию для вдохновения» все уже давно оценили. Оказывается, он всё же посетил тот самый туалет с разворотами журнала «Красный конь» и бережно срезал особо понравившиеся постеры.

Теперь они хранились под лежанкой, радуя взгляд страждущего в минуты отчаянья... Но лично мне не хотелось больше думать о всех этих Красных конях. Слишком отчётливо всплывала в памяти картина головы Пасида Песта, разможжённой ударом шестопёра. И все смерти и убийства, сопровождающие тот мир.

Мы это не обсуждали, но наверняка каждый задавался вопросом: а что стало с остальными людьми клана, которых мы бросили на произвол судьбы? С теми же кобылицами... Если победили костоломы или другие кланы, их судьба незавидна. Поэтому я не хотел больше видеть логотип антропоморфного жеребца с оттопыренной повязкой. Слишком мерзко было чувствовать естественное возбуждение, на которое тут же наслаивались картины смерти. Как-то нездорово это выглядело.

Так мы и завершили тот разговор и больше к нему не возвращались. На стоянку у ручья потратили полтора дня. Перестирали одежду, вычистили салон буханки и переложили вещи заново.

Покидая мир гитар Мартинеса, мы установили на крышу уазика внешний багажник и загрузили туда топливо с водой. Канистры оказались слишком громоздкими, а внутрен-

нее пространство салона уже занимали ударная установка и несколько гитар. Полный набор барабанов мы не взяли, ограничившись минимальным комплектом: рабочий, бочка, том, пара альтов и хай-хэт с крэшем.

— Сойдёт, — кинула тогда Нат.

Теперь хотя бы можно было отвлечь мысли, взяв в руки шестиструнку и сыграв что-нибудь. Но какой бы аккорд я ни брал, получалась заунывная минорная последовательность... Впрочем, я всё равно записывал на бумагу особо понравившиеся моменты, надеясь когда-нибудь свести их во внятные композиции. Или песни.

Пока мы решили придерживаться версии, что сбор информации в новом мире можно проводить под предлогом бестолковых странствующих музыкантов. Хотя это и было слишком громким словом для наших скромных умений.

Я даже предложил начинать не с песен, а с незамысловатых инструментальных композиций, прислушиваясь к тому, как люди будут реагировать на жанр. А то споём в каком-нибудь мире «Звезду по имени Солнце», а она окажется запрещённой или её просто не поймут.

Гарик докурил. Взяв у уазика воду и пропитанную раствором тряпку, мы быстро стёрли пот. Облачились в кадетские рубашки и набросили поверх куртки. Только Мезенцев так и остался в футболке со скелетами, демонстрирующими средний палец и посылающими всех куда подальше.

Передряги прошлого мира оставили следы: на футболке

появились дырочки, а воротник оказался надорванным. Но было очевидно, что Игорь теперь ни за что на свете не променяет её на кадетскую рубашку.

Я так и не понял, какое сейчас время года в лесу. По ощущениям — конец лета, но листья ещё не начали желтеть. Хотя в воздухе уже пахло чем-то незримым, предвещавшим скорый конец лета. Пока активно двигались было тепло. Но стоило остановиться, как лесная сырость тут же напоминала о себе.

Медленно опускались сумерки, но между верхушками деревьев ещё можно было увидеть светлеющие клочки неба.

Разговор не клеился. Мы обсуждали только то, что происходило здесь и сейчас. Вован с усердием взялся за ужин, сварив на костре две пачки макарон, найденных в мире гитар.

Ничего мясного у нас давно не осталось, поэтому в ход пошли запасы специй в пакетиках. Впрочем, Бабах смешал соль и приправу в нужной пропорции, так что получилось вкусно и сытно.

В лесу вообще любая еда казалась невероятной. В первый день мы уничтожили почти все запасы лапши быстрого приготовления, подметив, что никогда раньше она не была такой вкусной. Хотя Нат всё же фыркнула, отнесясь с большим сомнением к исходящему от неё запаху.

Пужинав, все разбрелись, готовясь ко сну. Мезенцев заготавливал дров на ночь. Потом вместе с Нат обошёл периметр и выслушал указания: где лучше всего расположиться, что-

бы всё видеть и самому не маячить.

Я не видел в этом смысла. Медальоны и так предупреждали об опасности. Но промолчал. Возможно, этот лес не таил угроз, но где гарантии, что в следующем мире будет так же? Так что Гарик, конечно, прав, организовывая дежурства. И голова занята, и дисциплинирует. К тому же мы действительно узнали от Нат много полезного.

Вован великодушно уступил девушке лежанку, а сам соорудил себе ложе на траве. Натаскал веток и накрыл их парой одеял. Немного поругавшись и несколько раз поднимая подстилку, чтобы поправить упирающиеся палки, он всё же устроился. Натянув на голову вязаную шапочку и укрывшись покрывалом, вскоре заснул.

Я давно приноровился спать на пассажирском сидении буханки, перекинув ноги через моторный отсек на водительское. Сказать, что это было неудобно, означало ничего не сказать. Спасали лишь усталость и свежий воздух.

Впрочем, сегодня не спалось. Я лежал с закрытыми глазами, небрежно накинув поверх покрывало и скрестив руки на груди, прислушиваясь к ночным звукам. С наступлением темноты насекомые и не думали снижать активность. О ветровое стекло постоянно ударялись какие-то крупные ночные жуки, стрекотали местные сверчки, или кто-то очень на них похожий. Тихо шуршали верхушки деревьев, продуваемые редкими порывами ветра. Потрескивали языки пламени. Пахло дымом с едкой нотой машинного масла.



Было слышно, как иногда Гарик подходил костру, чтобы подкинуть пару толстых веток. Тогда огонь разгорался сильнее, и в кабине начинали мерцать желтоватые отблески.

Из салона доносилось размеренное сопение брюнетки, а я вновь и вновь пытался понять странное чувство юмора судьбы. Или Окружности.

Мне нравилась Нат. Меня тянуло к ней подобно тому, как чёртовы побрякушки продолжали тянуть куда-то в неизведанное. Мне казалось, что она единственная, кто помогает мне пережить потерю родных. Я почувствовал это ещё в момент нашей первой встречи на мокрой осенней дороге, пролегающей сквозь незнакомый, пожелтевший лес. Мы должны были встретиться и должны были вместе пройти этот путь.

«Вот только что это за путь? — задумался я. — Что делать дальше? Ну, найдём мы местную Цитадель, или что там. Ну, вытащат они из головы то, что я в неё загрузил, а дальше что? Был Тохан-мнемоник, стал просто Тохан. Просто Палыч. Просто парнишка из шестидесятых. Для чего это всё?»

Я открыл глаза и уставился в потолок буханки. На лес давно опустилась непроглядная тьма, в которой чёрная кадетская униформа была лучшим камуфляжем. На изодранной обивке, рядом с дыркой от пули, мерцали робкие жёлтые отблески костра. Грязной тряпки больше не было. Вместо неё виднелась аккуратная заглушка из грубой резины. Похоже, обрезком утеплителя или технической прокладки. Механи-

ки Пасида всё же успели немного подлатать Боливара, хоть и не капитально.

Понаблюдав за окружающей тьмой, я невольно подумал о том, как здорово было бы сейчас сидеть у костра с Нат. Как в той будке «Камаза». Просто смотреть на неё. На то, как мерцают глаза. Слушать низковатый голос и скользить взглядом по прекрасным формам.

Я знал, как Нат выглядит практически без одежды. Все видели её почти обнажённой, когда девушку чуть не разорвали грузовиками. В тот момент я, конечно же, не думал ни о чём таком. Тогда важно было только её спасение. Но увиденное невозможно забыть. И будь на то её воля, я бы поцеловал каждый её шрам, каждый рубец...

«Интересно, а Серг так делал? — внезапно с ехидством поинтересовался внутренний голос, и я тут же мысленно обложил его матом, вступив в бесполезный спор сам с собой. — Ну какого чёрта?! Могу я хотя бы в мыслях допустить право на счастье? Простое счастье без каких-то сверх условий, а?! При чём тут Серг? Он же давно погиб... Да, но она любила его, а он явно был круче тебя. С чего ты взял, что вообще можешь рассчитывать на взаимность? Ты хоть попытался с ней поговорить об этом?»

— Нат, очевидно, не любит беспредметные разговоры, — еле слышно выдохнул я в темноту и, осторожно подтянув ноги, устроился поудобнее на сиденье.

Сон окончательно отступил.

Я сунул руку во внутренний карман обдергайки, подклад которой теперь пропах «Белизной», и, нащупав несколько сложенных листов, тяжело вздохнул. Пошарив рукой по приборной доске, подхватил дешёвый пластиковый фонарик, один из тех, что мы прихватили в городе вырванных сердец. Они оказались как нельзя кстати, выручая в тёмное время суток. Благо запас батареек тоже имелся. В мире гитар Мартинаса ничего подобного на глаза не попало. Или мы попросту проглядели, не уделив этому должного внимания. Искали ведь по большей части еду, медикаменты, воду, оружие, одежду. И сигареты.

Щелчок дверной ручки растворился в серенаде насекомых и потрескивании костра. Я отложил покрывало, накинул куртку на плечи и, сунув ноги в ботинки, выскользнул на улицу. Жёлтое пятно фонарика запрыгало по траве и стволам, бессильно теряясь в непроглядной черноте.

Гарика не было видно, но мне всё равно предстояло его скоро сменить. Вован на правах победителя в сегодняшнем тренировочном бою, если этот позор можно было назвать столь громким словом, выбрал самую позднюю смену, чтобы как следует выспаться. Я знал, что Мезенцев наблюдает из своего укрытия, но разглядеть его было невозможно. Я словно вышагнул из черноты безвременья в крошечный круг света. Своеобразный островок привычной жизни, отбрасываемый дрожащими языками пламени.

Накатила тоска, холодной тяжестью осев в груди. При-

шлось поспешить поближе к огню и подбросить в него свежих дров.

Сложив поверх прогорающих веточек небольшой колодец, я опустился на ствол упавшего дерева, выполнявшего роль местной скамейки. Огонь принялся потрескивать свежей растопкой, понемногу расширяя границы освещаемого пятачка. Ветер успокоился, и дым с мелкими искорками устремился напрямиком вверх. Я удовлетворённо кивнул и, пользуясь тем, что Мезенцева пока нет, вытянул из кармана сложенные листы.

Это были письма. Сотни бессмысленных слов и строчек, нагромождённых максимально близко друг к другу мелким почерком. Чтобы никто не мог разобрать, что именно я пишу, бросив быстрый взгляд со стороны. Письма к родителям, в которых я десятки раз повторял одно и то же... Я просил прощения. Извинялся перед мамой за своё эгоистичское поведение. Обещал отцу, обещал отцу, что больше никогда не буду называть его «бодрым батей», прощал ту ерунду с обучением игре в футбол. Я признавался в том, что действительно был маленькой бездушной скотиной, не умевшей ценить то, что имел.

Каждый справлялся как мог. Гарик травил себя сигаретой за сигаретой, словно вместе с дымом мог выдохнуть хоть часть этой боли. Вован сходил с ума от действий: чистил, мыл, проверял, снова чистил... Будто если сделает остановку, то просто переломится под весом потери. Он заботился

обо всём: Боливаре, приготовлении еды, уборке, чистке оружия, проверке натяжения верёвок, фиксирующих канистры на крыше буханки, — и так по кругу. Мы пытались поддерживать друг друга, но пустота внутри от этого не уменьшалась.

Однажды я сидел на привычном месте у окна за столиком буханки. Парни и Нат как раз перекладывали вещи на полянке. Они наполняли один из пластиковых ящиков спальными принадлежностями, которые должны быть сверху стопки, в нижние складывалось то, что явно не потребуется в ближайшее время. Куртка Безумного Кибера и набедренная кобура курковки, отправились как раз в них. Вовка не стал её выкидывать. Должно быть не терял надежду разжиться аналогом Бабахи в каком-нибудь из миров.

Наблюдая за ними, рука потянулась к стопке бумаги, вытащенной из бардачка на время ревизии. Я схватил лежащую рядом ручку, и мысли хлынули сами по себе, будто только и ждали этого момента. Я начал чувствовать робкое облегчение, словно вот так, слово за словом, грамм за граммом, с души снимали тяжёлый груз. Так, за несколько дней в кармане обдергайки скопилась небольшая пачка писем.

Я провёл пальцами по строчкам, выхватывая взглядом обрывки предложений. Везде прослеживалась простая мысль, не дающая покоя изнасилованным нервам: я так и не сказал отцу с матерью, как же я их люблю. Это было очевидно.

«Слишком много я думал, — пронеслись в голове мрач-

ные мысли. — Не надо думать, надо действовать. Хочешь сказать — скажи. Хочешь сделать — сделай. Бери пример с Вована и Гарика. Да, согласно этой логике, надо и Нат сказать всё как есть, и не думать, что будет дальше. А то дотянешь до подобной ситуации...»

От столь дурацкой мысли, я невольно фыркнул и даже взмахнул руками в воздухе, отгоняя мрачные образы, как докучливых мух.

«Пошёл ты на хрен, — мысленно огрызнулся я на внутренний голос. — Тоже мне, Каркуша, чтоб тебя. Ничего с Нат не случится. Не случилось до этого, не случится и теперь...»

Я развернул стопку и, вытянув один листок, положил его поверх разгорающегося колодца. Бумага тут же расцвела ярким огненным цветком.

«Может, хоть так письма дойдут до адресатов? — подумал я. — Вдруг они смогут меня простить? Чёрт, Вован был прав... Какому миру принадлежат души? Сможет ли дым в этом чужеродном лесу доставить мои бесполезные извинения туда, где сейчас папа с мамой? И с каких это пор я вообще уверовал в небеса и души?»

Второй листок вспыхнул ярким пламенем и через мгновение превратился в пепел, оседающий между ветками. Не знаю почему, но от этого становилось легче. Своеобразные поминки после похорон, на которых я никогда не бываю.

В темноте что-то хрустнуло, и послышалось характерное

позвякивание карабинов оружейного ремня. По траве заскользило такое же слабое пятнышко китайского фонарика, не идущего ни в какое сравнение с подствольным источником света. Впрочем, в том всё равно не было необходимости, так стрельба по мечущимся бесам пока не предвиделась. А ходить по лесу можно было и с этой китайщиной. Отблески костра постепенно выхватили очертания Мезенцева, покинувшего пост. Спустя несколько секунд он осторожно подошёл и присел рядом, прислонив рядом калаш.

Ничего не говоря, Винчестер выключил фонарик, поправил бандану, которую носил вместо «Кэнгола», и полез в карман за сигаретами. Я невольно сложил пару последних листов и зажал в ладонях так, чтобы нельзя было разобрать текст. Впрочем, вряд ли Мезенцев собирался напрягать зрение и вглядываться в каракули.

Зашуршала пачка, и Гарик, наклонившись, вытащил из костра тлеющую ветку.

— Сидя у костра прикуривать от зажигалки... — шёпотом начал он.

— Это извращение, — закончил я.

— Именно...

Игорь глубоко затянулся. Затрещал уголёк сигареты. Я продолжил смотреть на огонь, ощущая приятное тепло. Это было странно. Внутри всё ещё сжимал холодный ком отчаяния, а снаружи, от костра, исходило тепло. Почти как прощение, которого не было. Хотя я прекрасно понимал, что ни-

какого реального прощения теперь нет. И никогда не будет. Просто отчаянно хотел верить, что это возможно.

— Что там у тебя, если не секрет? — спокойно поинтересовался Винчестер, кивнув на зажатые в руках листочки.

Я задумчиво хмыкнул, раздумывая, стоит ли говорить. Но тут же сообразил: будь иначе, я бы сейчас спал в машиге, а не сидел у огня.

— Письма...

— Понятно. Как тогда, с Машкой?

Я не сразу понял, что именно Игорь имеет в виду, но потом сообразил. Я уже применял подобный «психологический трюк», если так можно было выразиться, и даже не обратил на это внимание. Точно так же когда-то в грязном весеннем снегу, в ямке от сапога, сгинули все любовные записки от Маши. И те дневники, что я вёл в разлуке. Их мне вернули, когда в её сердце прочно обосновался тот самый Лёхер. Как же тупо и бесполезно это теперь выглядело. Как и всё моё существование, наверное.

— Да, типа того, — кивнул я. — А ты чего куришь на дежурстве? Нат же рассказывала, за сколько километров в темноте виден уголёк сигареты.

Гарик хмыкнул и ткнул пальцем в грудь, где висел медальон.

— Нету здесь никого. Эти штуки никаких признаков опасности не передают...

Я согласно кивнул, прекрасно понимая, что вся эта возня



с караулами — лишь попытка переключить мысли на что-то конструктивное. Польза, бесспорно, была, но настоящая необходимость наступит позже.

— Ты как сам, Гарик?

— Нормально, — коротко буркнул он, закусив сигарету в углу рта и снова потянувшись за пачкой.

Светлая щетина, местами уже перерастающая в бандитскую растрёпанную бородку, отливала в отблесках костра рыжеватым цветом. Светлые патлы торчали из-под банданы, довершая образ лесного разбойника с автоматом.

— Побриться не хочешь?

Гарик засмеялся сиплым шёпотом.

— Мы, Палыч, тут совсем недавно так побрились, что на всю жизнь хватит...

Он перестал шуршать курткой и извлёк пачку сигарет. Сжав пачку в кулаке, он подался вперёд, зеркально повторив мою позу.

— Дожигай, раз уж взялся, — спокойно сказал он, кивнув на зажатые письма.

— Глупо это, — протянул я.

— Почему?

Я тяжело вздохнул. Мрачные мысли рвались наружу, но я сдерживался. Мы все тонули в одном болоте, и мои переживания не были уникальны. Мы все оказались в одинаковом положении. Лишь Нат, пережившая это раньше, держалась молодцом. Хотя и её наши лица задевали за живое.

Всё же я решил выложить другу то, что не давало покоя.

— Ты уж извини, Гарик, я быстро, чтобы не держать в себе, и забудем.

— Хорошо, — понимающе кивнул он.

— В общем, я хорошо помню, как искренне радовался в детстве. Говорил родителям, что люблю их. Ждал, когда они с работы придут... Бежал, обнимал... Всякое такое. А потом мне почему-то стало неудобно говорить это вслух... Словно это что-то постыдное...

— Это не постыдное. Это пубертат. Ценности смещаются, гормоны бушуют. Но это не значит, что ты их стал меньше любить. Но это не значит, что ты разлюбил. Просто любовь к родителям отошла на второй план, уступив место другим... желаниям. От этого и неловкость... А сейчас винишь себя за то, что не сказал? Не сделал?

Мезенцев посмотрел на меня. Я молча кивнул.

— Я тебе скажу то же самое, что и тогда с Машкиными письмами, — уверенно хмыкнул он. — Сжигай.

— Думаешь, поможет?

Гарик пожал плечами и затаился.

— Я тебя понимаю, Палыч. Тебе нужна инструкция. Гарантия, что есть рецепт, как вычерпать это дерьмо, что внутри булькает.

Мезенцев постучал по груди сигаретной пачкой.

— Поэтому и спрашиваешь, поможет или нет. Но я не знаю... Я не знаю, когда полегчает, но могу догадываться, —

в голосе друга появились стальные нотки. — Поможет только месть, понимаешь? Не знаю, как ты, а я хочу крушить. Ломать, жечь, давить Боливаром. Прострелить кому-нибудь башку...

— Человеку? — уточнил я, наблюдая за изменениями в Гарике.

Похоже, не я один искал этого разговора у костра.

— Можно и человеку, если даст повод... Чёрт, я хочу, чтобы дал! Молюсь об этом! — шёпот Гарика стал сильнее, но всё же он держал себя в руках, не желая беспокоить Вована и Нат. — И я знаю одну тварь, в чью мерзкую рожу я с удовольствием достреляю остатки патронов...

— Кажется, я его тоже знаю.

— Ага, со стальной пластиной в лице, если я правильно понял.

— Правильно, — согласно кивнул я, живо представив ухмыляющегося Трэйтора.

— Вот именно, — криво ухмыльнулся Гарик, докурил и швырнул бычок в огонь. — Так что дожигай. Инструкции, как избавиться от внутреннего дерьма, у меня нет. Оно просто есть, и с этим надо смириться. Но лучше, Палыч, переключись на то, чтобы стать сильнее. В твоём случае — ещё и злее. Это намного полезней сейчас.

Я понимающе кивнул и отправил листы в костёр.

На некоторое время воцарилась тишина. Огонь хрустел бумагой, навсегда пожирая строчки оправданий. Ритуал глу-

пый, однако после него на душе стало чуть легче.

Гарик нарочно не смотрел на пепел писем. Задумчиво потряхнув из пачки сигарету, он покрутил её в пальцах. Тем временем пламя разгорелось так, что пришлось отодвинуться.

— Паршиво от всего этого... — прошептал я.

— Поверь мне, не тебе одному.

Игорь прикурил от веточки и убрал пачку в карман.

— И это мы ещё медальоны не снимаем. Они ведь блокируют эмоции. Вернее, делают их не столь сильными. Предлагаешь, что будет, если их снять?

— Будет трындец, Палыч, — кивнул Игорь. — Я попробовал... снимал его, когда был один.

Я удивлённо на него посмотрел. Гарик криво ухмыльнулся и с хрустом поскрёб заросшую щёку.

— Зачем? — искренне удивился я.

— Мне стало страшно, — просто ответил он, будто я спросил не о боли целого мира, а который час. — Страшно от того, что мне всё равно. Что я ничего не чувствую больше. Вот и снял. И знаешь что?

— Что?

— Это не так... В общем, не советую тебе повторять. Накрывает будь здоров...

Я понимающе кивнул.

— Как думаешь, почему медальоны так работают?

Гарик глубоко затянулся, потом запрокинул голову и вы-

пустил длинную струйку дыма прямым в ночное небо. Его поддержал треск лопнувшей в костре толстой ветки и сноп искр.

— Потому что те, кто действительно должен был их носить, обречены принимать сложные решения...

Гарик вернулся в исходное положение. Я слушал, едва заметно кивая в такт его словам.

— Они не должны сомневаться и колебаться. Не должны ставить собственный выбор выше судеб целого мира. Но это будет очень тяжело и больно, ведь их решения не всегда будут верны, но они должны быть приняты.

— Это ты про Нат? Про собственный выбор?

— Я не про неё, но пример абсолютно верный. Никто тебя не осуждает, Палыч. И уж, поверь мне, особенно она.

— Рад слышать, — саркастически ухмыльнулся я.

— Обращайся.

— Чёрт, почему мы не нашли тех, кому эти штуки по праву должны принадлежать? — с горечью выдохнул я. — Почему этот груз должен тащить именно я? Именно мы?

Мезенцев как-то странно на меня посмотрел. Мезенцев посмотрел на меня взглядом, в котором не было ни понимания, ни досады. Только холодная, непререкаемая уверенность. Взглядом командира, терпеть не могущего нытьё подчинённого.

— Хочешь свалить всё на мифических спасителей? — поинтересовался он. — Осмотрись, Палыч... Мы одни посре-

ди леса, затерявшиеся во времени. Где ты видишь желающих нацепить эту дрянь и взвалить на себя подобное дерьмо?

Игорь выразительно обвёл руками окружающее пространство и даже наигранно покрутил головой по сторонам, словно действительно выискивал жаждущих перенять у него медальон.

— Теперь это наше проклятье, хотим мы того или нет.

— Подожди... Ты хочешь сказать, что не думал о возвращении? В Челябину. Просто вернуться и жить... — я запнулся, ловя подходящее слово, — даже после всего? Ведь это наше место. И... ну, там хоть какие-то перспективы...

— Перспективы, — горько повторил Гарик. — Думал, То-хан. Каждую минуту последней недели думал. И пришёл к простой вещи. Пока жив Трэйтор и работает эта чёртова переработка — у нас с тобой нет права на свою жизнь. Понимаешь? Надо сначала с ними разобраться, а потом жить дальше... Главное, быть вместе. Мы же поклялись. Забыл разве?

— Нет.

Я задумался над словами друга. Они звучали искренне, но мне почему-то казались заранее обречёнными на провал. Это выглядело очень странно. Напротив сидел Игорь Мезенцев, лидер нашего небольшого отряда, чёрт пойми кого, чёрт пойми где. Да, под воздействием медальона он значительно окреп... Но как же он был ничтожно мал на фоне громадины переработки. Я видел её в своей голове. Я видел дома размером со спичечные коробки на фоне огромной платформы...

И вот, маленький человек в ночном лесу с твёрдой уверенностью заявляет о том, что мы должны с этим разобраться.

Как и чем? Целые армии с танками, пушками, ракетами и сверхмощным оружием не смогли её остановить, а тут Мезенцев с уверенностью в голосе предлагал сделать это. Мы даже одного Трэйтора так и не смогли доконать, чего уж тут говорить.

«Исторической справедливости ради, — оживился внутренний голос. — Вы и не старались сразиться с ним. Пока это сделала Нат, и проиграла. Вы же только убегали. Возможно, при должной подготовке и оснащении, Трэйтор не такая уж и проблема. В конце концов, он всего лишь человек.»

— Ты не думал над тем, как открыл переход, когда из Челябинска сваливали? — прервал молчание Гарик.

— Да, — тут же ответил я, потому что задавался схожим вопросом. — И я ничего тогда не сделал. Переход сам открылся. Может, это как-то связано с теми картинками в голове...

— Его кто-то открыл, — уверенно перебил Мезенцев. — Кто-то, кто нас ждал. Или следил, или... Не знаю, предложи свои варианты.

— Какие варианты? У меня их нет. С чего ты взял, что такое возможно?

— А почему бы и нет? Сам посуди, исходя из того, что мы уже видели, — Гарик повернулся ко мне вполоборота и, закусив сигарету, принялся перечислять, загибая пальцы,

— Бесы, они же черти, они же ремехи. Ховерлёт. Рельсотронная пушка, УРК, бомбы-закрывашки, следы переработки, установка, превращающая покойников в бензин...

— Энерзак двадцать три, — уточнил я.

— Не суть, — отмахнулся Гарик. — Монстры с режимом невидимости, созданные из обычных людей. И что, думаешь, если медальоны водят нас через какие-то естественные переходы, а местные вояки научились затыкать эти дыры специальными бомбами, никто не разработал устройство для принудительного создания портала?

— Я об этом не думал, — честно признался я.

— А я думал. Это же куда удобнее, чем бродить вслепую, не зная ни цели, ни того, сквозь сколько миров ещё предстоит пройти. Логично?

— Тогда у Трэйтора должно быть такое устройство, — задумался я. — Но он говорил, что отслеживал нас по каким-то своим меткам, и потратил на это больше времени, чем мы пробыли в пути.

— Кому должна?

— Кто?

— Штука? Ты говоришь, что такая штука должна быть? С чего бы? — Мезенцев прищурился.

Отблески огня играли в отливающих сталью глазах. Он смотрел так пристально, словно я знал что-то важное, но не хотел делиться.

— По логике вещей, — слегка смутился я. — Он же весь



такой... Высокотехнологичный.

Игорь кивнул.

— Мы мало что знаем о том, что с ним произошло и с какого перепугу он кинулся всех убивать. Может быть, просто не успел завладеть устройством.

— А у кого тогда оно? И кто нам путь открыл?

— Хороший вопрос. Но что-то мне подсказывает, что очень скоро мы об этом узнаем...

Игорь повернулся к костру, докуривая сигарету.

Я хотел спросить, кто бы это мог быть, но язык будто онемел. Говорить больше не хотелось. Мысль крутилась в голове, требуя выхода, но губы не слушались, а слова рассыпались в прах, не успев сложиться. Скорее всего это сказывалась усталость после сегодняшней тренировки. Наверное, сказывалась усталость после тренировки. Или же монотонный стрёкот насекомых и гипнотическое потрескивание костра наконец-то усыпили тревогу. И я боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть это хрупкое, почти забытое чувство покоя.

Порыв ветра вновь зашуршал верхушками деревьев, но до нас так и не добрался. Зато запах лесной сырости и прелой листвы усилился. Я невольно подумал о том, а не простынет ли Вишняков, но вспомнил как тот натянул шапочку и завернулся в покрывало. Иногда он ещё обматывал шею зелёным кашне, с которым теперь редко расставался...

Мы больше не шутили на тему семейной реликвии. Язык

не поворачивался.

Покрывала, впрочем, грели исправно. Я и сам в этом убедился, проведя пару ночей на подстилке из веток. На земле спалось даже лучше. Чем на полу буханки, где голова упиралась в корпус бас-бочки, а ноги приходилось поджимать в тесном проходе. Ведь «лежанка» на сиденьях теперь имела двух постоянных обитателей, сменявших друг друга — Вована и Нат. Иногда Гарик отвоёвывал её себе для короткой дрёмы. Но я был не против. С моим ростом и на ней было столь же неудобно, как и на пассажирском сидении, перекинув ноги через крышку мотора.

Я смотрел на пылающие угли и потрескивающие полешки. Языки пламени исполняли свой завораживающий танец, а внутри словно поселилась пустота. Будто вместе с письмами огонь выжег и часть души.

«Что там Нат говорила? — подумал я. — У некоторых народов считается что огонь высвобождает душу? Должно быть, в этом есть здоровое зерно. Но всё же это не повод обливаться горючкой и поджигать...»

Я тихо хмыкнул, поймав себя на мысли, что впервые вспомнил несчастную Людмилу без ужаса и боли. Просто яркий слайд, вставленный в мозговой проектор и больше не вызывающий никаких эмоций. С одной стороны это было хорошо, с другой — его просто перекрывала более сильная картинка.

Мысли, словно растерявшиеся в пустоте, тут же устреми-

лись в разные стороны, пока не схватились за спасительный и упоительный образ... Привлекательная брюнетка в чёрном топики и с мерцающими глазами. Пухловатые губы, милые черты лица, оттенённые заживающими синяками. Хрипловатый голос, почти ставший для меня родным. И если Вован с Гарриком периодически таскали «те самые» постеры, то мне достаточно было закрыть глаза и представить себя с ней...

— Хорошо, что она мысли не читает, — невольно прошептал я.

— Чего? — Гарик похоже тоже вынырнул из собственных размышлений.

— Забавно вышло с твоим предложением про сорок восемь — половинку просим, — спохватившись, быстро добавил я, стараясь сохранить непроницаемое выражение лица.

— Да, протокол сорок два, — уточнил он.

— Ты же знаешь, откуда это?

Мезенцев задумался и пожал плечами.

— Серьёзно? — искренне удивился я.

— Ага. Просто число.

Я невольно улыбнулся и чуть повысил голос.

— Да ну! Не ври, Гарик, это же сорок два!

— Да хоть сорок три, пальцем сопли подотри. В чём прикол, говори уже.

— Обалдеть... — я не мог поверить. — Сорок два — это ответ компьютера «Думатель», созданного мышами из рома-

на «Автостопом по Галактике» Дугласа Адамса. Мыши задали ему вопрос, в чём смысл жизни, и компьютер, проработав несколько миллионов лет, выдал ответ — сорок два. Блин, я думал ты знаешь!

На лице Гарика начала расплываться улыбка, и он тихо захихикал.

— Получается, смысл жизни в этом?

Он сложил пальцы колечком и показал характерный жест в районе ширинки. Я тоже улыбнулся.

— Видимо да, согласно твоей логике.

— Расскажи об этом Вовану завтра, пусть тоже поржёт,  
— продолжил улыбаться Гарик, доставая сигарету. Третью, за последние десять минут...

## Глава 2

### Плоть и сталь

Перед этим переходом напряглись все. Во всяком случае мы с парнями точно, да и Нат, похоже, зарядилась от нашей нервозности.

Медальоны вывели нас к небольшой поляне внизу спуска. Сама возвышенность заросла деревьями и оказалась усыпана выпирающими валунами. Боливар закончил петлять, объезжая возникающие препятствия и уставился плоской мордой в сторону дрожащего овала тёплого воздуха, беззвучно парящего над травой.

Складывалось чувство, что когда-то к этому месту вела настоящая дорога, хотя явных следов и не просматривалось. Просто само расположение и длинная проплешина в деревьях указывали на нечто подобное. Впрочем, если это действительно так, то мы всё равно выкатились из леса совершенно с другой стороны. Можно было поразмышлять об этом, можно было даже пройтись и поискать следы колёс, но голова оказалась занята совсем другим.

Побрякушки вели себя очень подозрительно. Казалось, ещё чуть-чуть и точно кольнут, а это не сулило ничего хорошего. Мы долго стояли перед переходом, совещаясь, что там может быть, и к чему стоит готовиться. Но другого пути всё равно не было. Нам не хватит ни еды, ни горючки, чтобы колесить среди деревьев ещё неделю. Если даже мы и двинемся по этим призрачным намёкам дороги, не факт, что найдём людей. Или свидетельства их пребывания.

По ту сторону перехода точно притаилось что-то опасное. Поэтому я, как самый небооружённый, а следовательно, бесполезный участник коллектива, прыгнул за руль. На пассажирском сидении устроился Гарик. Он перехватил автомат под левую руку, положил ладонь на крутилку «мясорубки» и был готов в любой момент опустить стекло и открыть огонь.

Вишняков убрал половину тента и, нацепив разгрузочный жилет, примкнул к «Сайге» полностью снаряжённый бубен, патроны в котором чередовались пулевые с картечными. Сменный магазин был проверен и покоился в большом кар-

машке разгрузки, готовый к применению. Нат заняла моё место за столиком, рядом с горсткой оставшихся боеприпасов двенадцатого калибра. По замыслу Кибера, девушка должна будет снаряжать пустой бубен, пока он окажет артиллерийское подавление чего бы там ни было. Не имея огнестрела, брюнетка откинула куртку и положила руку на нож. Как мы теперь знали, она носила его сзади на поясе, чтобы не мозолить глаза.

— Покатили, Палыч, — распорядился Гарик, когда все расселись по местам.

Я послушно опустил ручник и буханка сама, проминая покрывками мягкую траву, спустилась со склона, устремляясь к дрожащему переходу. В конце спуска я всё же воткнул передачу, чтобы держать Боливара под контролем, когда окажемся на другой стороне. Мало ли что там. Вдруг придётся сразу же бить по газам и от кого-нибудь удирать.

Мезенцев в этот момент положил руку на регулятор громкости и убавил звук. И без того негромкая «Металлика» с их «Чёрным альбомом» и песней «Где бы я ни бродил» стала едва слышной.

А потом произошло то же, что и всегда. Воздух стал тягучим, как густой кисель. Звуки замедлились, вокруг поплыли полупрозрачные сферы. Картинки видимых миров начали наслаиваться друг на друга. Медальон нагревался, и это чувство теперь вызывало у меня очень неприятные ассоциации. К тому же зарубцевавшаяся кожа утратила чувствитель-

ность, и тепло от металлического ромбика с цепочкой передавалось неравномерно.

Боливар проталкивался вперёд, в тревожную неизвестность. Серое освещение стремительно темнело, подёргиваясь и вспыхивая прозрачными всплесками чего-то странного. Словно кто-то растянул перед нами полиэтиленовую плёнку и яростно трепал её, создавая причудливые волны.

Ведущий гитарный рифф тягуче растворялся в пространстве. И словно вторя ему, прямо перед ветровым стеклом из дрожащего марева стали проступать очертания массивной фигуры. Но несмотря на замедленное восприятие реальности, мозг работал чётко. Уже в следующее мгновение я безошибочно узнал в материализующемся объекте чёртова ремеха...

Я попытался повернуть руль, чтобы избежать столкновения, но рука сдвинулась лишь на пару сантиметров. Ступня уже выжимала сцепление, чтобы воткнуть следующую передачу, но тело двигалось слишком медленно, словно его погрузили в жидкий цемент. Хотелось крикнуть что-нибудь, но даже язык слушался со значительным отставанием. Зато я отчётливо увидел, как по лицу Гарика медленно расплзается довольная ухмылка. Кажется, он был только рад, что его желание кого-нибудь прикончить сбылось так быстро. Я ничего не успел толком сообразить, как освещение резко ухудшилось и со свистом разрезаемого воздуха мы влетели в новый мир.

Магнитола перестала «жевать» «Металлику», и руль резко полетел в сторону в тот же миг, как я воткнул передачу. Боливар зарычал двигателем, а ветровое стекло моментально покрылось сплошной водяной пеленой.

— Твою мать! — наконец вырвалось у меня, когда машину по инерции потянуло вперёд.

Чёрная туша ремеха вспыхнула жёлтыми глазами, и в это же мгновение буханка с глухим треском смяла его правым крылом. В салон ворвались вой ветра и шум ливня, хлеставшего по стёклам и бортам. В салон ворвались вой ветра и шум ливня, хлеставшего по стёклам и бортам. Тут же громынуло два одиночных выстрела Вовкиной «Сайги».

— Гони, Палыч! — завопил Гарик, чуть не впечатавшись головой в ветровое стекло после столкновения с бесом.

— Куда?!

— Пармезан, сука, какой пармезан! — крикнул за спиной Вишняков. — Куда мы попали?! Их здесь до хрена!

Все остальные звуки заглушил грохот выстрелов дробовика.

«Что за дерьмо?! — пронеслось в голове. — Никто же не говорил, что можно вот так, слёту, вляпаться в неприятности!»

У меня было всего несколько секунд, чтобы разобраться в происходящем. Гарик поспешно крутил ручку стеклоподъёмника, готовясь стрелять. Я судорожно застучал рукой по приборной доске, нащупывая клавишу ближнего света.



Боливар плохо слушался. И хоть скорость была небольшой, машина неохотно шла за рулём, будто я и вправду оказался в кошмарном сне, когда крутишь баранку до упора, а машина лишь лениво подаётся на полметра.

В следующую секунду слух наконец-то смог выделить из общей какофонии звуков отчётливый треск пулемётов, и словно в подтверждение этому, вокруг тут же засверкали жёлтые чёрточки трассеров. Я не понимал, в кого именно стреляют, но инстинктивно прижался к рулю.

Сердце тут же заколотилось, подхваченное выброшенным адреналином. Кровь закипела, и палец наконец-то нащупал нужный тумблер. Вспыхнули фары, выхватив из тьмы косой ливень, чёрную пашню и мечущихся в ней ремехов. И знакомый стелющийся туман, заполнявший рывины, будто разлитое молоко.

— На пониженную переходи! — тут же заорал Игорь. — Иначе в грязь зароемся!

Я выполнил указание. Я выполнил указание. Послышался дикий хруст коробки, а за шиворот полилась ледяная вода, хлеставшая сквозь открытый борт.

В свете фар показались два ремеха, мчащихся к нам по раскисшей пашне. Их клыки-пики были направлены параллельно земле. Жёлтые глаза светились демоническим огнём. Мокрая шерсть сосульками свисала с мощных лап.

Гарик уже готов был выставить ствол в приоткрытое стекло, когда вокруг несущихся чертей земля закипела под уда-

рами пуль. Редкие трассеры вонзились в плоть, сбив тварей с шага и опрокинув их друг на друга.

Боливар наконец-то устойчиво встал на колёса. Я быстро сообразил: раз где-то пулемёты, значит, бесов там нет. И начал разворачиваться в ту сторону, откуда прилетели трассеры.

«Сайга» за спиной продолжала оглушительно бахать. Я даже не успел сообразить, сколько именно выстрелов произвёл Вишняков, как послышался его яростный крик:

— Пустой!

— Давай, я заряжу! — тут же отозвалась Нат, и голос её звучал максимально собранно.

Я бросил быстрый взгляд через плечо.

Бабах перекидывал брюнетке пустой магазин, уперевшись ногами в края открытого люка. Неистовый ветер и ливень трепали брезент, заливая в машину вёдра воды. Вишняков уже вымок до нитки, но даже не думал сменить позицию. По полу раскатывались дымящиеся гильзы, а из патронника валил густой дым. Сквозь вой ветра прорывались треск пулемётов и визги десятков чёрных тварей.

— Тохан, уводи нас с поля! — крикнул Кибер.

— Стараюсь!

Я прильнул к стеклу, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь бушующий ливень. Пальцы нащупали клавишу стеклоочистителей, и щётки дёрнулись, смахнув густую пелену.

Здесь стояли сумерки, и мы действительно оказались на

настоящей пашне. В отблесках фар промелькнул мокрый ремех. А следом свет выхватил из пелены дождя и тумана очертания, похожие на обычный комбайн и ряд стогов, накрытых брезентом на растяжках.

По небу неслись грозовые тучи. Льющаяся вода будто пыталась приглушить, вбить в грязь стелющийся туман, в котором копошились твари. Всё было до боли знакомо. Только вместо осеннего леса и щебня — раскисшее поле.

«А раз такое дело, — тут же подумал я, — значит и вояки должны быть на нашей стороне...»

— Готов стрелять! — крикнул Вован.

Нат вбила нам в головы, что действия каждого должны быть понятны отряду, и он следовал этому правилу.

— Береги патроны! — распорядился Гарик, уже повернувшийся полубоком на пассажирском сидении с автоматом наготове.

Яркий луч подствольного фонаря метнулся от борта в сумерки, заскакав по стогам мокрого сена.

— Чёрт, все стволы на один борт! — выкрикнул я, беспечно водя глазами по залитым дождём зеркалам.

— Просто води машину! — распорядился Гарик, резко дёрнувшись, в попытке поймать в прицел шустрюю цель.

Боливар закончил разворот по раскисшей земле, и сердце радостно подпрыгнуло в груди.

Прямо перед нами, в сотне метров, на фоне несущихся облаков застыли тёмные приземистые силуэты броневинов.

Подобно форпосту из видеоигры они выстроили защитный периметр, ошетилившись лучами фонарей и вспышками пулемётного огня. Трассеры разлетались во все стороны, и стало очевидно, что вояк обложили отовсюду.

Буханка цепко шла по пашне, подпрыгивая на рытвинах. Двигатель ревел на пределе. Между корпусами броневигов мелькали лучи фонариков. Я с облегчением отметил, что их больше десятка.

Боевые машины застыли на высокой насыпи. Должно быть, это была дорога. Откуда-то издалека к ним стремительно приближалась яркая отметка фар ещё одного транспорта.

— Это вояки! Закрывашку поставили и к своим идут! — радостно крикнул я.

— Вот и отлично, давай к ним!

— Ну-ка не расслабляться! — долетел из-за спины окрик Нат.

В это мгновение со стороны броневигов вспыхнуло четыре мощных прожектора, залив всё пространство вокруг бронированного форпоста жёлтым светом. Подсвеченные ремехи тут же бросились врассыпную, накрытые волной пулемётного огня. Лучи фонарей ударили по стеклу, и я, ругаясь, отвернулся, чтобы не ослепнуть.

Нат поспешно заряжала в пустой бубен оставшиеся патроны. Если я правильно помнил, это были последние. Гарик ещё ни разу не выстрелил, хоть периодически дёргал ство-

лом автомата, беря чертей на прицел.

Всё же, несмотря на царящий вокруг хаос, на сердце стало чуть легче. Да, мы оказались посреди операции вояк, но, раз они были здесь, значит где-то неподалёку должна находится пресловутая цитадель. Или опорная база. Или ещё что-нибудь подобное. Следовательно, мы сможем разобраться с информацией в моей голове и как следует подготовиться к встрече с Трэйтором...

«Сейчас главное не допустить дурацкую ошибку, — рационально заключил внутренний голос. — Давай, Тохан. Нат права. Соберись, будь максимально осторожен...»

Медальон тревожно шебаршил на груди, но пока не указывал на конкретную опасность. Впрочем, надо было быть готовым предпринять мгновенные действия, как только он кольнёт в нужную сторону. Стоило отдать должное — побрякушка точно выполнила своё назначение, выведя нас на отряд местных вояк.

— Неужели им тоже нужна наша помощь? — тихо спросил я, вращая руль, чтобы не зарыть буханку в жидкой грязи.

За грохотом боя и рёвом стихии никто не услышал мой вопрос.

Я понятия не имел, как бойцы восприняли наше появление, но то, что мы не остались незамеченными, было очевидно. Иначе и быть не могло. Тяжело было не заметить яркий уазик цвета «бизон», вспыхивающий в отблесках прожекторов и упрямо прущий через размокшую пашню.

Джеймс Хэтфилд голосил из динамиков под забористое соло Кирка, но его практически не было слышно. На каком-то подсознательном уровне мозг сам доигрывал знакомые риффы, будто подкладывая саундтрек под происходящее безумие. И всё это металлическое буйство завершилось мощной зеленоватой вспышкой.

В одно мгновение сумерки сгинули под ударом яркого свечения, а над очертаниями леса вдалеке стал медленно подниматься характерный гриб.

Теперь я видел всё как на ладони.

На широкой насыпи, склоны которой поросли мокрой травой, застыли уже знакомые «Тигры». Из верхних люков торчали пулемётчики, нещадно поливая огнём мечущихся ремехов. Твари действовали по накатанной. Они кружили вокруг солдат, выжидая момент для атаки, но безуспешно.

Форпост из бронемашин оцетинился множеством стволов. И как бы черти ни старались, они не могли найти брешь, чтобы прорваться. В отблесках полыхающей закрывашки было видно, как фонтанами льются дымящиеся гильзы остервеневших стрелков. Трупы ремехов, похожие на мокрые комья грязи, всё гуще усеивали поле.

Со стороны взрыва, на фоне изрытой перепаханной земли, действительно летел ещё один такой же «Тигр». Очевидно, именно эта группа и привела в действие закрывашку. Теперь всё выглядело весьма логично. Туман всегда сопровождал появление бесов. А бесы предвещали скорое вторжение

переработки.

Я невольно стиснул зубы. Солдаты только что совершили великое дело — остановили гибель мира, каким бы он ни оказался...

— Палыч, смотри! — Гарик повернулся и ткнул пальцем в боковое стекло. — Сколько их?!

Я проследил за жестом. Сперва ничего не понял. А потом то, что я принял за комья земли, сверкнуло сотнями жёлтых искорок. И это была вовсе не земля. Огромный табун чертей нёсся следом за броневиком.

Пулемётчик ошалело полосовал извергающим пламя стволом из стороны в сторону. Жёлтые искры трассеров уходили в живую волну только для того, чтобы мгновенно погаснуть, а сражённая тварь тут же поглощалась бегущими следом собратьями.

— Твою мать... — выдохнул я и добавил матерный возглас, когда перед лобовым стеклом промелькнул обнаглевший ремех, уходящий от пулемётного огня.

Тварь скрылась за бортом со стороны Гарика. Я крутанул руль в противоположную сторону, а в салоне пару раз грохнула «Сайга».

— Готов! Попрыгун, ёптить! — озлобленно отчитался Вишняков.

— Сука, парни, нас закарачат сейчас, походу! — крикнул Гарик, нервно закрутив головой по сторонам.

— С хрена ли? — Вишняков тут же выглянул из-за плеча.

— Пармезан, сука!

На фоне движущейся лавины бесов отдельные ремехи метались как кучка грязных комьев. Тем временем вояки не теряли времени впустую. От крыш броневиков поднялись струйки дыма, и через несколько мгновений над пашней расцвёл десяток осветительных ракет. Стоящие позди «Тигры» взревели двигателями и, громохая бронёй, сошли с насыпи, образовав своеобразную стену на пути надвигающейся волны.

— За каким хреном?! — бросил я. — Их же привлекает свет!

— У них просто нет другого выбора, — мрачно отозвался Игорь.

Оставшиеся на дороге солдаты поспешно перезаряжались. Командиры сбивали группы по обеим сторонам полотна, чтобы занять место съехавших броневиков.

— Откуда их столько?! — не унимался я.

— Видимо, закрывашку поздно поставили! — предположил Гарик.

По сосредоточенному выражению лица было понятно, что он ищет варианты спасения.

— Тоже мне, выскочили к воякам! — раздосадовано выругался Кибер. — Мы же просто корм! И вояки корм!

— Успокойся, Вовка-Бабах! — гаркнула Нат. — Тохан-Палыч, давай на дорогу и тормози по центру полотна. Надо вооружиться! В «Тиграх» полно оружия!



— Это мы знаем, — буркнул я.

— Нат права! — согласился Мезенцев. — Никому не ссать! Тут два десятка вояк, пулемёты, проход закрыли! Подкреплений у чертей не будет. Просто выстоим! Поможем им!

— Хороший план, Гарик! Просто отличный! — засомневался я, продолжая крутить руль. — Ты видишь, сколько их?!

— Вижу! Варианты, Палыч?!

Я на мгновение сосредоточился на медальоне. Железка беспокойно дёргалась в разные стороны, словно предлагая мне разорваться.

— Да нет у меня вариантов! — признался я.

— Ну вот и рули молча! На дорогу!

Вишняков ещё несколько раз выстрелил, и со стороны борта донёсся вой раненого ремеха. Боливар добрался до насыпи и, задрав нос кверху, выскочил на полотно. Бойцы в знакомом камуфляже, с той же амуницией, что были у Седого с Копытом, стояли на полусогнутых. Они ловко расступились, пропуская машину, и срезали короткими очередями особо обнаглевших бесов.

— Давай, Палыч, тормози! — распорядился Гарик.

— Сейчас, сейчас, — буркнул я, развернув Боливара так, чтобы тот смотрел в сторону от надвигающихся тварей.

— Ты что, линять собрался?! — слышался за спиной возбуждённый голос Вишнякова.

— А ты их всех двадцатью патронами перебить хочешь?!

— огрызнулся я.

Гарик произнёс что-то неразборчивое и выскочил из машины.

Я распахнул дверцу и выпрыгнул на асфальт, абсолютно не понимая, что и как собираюсь делать. Ведь у меня даже оружия не было, если не считать газовую «Перфекту», погребённую где-то среди вещей в «багажном» отделении.

«А что толку от неё? — тут же заключил трезвый рассудок. — Даже застрелиться не получится.»

Стоило оказаться на улице, как ледяной дождь окатил меня с головы до ног. Ветер хлестнул по лицу. Одежда в одно мгновение промокла. Казалось, сама природа остужает пыл, заставляя собраться. Только, похоже, этот холод отрезвил лишь меня.

Чертыхнувшись, я обогнул машину, выхватив боковым зрением то, как шеренга из пяти автоматчиков огрызается очередями в мечущихся бесов.

— Вы усиление?! — сквозь визги ремехов и грохот пулемётов пробился голос вояки, подскочившего к Мезенцеву.

Говорил он, разумеется, на понятном русском. Ничего другого я и не ожидал.

— Нет! — коротко бросил тот.

— Тогда на хрен вы тут нужны?!

— Нас сюда выбросило, от нас не зависело, — пожал плечами Гарик.

Боец на секунду замолчал, явно не ожидая такого ответа.

Тяжело дыша, он окинул нас быстрым взглядом. Мне почему-то захотелось узнать в чертах его лица облик Седого или сержанта Копыто... Услышать привычное «пиндец» и получить нагоняй. Но вместо этого на меня смотрело абсолютно незнакомое немолодое лицо.

Было видно, что ситуация критическая и боец вовсе не собирается выяснять, кто мы и откуда. Главное, что люди. А значит — на одной стороне.

Зеленоватое зарево поднимающегося гриба закрывашки смешивалось с дрожащими отблесками осветительных ракет. Туман, прибитый дождём, лежал среди комьев земли, а порывы ветра, гонявшие взвесь, придавали происходящему сюрреалистичный вид. Прямая видимость была ограничена, и казалось, что мы стоим на крохотном островке посреди бесконечного чужого мира. Что, в общем-то, было правдой.

Я только сейчас обратил внимание на то, как предательски завернулся желудок, предчувствуя приближающуюся волну бесов. Руки тряслись не только от нервного возбуждения, но и от жуткого озноба, пробирающего до костей. Чёртов ливень хлестал по лицу, а в кроссовки уже набралась вода, хотя я и пробыл снаружи всего несколько секунд.

— Вы видели, что там? — вояка быстро махнул рукой в сторону броневигов.

— Да! — отозвался Гарик.

— Что умеете?

— Всё! — не задумываясь выпалил Вишняков.

Он давно выскочил из машины и зачем-то пытался укрыть «Сайгу» подолом обдергайки.

Высказывать сомнения мужчина явно не собирался и сразу перешёл к делу.

— АГС знаешь?

— Нет! — столь же уверенно заявил Кибер.

— ПКМ?

— Да.

— Тогда лезь в «Тигра», там...

— Я знаю, делал уже...

Вишняков даже не стал дожидаться дальнейших указаний и сорвался с места, хлюпая берцами по громадной луже в центре дорожного полотна.

— Я с тобой! — крикнула Нат и рванула следом.

Всё это время девушка стояла, вжав голову в плечи и глядя куда-то вниз. Вояка только и успел заметить, как вспыхнули её глаза в отблесках ракет и закрывашки, изменив оттенок в откровенный фиолетовый. Мужчина невольно дёрнул рукой, словно собираясь что-то сказать, но не стал, обратившись к Гарику:

— Ты чего умеешь?

— Снайпер.

— Вот с этим?! — он ткнул пальцем в точно такой же «Калашников», как и у самого.

Игорь кивнул.

— Хрен с тобой. Лезь на крышу вашего драндулета, при-

крой мужиков! — вояка указал ладонью на цепочку бойцов, сдерживающих ремехов со стороны поля.

— А что с волной будем делать?! — крикнул Винчестер, уже вцепившись в багажник на крыше и закидывая туда автомат.

— Разберёмся, — без особого энтузиазма ответил мужчина.

Я как ни пытался, так и не мог разглядеть на форме знаков отличия. Должно быть, это какой-то офицер, но вряд ли главный в этой группе. Скорее просто отвечает за фланги.

— У меня патронов нет! — пересиливая треск пулемётов, бросил Гарик уже с крыши.

— Да вашу ж мать, помощнички хреновы!

— Нас случайно выкинуло, говорю же! — Гарик поднялся в полный рост, вкладывая приклад калаша в плечо. — Мы вообще мимо ехали!

— Будут патроны! Главное — страхуй бойцов, понял?

— Так точно!

— Ты, — вояка ткнул в меня пальцем. — За мной, быстро!

Весь диалог занял секунды. Я даже не успел сообразить, что происходит, как все уже разбежались в разные стороны.

«Что вы творите?! — кричал внутренний голос. — Какого хрена мы разделяемся?!»

Боец бросился к ближайшему броневику, в котором уже скрылись Вован и Нат.

Стоило прохлюпать за ним несколько метров, как сквозь треск очередей и крики солдат пробился мерзкий, чудовищный рёв, от которого душа ушла в пятки. Именно так гудели «сирены» тогда, в городе вырванных сердец. Именно так твари сзывали сородичей на решающую атаку и общий пир. Только теперь этот вой оказался в десятки раз сильнее. Будто штормовая волна неслась на берег с единственным желанием — снести всё.

— Тащи к своему! — распорядился боец, как только мы оказались перед распахнутым задним люком броневика.

Я посмотрел, на что он указывает.

Это был небольшой ящик, доверху заполненный снаряжёнными магазинами. Тут же на рифлёном полу валялись вскрытые цинки, набитые готовыми рожками.

— Оружие здесь, — вояка хлопнул ладонью по цепочке чистеньких автоматов вдоль борта. — Разберёшься, не маленький! Всё, дальше сами!

Я не успел даже рта открыть, как он отскочил в сторону и скрылся из виду.

— Да какого хрена! — наконец-то возмутился я, хватаясь за автомат и дёргая на себя. — Бабах, Нат, вы какого чёрта сюда ломанулись?!

Оружие почему-то не поддавалось, и я стал поспешно осматривать крепления, пытаюсь понять, что именно мешает.

— Есть идеи получше? — язвительно бросила брюнетка,

чувствующая себя в отсеке «Тигра» как дома.

Вована не было слышно. Он уже забрался в турель. В салоне были видны лишь его ноги и мокрые руки, нетерпеливо машущие. Брюнетка тут же вложила в них короб с лентой и потянула из-под сидения новый.

— Да нету у меня идей! — разозлился я, не понимая, почему оружие не выходит из паза.

— Палыч! — сквозь вой ветра и шум дождя долетел надрывный крик Гарика. — Быстрее, Тохан, чтоб тебя!

— Да сука! — выругался я и, так и не высвободив автомат, схватил ящик и побежал к Боливару.

Стоило мне развернуться, как за броневиками с рёвом двигателя промелькнул размытый силуэт убегающего «Тигра». Гул приближающегося «прибоя» усиливался с каждой секундой. Даже треск пулемётов начинал тонуть в этом рёве.

— Это всё неправильно! — возмутился я, продолжая бежать. — Так не должно быть!

По одинокой фигуре Гарика хлестала водяная взвесь. Концы промокшей банданы прилипли к шее. Но, несмотря на это, Винчестер с сосредоточенным лицом выцеливал ремехов в царящем безумии. Автомат резко дёргался, и в луче подствольного фонаря то и дело возникали сизые облачка одиночных выстрелов, тут же смываемые дождём.

Очередной порыв ветра накрыл броневики со стороны лавины, и я готов был поклясться, что ощутил приторный запах гниющего мяса, исходящий от неё.

Учитывая скорость, с которой мимо пролетел «Тигр», и расстояние, отделявшее его от волны тварей, удар должен был последовать через несколько секунд.

Я подлетел к Боливару и, подтянув ящик к груди, рывком закинул его на крышу.

— Патроны! — что было сил заорал я и почти не услышал свой голос.

Зато нахватал полный рот воды с привкусом трупной во-  
ни.

Страх не было. Кажется, он наконец отступил. Зато было дикое раздражение от того, что мы сходу вляпались в неприятности. Без подготовки, без предупреждения, без попытки следовать уставу. А потом ещё и разбежались кто куда, хотя могли просто дать по газам и смыться в ночь.

Военные, броневики, знакомая форма, ночь, вода, ремехи, отблески ракет и закрывашки — нагоняли жуткое дежавю. Видимо, пресловутая окружность и тут решила ничего не выдумывать. Хотя тогда противника было намного меньше.

Рядом плюхнулся пустой магазин. Я даже не слышал звук удара пластика об асфальт. Гарик, ловко склонившись над ящиком, уже подцепил и примкнул новый.

Я только и успел, что бестолково развести руки в стороны, в попытке сообразить, куда бежать и за что хвататься. «Тигр», пролетевший мимо наших позиций, резко развернулся, взметая из-под колёс комья грязи, и выскочил на полотно дороги, смяв пару бесов. И тут начался такой грохот,



какого ещё не было.

Все пулемёты и автоматы, до этого стрелявшие вразнобой, внезапно слились в единый залп. К треску стрельбы добавились длинные, глухие очереди чего-то более тяжёлого. Я посмотрел в сторону броневиков. На нескольких из них, рядом с пулемётом, загрохотало компактное оружие с массивным барабаном и коротким стволом. В гранатомётах я ни черта не смыслил, но это были те самые АГС. Видел такие по телевизору в репортажах о Чеченской войне.

Грохот стрельбы забил даже рёв двигателя броневика и визги бесов. Между приземистыми корпусами «Тигров» промелькнули ссутулившиеся бойцы с какими-то трубами на плечах. Затем они резко высунулись в просветы между машинами и дали залп в надвигающуюся лавину. Броневики загораживали обзор, но спустя мгновение в воздухе что-то полыхнуло, и я отчётливо увидел, как в разные стороны полетели дымящиеся, горящие ошмётки. А иногда и целые бесы.

Новые осветительные взмыли беззвучно. Уже потускневший свет вспыхнул вновь, и по асфальту заплясали зелёные тени.

Ветер и дождь яростно трепали ракеты, пытаясь прибить их к земле, утопить в грязи, лишить защитников последнего света. Но эти резкие трепыхания работали нам на руку, отвлекая тварей.

Не надо было полностью видеть картину происходящего,

чтобы понять, что волна разъярённой чёрной плоти натолкнулась на самую настоящую стену пулемётного и гранатомётного огня. Пронизываемый ледяным ветром, я подумал, что ремехи не приспособлены для борьбы с хорошо вооружёнными бойцами. Ведь их основная задача — внезапная атака на ничего не подозревающий мир. Вырывание сердец и терзание плоти неподготовленных людей. А вот схватка с бронёй и пулемётами не идёт ни в какое сравнение с прорывом в казармы со спящим личным составом.

Чтобы бесы не скопились в критическую массу, АГСы были в самую гущу. Уши заложило от нестерпимого грохота. Ничего подобного ранее слышать не доводилось. На фоне этого ада выстрелы из КПВТ казались детской хлопушкой.

«Им бы сейчас парочку таких же...» — подумал я, словно это умозаключение могло хоть как-то помочь военным.

Противостояние плоти и огня длилось несколько секунд. Я видел худые плечи Вишнякова, дёргавшиеся от отдачи пулемёта. Бабах просто поливал из стороны в сторону, не слишком заботясь о прицельной стрельбе, и с каждым мгновением ствол оружия опускался всё ниже и ниже.

Бойцы швырнули пустые гранатомёты и схватили новые, лежащие у ног. Второй залп получился не столь синхронным, а ошмётки тел взметнулись уже значительно ближе. Понимая, что добром это всё не кончится, я бросил быстрый взгляд на Гарика.

Тот, казалось, превратился в каменное изваяние на кры-

ше. Только сосредоточенный взгляд и редкие толчки калаша выдавали его. С каждым выстрелом где-то в грязь валился ещё один бес.

— Я к Вовану! — крикнул я что было сил, пересиливая стрельбу.

Но не успел я преодолеть и половины расстояния, как ситуация в корне изменилась.

Гранатомёты смолкли. Пулемётчики мгновенно исчезли из люков. На спине Вована возникли две руки и рывком утащили его в броневик. Оборонявшиеся солдаты попятились от бронемашин в сторону Боливара. Через пару секунд, когда уши немного отошли, в воздухе прорезался отборный мат и рёв тварей.

Я думал, меня уже трудно напугать, но этот звук был ужасен, словно выворачивал наизнанку. Он клещами вцеплялся в ушные перепонки и тянул за них в разные стороны, пытаясь разорвать голову. Безумное сочетание боли и ярости. Словно многотысячный хор, состоящий из только что покалеченных людей, пытался перекричать друг друга.

Из броневика выскочили Вишняков и Нат. На девушке уже был разгрузочный жилет, забитый снаряжёнными магазинами. В руках она держала стандартный АК и выглядело это так, словно он всю жизнь был при ней. Бабах, держа «Сайгу» одной рукой задрал её стволом вверх, а другой упихивал в мокрый подсумок ещё один бубен. Теперь, когда все бойцы высыпали наружу, их оказалось куда больше, чем я

думал.

Я подскочил к ним, не совсем соображая, что смогу сделать и за каким чёртом вояки покидают броневики. Ответ стал очевидным очень быстро.

Контуры машин словно начала облеплять ожившая грязь. Чёрные комки с рёвом и визгом взбирались на корпуса «Тигров», проползали под машинами, огибали их сбоку.

— Огонь! — заорал кто-то из вояк, и нестройная цепочка людей в мокром камуфляже принялась палить короткими очередями в надвигающуюся массу.

Лучи фонарей выхватывали грязную шерсть, и тут же её разрывали пули, выбивая фонтанчики тёмной крови. Бесы двигались как сонные мухи, но уже в следующее мгновение всё стало ясно. Большинство чертей было ранено или покалечено. Оглушено. Контужено. Шерсть некоторых источала дым. Жёлтые глаза периодически закатывались, словно заплывая стекающей кровью. Некоторые твари ползли вперёд, цепляясь лишь одной лапой.

— Обалдеть! — воскликнул я, резко остановившись рядом с Нат и Бабахом. — Всех положили!

— Ни хрена подобного! — Безумный Кибер резко повернулся ко мне и, быстро окинув взглядом Гарика и одинокий «Тигр», вцепился в рукав. — Они недобитков вперёд послали, а нормальные в обход пошли. Давай, Палыч, они нас с задницы сейчас сомнут!

— Послали?! — удивился я. — Звучит так, словно у них

есть командир!

Вишняков бросился к Боливару, перехватывая «Сайгу».

— Где оружие твоё?! — бросила брюнетка, следуя за Вованом.

— Я не успел ничего выхватить!

— Балбесина! Держись за мной, и только попробуй отстать!

Мне нечего было возразить, и я принял самое верное решение в этой ситуации — побежал за друзьями.

Бабах пролетел мимо буханки, пытаюсь докричаться до десятка бойцов, разбитых на две пятёрки по обеим сторонам полотна. Но те либо не слышали, либо не обращали внимания на каких-то непонятных пацанов с девчонкой, путающихся под ногами.

Вишняков резко остановился, безумно озираясь по сторонам и смахивая воду с лица.

— Нам хана! — заключил он. — Как минимум, две сотни по флангам заходят!

— В смысле?! — зачем-то спросил я, держась точно за Нат.

— В прямом, Тохан, — Вишняков засмеялся. — Прощаться будем, или как?

Призрачный свет закрывашки исказил его лицо. Губы дёрнулись в безумной ухмылке, будто он уже мёртв, но ещё не понял этого. Во взгляде карих глаз читалось единственное желание — убить как можно больше бесов, и вместе с тем

немой вопрос: «Неужели мы проделали весь этот путь, только ради того, чтобы сдохнуть посреди мокрой дороги, хрен пойми где?» Медальон неистово тянул сразу во все стороны, давая понять, что опасность окружает нас.

— Какой прощаться? А как же врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»? — нелепо ответил я словами старой песни, и только потом сообразил, что для экипажа легендарного бронепалубного крейсера всё закончилось весьма плохо.

— Собрались, оба! — Нат убрала руку с оружия и отвесила Вишнякову стремительный подзатыльник. — Смотри! Там, у брони, плотный огонь. С этой стороны слабее, солдат меньше! Значит, их и прикрываем! Прикрываем друг друга и каждого бойца! Боливар — опорная точка!

Никогда ещё не видел, чтобы Нат так сильно и громко кричала, указывая рукой в нужную сторону. Искры в её глазах разгорелись так сильно, что, казалось, я даже из-за спины видел фиолетовые отблески на отворотах промокшей куртки.

— Это последняя атака, их тут больше нет! — она толкнула Вовку в плечо, задавая вектор движения к нужной пятёрке бойцов. — Либо они нас продавят, либо мы выстоим. Всё, без вариантов! Палыч-Антон, будешь нашими глазами за спиной на случай, если прорвутся. Обоих не окрикивай, только одного! Соображалкой работай, в общем!

«Если Гарик командир, то Нат — его правая рука, — мелькнуло у меня. — Злой сержант. Так и есть...»

Порыв ветра ударил в спину, хлестнув по затылку холодной водой. Одежда давно промокла, но я не обращал на это внимания. Единственное, что пронеслось в голове посреди разворачивающегося безумия так это то, что ещё месяц назад я бы наложил полные штаны. Впрочем, легендарные промокшие портки, сгинувшие в челюстях ловчего, были тому прямым подтверждением.

Вишняков и Нат подскочили к воякам как раз в тот самый момент, когда по перепаханному полю потянулась длинная вереница бесов. Люди, ругаясь, стали перезаряжаться. Те, у кого ещё оставались патроны, пустили длинные очереди в мельтешащие тени. Некоторые из монстров дёрнулись и сбились с шага, но разглядеть дальнейшую их судьбу было невозможно.

На земле между бойцами стояла пара точно таких же ящиков с магазинами, как и тот, что я закинул Гарику на крышу. В лужах воды плавали гильзы и пустые рожки. Никто не тратил время на то, чтобы скидывать их в подсумки.

Я посмотрел на противоположную сторону дороги, куда уже летели трассеры пулемёта «Тигра». Тройка выскочивших бойцов поспешно вскидывала на плечо гранатомёты. А в следующее мгновение вереницы чертей как по команде развернулись и бросились волной на наши чахлые порядки.

Навстречу с шипением рванулись гранатомётные выстрелы, пробив серьёзные бреши в живой волне. Зелёные отблески дрожали на изрытой земле и мокрой шерсти мёртвых су-

ществ.

Затрещал автомат Нат. Вишняков издал что-то нечленораздельное, дёргая стволом из стороны в сторону. Заколотили калашаи стоящих рядом бойцов. Порыв ветра сорвал пару осветительных ракет, а остальные закружил в неистовом танце, запустив по земле множество мечущихся теней. Я только и видел, что волну приближающихся жёлтых глаз. Некоторые из них гасли, навсегда сливаясь с перепаханной землёй, но, к сожалению, не так часто и быстро, как хотелось бы.

Со стороны броневиков слышались душераздирающие крики и вой ремехов. Я, не отставая от ребят, посмотрел туда и тут же выругался. Недобитые, раненые, контуженные монстры нашли в себе силы на стремительный рывок и смешали ряды.

Пару солдат буквально снесли в отчаянном прыжке мощные туши, пронзив бедолаг клыками-копьями. Один погиб сразу же, второй неистово орал, придавленный тушей ремеха, шкуру которого тут же изорвала очередь.

Люди попятились, пытаясь выровнять строй. Несколько более-менее прытких тварей проскочили между бойцами и теперь стремительно разворачивались, чтобы атаковать со спины.

Я вцепился в плечо Вовану.

— Сзади! — крикнул я, направляя его в нужную сторону.

— Наших не цепани!

— Вот суки! — крикнул Кибер, вскидывая «Сайгу» и тут



же прожимая спусковой крючок.

Могучую спину одной твари разворотила картечь и удалившая следом пуля. Ремех плюхнулся мордой вниз, нелепо дёргая когтистыми лапами.

Вишняков выругался и, держа оружие наготове, двинулся в сторону бойцов, максимально точно выцеливая прорвавшихся чертей. Тем временем кучке монстров удалось запутать крайнего бойца. Они пожертвовали одним, пустив его в рывок на автоматную очередь, и напали с двух сторон.

Сквозь крики, рыки и треск одинокого пулемёта раздался мерзкий хруст разламываемых костей и разрываемой плоти. Предсмертный крик утонул в булькающем звуке и рычании ремехов, вцепившихся в жертву как голодные псы.

«Хорошо, что из-за дождя ничего толком не разобрать», — пронеслась в голове нелепая мысль, когда твари разлетелись в разные стороны, а между ними на асфальт плюхнулось что-то тёмное, напоминающее вываливающиеся из пакета сосиски, источающие пар.

По борту нашего «Тигра» заскребли когти. Добрый десяток ремехов воспользовался мёртвой зоной между стрелками и атаковал броню. Я крутанулся за Вованом, но тот уже оказался в центре схватки, исполняя какой-то чудовищный балет из резких движений и выстрелов, сметая прорвавшихся ремехов.

— Броня! — крикнул я девушке, хлопнув по плечу.

Нат резко повернула голову, и с промокшего хвоста со-

рвался водопад капель. Глаза вспыхнули в отблесках ракет. Она, быстро кивнув, развернулась и выпустила длинную очередь в забравшихся на броневик тварей. Пара бесов взревела и покатилась на асфальт, изорванная пулями.

Калаш сожрал содержимое магазина и встал на затворную задержку.

— Пусто! — лаконично крикнула брюнетка и выхватила магазин, ударив им же по фиксатору на оружии.

Я быстро перевёл взгляд в сторону поля и приближающихся тварей, так как Нат теперь упускала из виду это направление.

Наши пятеро вояк пока сдерживали волну, но всё-таки пятились. С шипением в сторону тварей влетел гранатомётный выстрел. В одно мгновение в воздухе расцвёл ярко-огненный шар, словно вытесняющий всё вокруг, а потом он резко схлопнулся с грохотом и дымом, разметав землю и бесов вокруг себя.

Раздался истошный вой. Несмотря на ливень, ближайšie твари вспыхнули, но огонь быстро погас. Обожжённая шерсть задымилась, и черти с визгом повалились на бок. Несколько бесов подбросило в воздух. Те, что оказались подальше, шарахнулись в стороны, явно сбитые с толку.

— Ещё бы с десятков таких попаданий... — с горечью заключил я, заметив, как боец отбросил пустой гранатомёт и потянулся за автоматом.

Всё же не была эта группа готова для отражения столь

массированной атаки. Мало пулемётов. Мало АГС, мало этих самых гранатомётов, похожих на зелёную трубу. Мало «Тигров» и личного состава. Мало времени на подготовку. Всего мало. Элементарно даже заминировать подход к броневикам никто не успел. А сделай так — и у бесов не было никаких шансов. Но, очевидно, что-то явно шло не по плану.

Произошедшее заняло пару секунд. В это время ремехи на бронетранспортёре набросились на торчащего пулемётчика. Нат сменила магазин почти мгновенно. Но когда луч фонаря упёрся в копошащихся тварей, было уже поздно. Бедняге с хрустом отгрызли верхнюю часть тела. Девушка выпустила весь магазин, прошивая тварей пулями, но паре из них всё же удалось спрыгнуть с брони на противоположную сторону. Остальные так и остались лежать на крыше «Тигра».

— К машине! — бросила Нат, пятясь спиной вперёд и отбрасывая пустой магазин.

В этот же момент под заживающим ожогом словно воткнули раскалённую иглу и ударили током. Я невольно вскрикнул и, ничего не соображая, со всей силы толкнул девушку в плечо, одновременно с этим движением отталкиваясь от неё.

Глаза только и успели разобрать, как два белёсых стержня с тянущимися за ними шлейфами от жёлтых глаз пронеслись в опасной близости от брюнетки. По лицу хлестнула шерсть, а в нос ударила мерзкая вонь с нотками мокрой собачатины.

Неистовый ремех пролетел между мной и девушкой, чуть

было не засадив оба клыка-копья в заднюю дверцу буханки. Тварь одним прыжком развернулась и нацелилась мне в грудь. Я снова попал в тот жидкий цемент: подсознание уже рвало тело в сторону, а мир вокруг сопротивлялся, будто замедляя каждое движение.

Бес, припав к земле и широко расставив лапы, почти бросился на меня, но тут в центре его огромной пасти словно лопнул воздушный шарик с тёмной краской, и тварь распласталась на земле.

На крыше уазика застыл Мезенцев. От ствола калаша поднимался сизый дым. Время и пространство перестали сопротивляться, и я всё же полетел в сторону, запнувшись ногой об ногу и плюхнувшись на асфальт. Гарик тут же перевёл ствол на какую-то другую цель и, замерев на секунду, бахнул ещё раз.

На фоне трепыхающегося огонька осветительной ракеты промелькнул силуэт Нат, перезаряжающей автомат.

— Вставай! — долетел до меня её окрик. — К машине! Они прорвались! Они повсюду.

Упрашивать долго не пришлось.

Я что было сил заперереберал руками и ногами, рванув к пятну буханки и пытаюсь встать.

Вокруг царил полнейший хаос. Ни о каком организованном сопротивлении речи уже не шло. Всё пространство дорожного полотна было усыпано огромными тушами мёртвых бесов. Местами они лежали друг на друге.

Под нагромождением одного из таких «брустверов» укрылись два бойца, огрызаясь короткими очередями в мелькающие тени. Осветительные ракеты почти прогорели, и тьма начинала охватывать наши позиции. Белёдые направленные лучи подствольных фонарей неистово мельтешили в облаках водяной взвеси, словно я оказался на безумной дискотеке, сопровождаемой отборным матом, визгами ремехов и обрывками фраз.

— Слева!

— Пустой!

— Ёб... Сука! Получай, тварь!

— Фланг, фланг!

— Прошёл, падла!

— Гранату!

— Плотней, мужики, плотней!

Я выпрямился. Ноги сами понесли меня к буханке. Бабах рубился в кровавом балете. Гарик разил бесов меткими выстрелами. А что делал я? Где было моё место в этом безумии? Ответ пришёл сам собой. Не из логики. Сердце и душа молотом врезались в оцепеневший мозг: моё место — между Нат и этой тьмой. Если хоть одна тварь двинется к ней, то я брошусь в бой даже с голыми руками. Пусть это и будет последнее, что я сделаю. А что мне теперь остаётся? Какой в этом всё́м смысл?

Поднимаясь в полный рост и устремляясь к Боливару, я выхватил взглядом Безумного Кибера, вновь оправдыва-

ющего прозвище. Он кружился и вертелся, будто упинаясь возможностью вершить кровавое возмездие. Пусть даже обычным бесам, не имеющим отношения к Трэйтору и гибели родителей.

Он буквально растворился в битве, поймав какой-то неведомый ритм и пульсацию атак тварей. Вот он резво шёл приставным шагом, сделав три выстрела в летящего на него ремеха. В зеленоватых отблесках было видно, как картечь крошила клыки монстра, превращая зубастую пасть в кровавое месиво.

Не успел поверженный бес плюхнуться, как Вован отскочил в сторону, перенеся ствол под левую руку и всадив в упор два выстрела в пробегающего монстра. Тварь завизжала и кубарем полетела по лужам, поднимая фонтан брызг. Но обезумевший Бабах не останавливался. С лёту плюхнувшись на колени, он припал к земле и расстрелял остатки бубна в пузо ремеху, пролетевшему над ним.

Я понятия не имел, как именно его дёргал медальон, но был уверен, что всем этим кровавым пляскам с дробовиком он обязан именно ему.

Нат прижалась спиной к буханке. Калаш огрызнулся очередью, и где-то за моей спиной взвизгнул бес. Уцелевшие бойцы тоже пятились к Боливару, срезая мелькающих тварей. Один из них запнулся о труп поверженного ремеха и плюхнулся на спину, нелепо задрав ноги в зеленоватое небо. На него тут же бросилась тварь, шерсть которой так и дыми-

лась после разрыва гранатомёта. Шансов спастись у человека не было. Рука с оружием смотрела в другую сторону, а сам он нелепо барахтался в огромной луже, уже непонятно чего. Воды или крови.

Бес готов был пронзить живот лежащего, но тут его словно огрели сверху по голове невидимым кулаком. Клыки-пики цокнули об асфальт, и он резко провернулся вокруг себя, застыв мохнатой задницей к лицу бойца, окатив того волной брызг. Это наверняка был выстрел Мезенцева. В происходящем безумии только он был способен разить противников одиночными попаданиями.

«Кобра жалит метко... — вспыхнули в памяти слова Нат. — Эх, всем бы бойцам такие медальоны.»

Я с грохотом впечатался в борт уазика. Нат тут же прижалась ко мне плечом, продолжая стрелять в мелькающих тварей. Осветительные ракеты прогорали, а запустить новые было некому. Тьма вытесняла зелёные отблески далёкого гриба. Интенсивность автоматического огня слабела. Рёв и визги тварей смешивались с криками немногочисленных раненых и редкими хлопками ручных гранат. Пространство между броневиками было усеяно шерстяными тушами, застывшими в неестественных позах. Порыв ветра ударил в лицо со всей силы, и я вдруг ощутил пронизывающий до костей холод.

Отбросив пустой бубен, с другой стороны ко мне поджался Вишняков.

— У меня последний! — выпалил он, примыкая магазин к оружию.

— Сюда, давайте сюда, чтоб вас! — кричала Нат паре уцелевших бойцов, волочивших за ремни разгрузочного жилета раненого товарища.

«Я снова бесполезный, — абсолютно спокойно подумал я, и зубы на мгновение перестали стучать. — Хоть с земли автомат подними...»

Я тут же подался вперёд, пытаюсь высмотреть ближайшее тело бойца или валяющееся оружие, но вместо этого разглядел лишь несколько десятков мерцающих бесовских глаз.

Лязгнули затворы «Сайги» и автомата. Бойцы с матом подтащили к передку буханки раненого. Тот тяжело застонал и дёрнул из разгрузки пару гранат.

С противоположной стороны дороги не было никаких звуков. От броневиков, принявших удар, доносилась брань и команды, выкрикиваемые сорванными, охрипшими голосами. Плоть сошлась с огнём и сталью. Обе стороны были значительно прорежены, но всё же перевес явно оказался в пользу бесов. И теперь твари медленно окружали островки уцелевших, готовясь покончить с ними финальным рывком.

— Тохан, наколдуй что-нибудь! — неестественно громко заржал Вишняков, выпучив на меня глаза.

— Например что? Я говорил, надо было по газам и валить! Нат тут же больно треснула меня локтем по рёбрам.

— От себя не убежишь! — добавил Бабах. — Ну давай,



Тохан, получалось же!

— Ахалай-махалай! — я взмахнул перед собой дрожащими руками, вспомнив присказку из далёкого детства.

Выражение лица Вована на несколько секунд стало абсолютно серьёзным. Он даже быстро осмотрелся по сторонам, словно действительно надеялся на чудесное спасение.

— Вот сука, — разочарованно фыркнул он, отплёвываясь от стекающей по лицу воды. — Не работает...

— Ещё как работает! — хрипло воскликнула Нат, махнув головой в сторону дорожного полотна, растворяющегося в мокрой тьме.

— Да ну нафиг, — протянул я, положив руку на буквально загнувшийся медальон.

В воздухе, прямо на наших глазах, кто-то словно растягивал мутную плёнку, идеально круглой формы. Спустя несколько мгновений окружность полностью перекрыла дорожное полотно, а нижняя часть плавно ушла в землю, подобно нематериальному призраку. Дрожащая плёнка заиграла разными оттенками, и сквозь неё начала проступать массивная тёмная тень, ползущая по асфальту в нашу сторону.

— Медальон нагрелся, — услышал я голос Вована, но никак на это не прореагировал.

Мы впервые видели процесс перехода со стороны. Теперь было понятно, как мы напугали случайных водителей, когда въехали в родной Челябинск. Что-то массивное действительно материализовывалось прямо из воздуха на наших глазах.

Порыв ветра, словно откуда-то издалека, доносил урчание солидного двигателя, хотя портал открывался метрах в пятидесяти от нас.

Я как замороженный наблюдал за происходящим, продолжая прижимать к груди медальон. «А не Трэйтор ли это снова пришёл по наши души? — промелькнула ужасная мысль. — Что ж, это было бы весьма некстати. Хотя, можно подумать, когда-то это будет кстати...»

Никакого эффекта замедления времени мы не ощущали, так как не были внутри перехода. Бабах и Нат открыли огонь. На крыше захлопал Гариковский калаш. Мокрые, злые черти раззявили пасти и бросились в атаку, намереваясь пригвоздить нас клыками-пиками к борту. А потом, видимо, спокойно полакомиться сердцами... Но их планам не суждено было исполниться.

Успокоившуюся было ночь разрезал свистящий звук, и в это же мгновение загрохотало так, словно кто-то начал сыпать с большой высоты мелкий щебень на кусок профнастила. Кажущаяся почти непрерывной линия трассеров хлестнула по надвигающимся тварям, перемалывая их подобно чудовищной мясорубке. Пули рвали бесов на куски, чуть ли не перепиливая их. А затем ударялись об асфальт и молниеносно взмывали в ночное небо. Я даже не успел подумать, что рикошеты могут зацепить и нас. Но стрелок, из чего бы он ни стрелял, предусмотрительно срезал дальних тварей.

— Получайте, сволочи! — пробился сквозь треск злоб-

ный крик Вишнякова.

Он тоже стрелял. Это было видно по тому, как дёргался ствол, выплёвывая вспышку и искры.

Задние ряды ремехов были уничтожены за несколько секунд. Атакующие нас получили из автоматов и Вовкиной «Сайги». Ряды тварей смешались, и они бросились в рассыпную, преследуемые самой настоящей жёлтой струёй трассеров, изрывающих шерстяные тела.

Плотность огня была чудовищной. Тут даже не надо было выцеливать сердце твари, расположенное примерно по центру вонючей пасти. За полсекунды в зверюгу впивалась пара десятков пуль, смешивая плоть и кости с грязью и осколками дорожного полотна.

Мимо нас проплыл «Тигр» с другим камуфляжем. Вместо турели — миниатюрная башенка, из которой лился водопад дымящихся гильз и звеньев ленты. Он продолжал оглушительно свистеть и греметь. Полуметровое ослепительное пламя срывалось с неистово вращающегося блока стволов, призванного уничтожать всё на своём пути.

— Да это же чёртов миниган! — воскликнул я, но всё равно остался неслышанным.

Бронетранспортёр замер в десятке метров, отесняя огнём бесов от уцелевших бойцов. С другой стороны буханки промелькнул ещё один «Тигр», полосую ночь трассерами, а из кольца перехода уже выползал третий. Задняя аппарель с гулом опустилась, и из железного нутра, мерцающего туск-

лым красным светом, высыпал десяток бойцов. Несмотря на ожидания, они всё же отличались от уже привычных нам во-  
як.

Вместо калашей они держали диковинное оружие компо-  
новки «булл-пап» с корпусом, из пластика. Поверх чудной  
униформы поблёскивали непонятные стальные планки. Или  
рейки. Но торчащий из приклада магазин всё же говорил о  
том, что оружие под привычный патрон. Так что вряд ли это  
было что-то футуристическое, вроде винтовки Трэйтора.

— Тохан! — радостно вцепился в меня Вишняков, прыгая  
на месте, задрав «Сайгу» стволом вверх. — Тохан, колдун,  
сука!

— Да я не при чём!

— Нат, Нат, ты видела! — он тут же схватил девушку за  
куртку. — Ух, пармезан, ёптить!

Далее последовал восторженный поток отборной матер-  
ной брани, остановить который именно сейчас было невоз-  
можно.

Тем временем бойцы, облачённые в пиксельный каму-  
фляж различных чёрно-серых оттенков, мгновенно распре-  
делились по полю боя, добывая одиночных ремехов меткими  
очередями. Вспышки, срывающиеся с коротких стволов, и  
летающие гильзы подтвердили догадки о оружии, но модель  
я не знал.

Прибывшие бойцы двигались стремительно, словно ноги  
не касались земли. Даже Вишняков во время недавнего ис-

полнения своих смертельных па с дробовиком не смог с ними сравниться. А он был почти молниеносен. Для меня, как носителя медальона, его скорость была необъяснимой.

— Неужели всё? — тихо прошептал я, когда стих грохот миниганов.

Ответ был очевиден. Прибывшие бойцы зачистили пространство вокруг буханки и беззвучно растворялись в тьме, оттесняя недобитых тварей в поле, где те и находили свой конец.

К отдельным раненым уже спешили бойцы с эмблемами красного креста в белом круге. Знаки были нанесены на рукава, тыльные стороны касок и объёмные подсумки по бокам. В руках одного из санитаров я успел разглядеть знакомый УРК, прежде чем он ввёл препарат в разорванную ногу корчащегося от боли солдата.

— Гарик, Кобра, ёптить, слазай! — не унимался Вован, прыгая вокруг нас. — Тохан, колдун самый настоящий!

— Да ну нет же! — настаивал я. — Это просто совпадение!

Вовкина радость оказалась заразной. Я даже забыл о холоде, хотя меня всего трясло.

— Ты как, цела?! — выпалил я, повернувшись к Нат.

— Да, Палыч-Антон, — брюнетка повернулась с усталой улыбкой, щёлкнув предохранителем.

— Мы им снова показали! — Вишняков швырнул «Сайгу» на ремень и вприпрыжку бросился обнимать нас, смеясь

как сумасшедший.

«Это не нервы, — подумал я, хотя ноги сами стали пружинить в такт Вовкиным скачкам. — Это страх, что в следующую секунду всё исчезнет. Нат, Вован, Гарик... Всё, что осталось от простой и понятной жизни. А я, такой крутой носитель медальона, даже прикрыть их нормально не смог. Стоило только бесам прорваться, как руки оказались пусты. Ни ствола, ни гранаты, только бесполезные мысли...»

— Все живы? — на плечи легли руки Мезенцева, спрыгнувшего с крыши.

— Да! — выкрикнул Бабах. — Нас такой ерундой не пронять!

— Как ты это сделал?! — Нат посмотрела на меня рябящими светлячками глаз.

— Да никак, говорю же! Просто совпадение.

— Один раз — случайность. Два раза — совпадение, — улыбаясь, заключил Гарик, всовывая свою пиратскую физиономию в наш импровизированный хоровод. — Три раза уже закономерность. Но, надеюсь, третьего раза не будет. Так что всё верно. Пока это совпадение!

Вишняков заразил всех своей истеричной энергией, умудрившись раскатать на прыжки. Я неуместно подумал, что у друга действительно могло быть огромное будущее в музыке... в жанре панк-рок. Даже Нат засмеялась, припрыгивая вместе с нами.

Мы радостно подскакивали, как четверо придурков, а я

считал её тяжёлые, распалённые боем вздохи. Мы живы. Нат цела. Должно быть, это было очень глупо, но мозгу больше не за что зацепиться. Родителей нет. Очередная дыра между мирами, не предвещающая ничего хорошего. А она... Она смеётся. И ради этого стоит терпеть всю эту хрень с медальонами и бесами.

Меня переполнил сильный, манящий порыв склониться к уху брюнетки и признаться в том, как сильно я переживал за неё. Насколько она волнует моё сердце и душу. И казалось, что уже в следующие мгновения я так и сделаю...

— Не помешаю? — прервал восторг сильный командирский голос.

Мы остановились и разом посмотрели в сторону источника.

В паре метров от нас замер рослый мужчина в такой же форме, как и у других бойцов. Между тем он сразу как-то выделялся на фоне остальных. По деловито сложенным за спиной рукам сразу было ясно — он здесь главный. На поясе болтался закреплённый шлем. Причудливый автомат покоился на груди, поблёскивая от капель воды.

Я непроизвольно рассмотрел оружие. Кажется, оно действительно было сделано из пластика. Или это был какой-то составной корпус. Цевьё имело непривычный изгиб под руку, а прямо над ним красовался длинный рычаг затвора. Рядом виднелись четыре наклонных прорези со скруглёнными краями. По верхней части шла ребристая планка с закреп-

лѐнным коллиматорным прицелом закрытого типа, очень похожим на те, что были на наших АК. Защитная скоба у спускового крючка огибала не только его, но и всю рукоять полностью, будто кто-то вставил оружие в пластиковый кастет. Впрочем, несмотря на футуристичность, в дизайне угадывались черты «Энфилда» в компоновке булл-пап и «Фамаса» в линиях ствольной коробки. Разве что без характерной верхней планки француза.

На остановившихся «Тиграх» хлопнули устройства запуска осветительных ракет, и нам удалось получше разглядеть подошедшего.

Первое, что бросилось в глаза, так это причёска, никак не сочетающаяся с виденным ранее. Коротко выстриженные виски оказались покрашены в разные цвета: правый — в красный, левый — в жёлтый. Всё это накрывали аккуратно зачёсанные набок волосы такого же тѐмно-красного отлива с редкими жѐлтыми прядками.

Мужчина нарочито медленно поводил головой, будто давая рассмотреть безумную причёску. Мы перестали прыгать и, не сговариваясь, вытянулись в некое подобие кривого строя. По глазам Вишнякова было видно, что у него уже есть что сказать относительно увиденного, но он предусмотрительно молчал.

Командир оказался на полголовы выше меня. Нельзя сказать, что мужчина обладал внушительной комплекцией, но намокающая форма всё же обтягивала крепкие проработан-



ные плечи и руки. Остальное было не разобрать из-за весьма странного бронежилета из подвижных, словно поролоновых, пластин, прикрывающих полностью торс, пах, руки до локтей и ноги до колен. К тому же при ближайшем рассмотрении я обнаружил, что все железки, которые поплёскивали и на других бойцах, замыкались в некую «силовую раму», словно его обвели по контуру металлическими полосами.

Элементы соединялись между собой наподобие суставов. Местами виднелись шланги высокого давления в металлической оплётке. Но при этом конструкция легко повторяла все движения человека, абсолютно не мешая. Должно быть, именно благодаря ей прибывшие бойцы и двигались столь стремительно.

На вид мужчине было ближе к сорока. Островатые черты лица, немного вытянутый подбородок и нос придавали сходство с хищной птицей. Из-под аккуратных, похоже, что специально подстриженных бровей, смотрели узкие, словно застывшие в изучающем прищуре глаза. На крепкой шее пульсировала вена. Это было особенно хорошо заметно в отблесках осветительной ракеты.

Мне подумалось, что обладать столь пристальным и пронизывающим взглядом обязательная черта любого командира. Даже у Трэйтора был подобный...

От столь странных ассоциаций мне стало немного не по себе, но я тут же успокоился, поймав себя на том, что во взгляде командира не сквозит никакой угрозы, кроме

искреннего любопытства и какой-то чертовщинки, больше присущей Бабаху, нежели военному.

— Вы чему так радуетесь? — поинтересовался он, кивнув в сторону буханки. — Расскажите остальным, а то они мрачные какие-то, словно только что смерти в глаза посмотрели. Даже не понимаю, с чего бы это?

Мы повернулись. Наши взгляды встретились с двумя уцелевшими бойцами. Они стояли рядом с раненым, которому уже помогал медик из подкрепления. Я только сейчас по-настоящему увидел лица тех, кто сражался рядом со мной. Точнее, тех, кто сражался за меня, пока я бестолково бегал с ящиком магазинов и просто указывал Вовану и Нат, в кого надо стрелять.

Простые, утомлённые, бледные лица. Один мужчина средних лет, а другой — совсем молодой парень. Может, наш ровесник, а может, чуть старше. Вот только взгляд у него был такой, словно он прожил целую жизнь. С баллистического шлема, с поднятыми приборами ночного видения, стекали струйки воды. Поджатые бледные губы мелко подрагивали. Нельзя сказать, что взгляд осуждает нас. Парень вообще смотрел словно куда-то сквозь меня и буханку. В чёрную, холодную бесконечность.

«Чёрт, — дошло до меня. — Это же все, кто уцелел из десятка, прикрывающего дорогу с обеих сторон. Не считая прорвавшегося „Тигра“, в котором разорвали пулемётчика. Они же почти всех потеряли... А мы тут прыгаем от радо-

сти».

— Вот ёптить, — хрипло выдохнул Вишняков, смахивая с лица капли воды. — Нехорошо получилось.

Со стороны поля доносились редкие очереди. После каждой раздавался предсмертный визг добываемого ремеха. Среди россыпи мёртвых бесов мелькали фигуры прибывших бойцов, вытаскивавших из-под неподвижных туш тела погибших солдат. Немногим уцелевшим оказывали помощь. Грозные стволы миниганов по-прежнему смотрели в сторону пашни. Стоны раненых постепенно стихали, уступая место отрывистым переговорам.

Дождь и ветер тоже успокаивались, будто почувствовав окончание сражения. Тени от осветительных ракет перестали метаться и теперь слабо подрагивали на мокром асфальте среди десятков мёртвых туш.

— Я так и думал, — хмыкнул командир. — Ладно, бестолочи, посмотрим что умеете. Стройся!

— Чего? — не понял я, но тут же получил привычный тычок от брюнетки.

— Быстро, — фыркнула она, сообразив, что к чему.

Мы как смогли подравняли построение, но по струнке никто вытягиваться не собирался. Во-первых, мы не были на службе. Во-вторых, мокрая холодная одежда этому никак не способствовала.

— Да... — грустно протянул командир, продолжая держать руки за спиной. — Кто у вас за главного?

— Я, — Мезенцев поправил чуть не соскользнувший с плеча автомат.

Мужчина хоть и говорил на русском, но всё же с еле различимым акцентом, словно иногда пытаясь послать гласные звуки в нос. Впрочем, может, это из-за дождя. А может, у командира насморк.

— Понятно. Со службой тут только девчонка сталкивалась, очевидно, — красноволосый посмотрел на брюнетку, выглядевшую убедительней всех. — Ведьма?

— Что? — Нат вопросительно подняла бровь, но тут же сообразила, что дело в цвете глаз. — Нет. А какой смысл вы вкладываете в этот термин?

— Ну уж точно не тот, что ты летаешь на метле, — тонкие губы мужчины поплыли в улыбке. — «Геридейские ведьмы» — боевое подразделение, укомплектованное исключительно женщинами. Набирали из кластера Геридея, очевидно. Там произошёл ядерный апокалипсис, а потом всё это полернуло каким-то Распылением, суть которого мне не известна. Там у всех людей глаза так мерцают. Только у мужчин не столь ярко выражено.

Я ни черта не понял. Нат тоже.

Командир пожал плечами и обратился к Гарику.

— Я майор... — он споткнулся на слове и еле заметно скривился. — Капитан Стилл.

— Мезенцев Игорь, — Винчестер пожал плечами. — Это Володя, Антон и Нат. Мы, вроде как, кадеты....

Капитан улыбнулся и прыснул, отрицательно замотав головой.

— Ну уж нет, точно не кадеты. Перейдём к делу. Мне поручено отыскать и сопроводить вас на ближайшую опорную базу. Старшие суетятся. Вас ищут. А мне вот интересно было посмотреть, из-за чего наши задницы с насиженного места сорвали. Есть соображения?

Ударение в слове «старшие» Стилл ставил на последний слог. И я почему-то был уверен, что подразумевает он кустосов.

— Не знаю, — Гарик недоумённо пожал плечами. — Мы случайно здесь оказались...

— Случайно?! — громко воскликнул капитан, наконец-то достав руки из-за спины. — Да ты издеваешься, не иначе. Это я вас, балбесов, на этом оранжевом чудовище лично в этот сектор запустил! Случайно, обалдеть!

Мы невольно открыли рты от удивления. Вишняков даже качнулся вперёд, словно собираясь то ли подскочить к командиру, то ли поднять руку для вопроса.

— Капрал! — тем временем громко окликнул Стилл кого-то из бойцов.

— Говорил же, что мне такое не под силу, — только и смог буркнуть я, поймав вопросительные взгляды Нат и Гарика.

Мезенцев еле заметно кивнул, и губы тронула лёгкая ухмылка. Было видно, что он внутренне согласился со своими предположениями.

— Тогда мы ничего не понимаем... — начал он, но капитан стремительно вытянул руку с поднятым указательным пальцем. — Помолчи.

Жест был каким-то дурацким и наигранным. Словно в комедийном сериале, что никак не сочеталось с окружающей действительностью. А вот железная «силовая рама» действительно никак ему не мешала, позволяя выполнять любое движение с еле слышимым механическим гудением, от которого по спине невольно пробежал холодок. Было в нём что-то схожее с гулом механизмов кровохлёба.

Тем временем к нам подбежал капрал, в движениях которого было что-то не так. И только при ближайшем рассмотрении я понял, что именно. Это была молодая девушка, ровесница Нат. Мешковатая форма была плотно подтянута по бокам всё теми же железками. Оружие точно такое же, как и у остальных, но вот сам эластичный бронежилет, как я его пока прозвал, выразительно округлился на груди. Из-под каски торчали короткие кончики мокрых светлых волос.

В голове словно что-то щёлкнуло, и я только сейчас подметил, что далеко не все бойцы в сером пиксельном камуфляже были мужчинами. Например, тот, что сейчас колдовал над раненым, тоже оказался женщиной. Промокший камуфляж обтягивал округлые бёдра и узкие плечи. Мне это показалось странным, но капитана Стилла данный факт несколько не смущал.

— Доложите обстановку, — коротко бросил он.

— Взвод вошёл в зону проведения операции, — собранно начала девушка. — Первое и третье отделение зачищают фланг. Второе оказывает помощь местным силам. Дроны в такой дождь не летают, но мы сканируем местность, выявляя каждую цель. К спутникам не подключиться, здесь их нет. Технология мира на уровне среднестатистического начала двадцатого века, так что никак. Потерь в личном составе нет. Пулемётчики израсходовали двенадцать тысяч патронов, но результат того стоит. Противник разобщён и дезорганизован. Продолжаем зачистку территории.

— Пробойщика, — кивнул Стилл и протянул ладонь.

Капрал молча кивнула, ловко сняла со спины плотный кейс и извлекла из него увесистое устройство размером с дипломат, укреплённое по углам узорчатым пластиком. Судя по всему, это был пульт управления. От него тянулись толстые эластичные провода, уходящие в объёмный тактический рюкзак за спиной капрала. Несколько торчащих коротких антенн придавали агрегату сходство с армейской рацией, хотя я был уверен, что это не так.

«Пробойщик! — промелькнули мысли. — Устройство, пробивающее брешь в любой нужный мир? Ну да, похоже на то. И в логику Гарика вполне укладывается! Выходит, можно сразу перемещаться куда надо, а не бежать от дырки до дырки, как Вован говорит? Вот чёрт, так это мы сразу можем... А что мы можем? А куда нам, на самом деле, надо?»

В голове зашевелилось множество мыслей. Захотелось за-

сыпать вояку вопросами, но, словно уловив моё напряжение, он ещё раз помахал в воздухе пальцем.

— Позже. — Капитан перехватил устройство и что-то на нём нажал.

В воздухе тут же бледно замерцала голограмма, наподобие той, что я видел у Трэйтора. Красноволосый ткнул в несколько символов, и над поверхностью прибора возникло облако точек, соединённых между собой блёклыми линиями. Всё это напоминало карту вояк, только в объёмном виде.

— Вот отсюда я перекинул вас сюда. — Стилл указал пальцем на выделенные отметки. — Мы должны были рвануть следом и сразу же вас перехватить. Но какой-то умник использовал импульсный конденсатор.

Капитан оторвался от устройства и пристально на нас посмотрел.

— Это был я.

— Вот и молодец. Мы знали, где вас искать, а вот преследователь явно не смог отследить. Мудрое решение, салага. Где конденсатор взял?

— Нашёл.

— Подождите, — фыркнул Мезенцев, положив обе руки на голову и проведя ладонями вниз, выдавливая воду из промокшей банданы. — Вы были там? Вы были в нашем родном Челябинске?! Вы видели, как эта тварь гоняется за нами?

Капитан недоумённо посмотрел на капрала, словно не понимая суть вопроса. Та ничего не ответила, оглядываясь по



сторонам. Похоже редкие очереди и отдалённые визги ремешков ни капли не смущали обоих вояк.

— Вы были там все? — Гарик окинул дрожащей рукой поле боя, подразумевая прибывших солдат. — И с какого момента? До того, как этот сукин сын бахнул зажигательной ракетой? Или позже?!

Голос Мезенцева задрожал сильнее, а губы тронула та самая ухмылка, не предвещающая ничего хорошего. Я тоже невольно содрогнулся и на этот раз не от пробирающего холода, а от осознания того, о чём говорит Игорь.

— Вот ёптить... — злобно протянул Вишняков, тоже сообразив.

— Был я, капрал и один броневик, — спокойно начал капитан, явно не собираясь перед нами отчитываться. — Что такое «ваш Челябинск» — я понятия не имею. Какой-то примитивный город очевидно? Но, вынужден признать, он выглядел лучше, чем наши хибары. Да, мы слышали выстрелы из рельсотронной пушки, но визуальный контакт установили только метров за сто до точки перехода.

— А как же Трэйтор? — проскрипел Винчестер.

Стилл недоумённо поднял бровь и даже немного отодвинул голову назад, как-то наигранно и утрированно показывая полнейшее непонимание.

— Сука, летающий броневик с пушкой, с ним-то что?

— Понятия не имею, — вояка пожал плечами. — Мы ушли следом за вами. К тому же у меня чёткое распоряже-

ние: в бой не вступать, в местном мире не следить. Да и я не настолько рехнулся, чтобы в лоб атаковать миниганом технологически превосходящего меня противника без особой на то надобности.

— Особой надобности?! — Вишняков вдруг побледнел, будто его ударили в живот. — Так... значит, вы видели, как они... И просто...

Я прекрасно понимал эмоции друга и не знал, чем ему помочь. Начавшая было немного забываться горечь утраты тут же напомнила о себе, словно это случилось несколько минут назад. Захотелось обматерить вояку. Ляпнуть ему какую-нибудь гадость. И только спокойный внутренний голос подсказывал, что лучше так себя не вести с теми, кто только что спас тебе жизнь.

— Это было уже после того, как они погибли, Володь... — я положил руку Киберу на плечо. — Позже. Уже ничего нельзя было изменить...

— Не следить, значит, — Гарик на секунду задумался, а потом сложил руки на груди. — Интересно...

— Так, — Стилл повысил голос. — Я понятия не имею, что у вас там произошло, но вот это всё злобное можете оставить при себе.

Он отключил прибор и вернул девушке-бойцу. Затем ещё раз пристально на нас посмотрел и, словно сделав одолжение, добавил:

— Но можете позже внятно изложить, что не так. Я тоже

хочу иметь представление о происходящем. Верно, капрал?

— Верно, — отчеканила девушка звонким молодым голосом.

— Верно, кто... — Стилл сделал вращательный жест кистью.

— Верно, сэр!

Я ни черта не понял. Капитан, на первый взгляд производивший впечатление выдержанного вояки-командира, сейчас казался немножко неадекватным.

«Какой капрал? — подумал я. — Это же звание европейских армий, у нас их нет. Какой, к чёрту, „сэр“? Это вообще британо-американское обращение. Но говорит ведь по-русски. Акцент, если это и правда он, совсем ничтожный. Так и люди с аденоидами говорят... Что всё это значит?»

Мы застыли в недоумении, обескураженные новой информацией. Было видно, как каждый крутил в голове какие-то мысли, и только Нат смотрела на вояку спокойным взглядом. Тем временем Стилл повернулся к подошедшему бойцу. Похоже, тому самому, что разговаривал с нами до начала бойни. Вот только выглядел он теперь намного хуже.

Разгрузочный жилет разорван. Мокрый камуфляж местами прожжён. Вместо кисти левой руки — обмотка кроваво-красных бинтов. Лицо болезненно-белого цвета с множеством мелких царапин. На баллистическом шлеме — отметины когтей. Прибор ночного видения сорван и нелепо болтается сбоку на обрывках крепления. В целом выглядел боец

так, словно ремех уже начал его жевать, и только меткий выстрел товарища спас его от ужасной участи. Впрочем, может быть, так и было.

— Старший лейтенант Васнецов, — с трудом стоя на ногах, отрапортовал он, приложив к голове уцелевшую руку.

— Кластер «Гнилой Шов». Выполняли боевую задачу по предотвращению вторжения. Немного не успели. Твари нанесли упреждающий удар.

Стилл на секунду собрался и чётко отдал честь, абсолютно не заботясь о том, что красные волосы ничем не прикрыты.

Я не был силён в деталях, но, насколько помнил из дворовых присказок, прикладывать руку к непокрытой голове в армии было не принято.

— Май... Капитан Стилл. Кластер не имеет значения. Вы прекрасно справились, лейтенант. Я укажу это в рапорте перед старшими.

Лейтенант переступил с ноги на ногу. Казалось бы, потухшие глаза всё же с недоверием посмотрели на командира и скользнули по нам.

— Вы подкрепление? Или закрывать надо было сразу несколько мест?

Васнецов явно пытался разобраться в происходящем.

— Ни то ни другое. Этих мы забираем с собой. Вам в рапорте рекомендую ничего не указывать о факте их визуального обнаружения. Опишите ситуацию как есть, но опустите

детали нашего появления.

— А... — лейтенант непонимающе посмотрел на Стилла.  
— Все старшие офицеры мертвы. У меня раненых больше, чем живых... До опорника два перехода. Четверо тяжёлых, мужики не дотянут...

Стилл понимающе кивнул и обратился к девушке:

— Капрал, изымайте у Кудряшова резерв УРК и передайте в пользование старшему лейтенанту. Тогда дотянут.

— Так точно, — девушка убрала пробойщика на место.  
— Кудряшову это не понравится...

— Ну что поделать, — Стилл развёл руками. — Это мой приказ, со всеми вопросами знает куда идти. Выполнять.

— Есть, — отозвалась капрал и, поправив оружие, еле заметно улыбнулась. — Сэр.

Я содрогнулся от пробирающего холода.

Адреналин схватки начинал спадать, и теперь каждый порыв ветра, бьющий по мокрой одежде, лезвиями пронзал тело. В голову пришла дурацкая мысль, что молодую девушку-капрала ни капли не смущает вид развернувшейся бойни. Должно быть, бойцы привыкли к подобным зрелищам. Даже те, что сейчас вытаскивали из-под бесов разорванного напополам солдата, не выказывали особого отвращения.

— Хорошо, что дождь... — услышал я голос брюнетки.

Она тоже дрожала от холода.

— Почему? — машинально уточнил я.

— Кровь смывает, запаха почти нет...

«Вот чёрт! — мысленно укорил я себя. — Её же подобное побоище может попросту с ума свести...»

Мимо проشمыгнуло несколько теней в сером пиксельном камуфляже и «силовых рамах», возвращавшихся со стороны перепаханного поля. Дождь стихал, и теперь было отчётливо слышно металлическое позвякивание по дорожному полотну. Я попытался выделить, были ли среди них женщины, словно это было действительно важно.

— Сектор зачищен, — быстро отрапортовал один солдат, вытянувшись перед капитаном.

— Хорошо, уходим, — кивнул Стилл и, повернувшись к нам, добавил: — Вы за мной в броневик. Разговор есть, пока умник Буренин вас к рукам не прибрал.

— А как же Боливар? — развёл руками Вишняков. — Мы его тут не бросим!

— Кого?

— Машина, — Гарик ткнул пальцем в борт буханки.

— Берите с собой, — пожал плечами капитан, жестом показывая бойцу, что тот может быть свободен.

— А кто поведёт тогда? — деловито начал Кибер.

— Я поведу, Вовка-Бабах. — Нат попыталась изобразить улыбку дрожащими губами и быстро проскользнула мимо, поспешив укрыться в уазике. — Я так поняла разговор вас троих касается, я не при делах. А ты...

Она обратилась ко мне, ткнув пальцем в мокрую грудь.

— Когда оружие из крепления дёргаешь, внимательней

смотри. Там внизу, в области приклада, зажим. Стоит его расслабить — и всё сразу же получится. Балбесина...

Последнее было сказано без всякой издёвки. Синие искорки глаз сверкнули в дождливой тьме, и девушка скрылась в машине.

Стилл уважительно кивнул, отдавая должное её догадливости.

— Печку включая сразу же, — заботливо бросил Вишняков вслед.

Капитан вновь выпрямился и, как положено, отдал честь стоящему рядом Васнецову.

— Отличная работа, лейтенант. Ваше мужество и стойкость дали шанс этому миру... Каким бы он в итоге ни оказался...

Красноволосый как-то странно ухмыльнулся и, развернувшись, зашагал в сторону «Тигра», призывая жестом следовать за ним. Над полем боя раздались оживлённые возгласы, и прибывшее подкрепление стало быстро сворачиваться. Судя по всему, у них тоже была связь внутри подразделения, потому что двигались бойцы весьма слаженно, но при этом не используя никаких раций.

— Капрал! — громко рявкнул Стилл, не оборачиваясь.

— Здесь! — откликнулась девушка.

— Подгоните салаг, а то они совсем застыли...

Из полумрака догоравших ракет выскочила знакомая фигура и, оказавшись между нами и буханкой, легко подтолкнул

нула нас в спину.

— Идёмте.

Я открыл было рот, чтобы хотя бы попытаться разобраться во всём происходящем, но меня опередил Вишняков.

— Ну и что, парни? Что делать будем?

— Для начала согреемся, — злобно проскрипел Мезенцев, уставившись Стиллу между лопаток, где элементы «силовой рамы» и шланги сходились в небольшой блок.

— Чёрт! — внезапно воскликнула капрал. — Остаточный сигнал слева...

Она не договорила, так как в это же мгновение груды мёртвых бесов, мимо которой проходил капитан, дрогнула и пришла в движение. Кажется, даже медальон попытался кольнуть, но, прилипнув к мокрой коже, попал в омертвевшую ткань рубца.

Из-под верхней туши стремительно возникли клыки-пики и рванулись к командиру. Всё это заняло не больше секунды. Даже приглушённый рёв раненого ремеха не успел зазвучать на полной громкости из-за груды мёртвых тел.

Недобитый монстр нашёл в себе силы на последний рывок. И когда оба клыка должны были вонзиться Стиллу в бок, капитан резко ушёл с линии атаки, попутно схватив ремеха за смертоносное копьё. В зеленоватых отблесках закрышки блеснула стальная пластина, защищающая костяшки кулака, и вояка нанёс резкий удар. С глухим хрустом клык разломился напополам, а уже в следующее мгновение в руке



капитана оказался большой массивный пистолет.

Гроыхнул выстрел, подобный КПВТ в миниатюре. Огромная вспышка пламени сорвалась с трапецевидного ствола прямо в пасть, и я, словно в замедленной съёмке, разглядел, как в глубине пасти вспухла и лопнула огромная кровавая дыра. Тут же рядом затрещала пара коротких очередей, и добитый ремех медленно вывалился из общей кучи без признаков жизни.

Пистолет исчез так же стремительно, как и появился. На какое-то мгновение он показался мне знакомым, но ни я, ни Гарик не успели ничего сообразить. Даже Бабах, до этого демонстрирующий чудеса ловкости, лишь скинул «Сайгу» с плеча.

«Вот это скорость! — восхитился внутренний голос. — Это же как у Гарри Гаррисона в „Неукротимой планете“, где пистолеты сами прыгали из кобуры в руку владельцу, стоило только о них подумать. Может быть, и здесь похожие технологии? Так, стоп! О чём ты думаешь? Это реально сейчас самое важное, по-твоему?!»

— Хорошая попытка! — засмеялся Стилл, возвращаясь на прежнюю траекторию движения, словно просто уступал дорогу встречному пешеходу. — Зубочистка...

С этими словами он откинул отбитый клык.

— Сэр, с вами всё... — начала было капрал, и в её голосе читался неподдельный испуг.

— В порядке, — отмахнулся тот. — Грузите салаг и под-

ключайте пробойщика. Возвращаемся!

Мы, подгоняемые девушкой в сером камуфляже, пристроились следом за цепочкой бойцов, организованно грохотавших подошвами по рифлёному полу десантного отделения «Тигра». За спиной заурчал двигатель буханки. Я бросил быстрый взгляд в ночное небо.

Зеленоватый гриб закрывашки медленно растворялся, подсвечивая отвалы трупов и одинокие фигуры уцелевших бойцов, следящих взглядами за уходящим подкреплением.

Один из них стоял рядом с броневином и, безвольно опустив руки вдоль тела, смотрел на тела боевых товарищей, аккуратно сложенных в ряд и уже упакованных в большие чёрные мешки. Должно быть, это работа бойцов Стилла, поставившихся максимально упростить задачу уцелевшим.

Парни скрылись в десантном отсеке, и я, поставив ногу на край люка, успел заметить, как капитан Стилл отдал честь павшим бойцам. И на этот раз это не был тот небрежный жест, а очень точное, выверенное движение.

— Вечная слава пехоте. — Тихо прохрипел он и тут же, сменив тон, рявкнул: — Давай, салага, полезай уже!

Мне ничего не оставалось, кроме как втиснуться в десантный отсек «Тигра».

## Глава 2

### Тёплый приём

Только оказавшись внутри броневика, я понял, как же продрог. Казалось, замёрзли даже мозги, потому что иначе я никак не мог объяснить, как мы так легко дали себя загнать в боевую машину, толком ничего не выяснив.

С одной стороны, всё говорило о том, что опасаться Стил-ла и его солдат причин нет. Они помогли справиться с ремехами и явно были на нашей стороне. Медальоны глушили тревогу, словно подтверждая, что всё идёт по какому-то плану. А вот вопрос кому именно это было надо, как всегда, оставался без ответа. Но это не отменяло устава странников.

«Пункт один — наблюдение и сбор информации, — мысленно проговорил я. — Да какое, к чёрту наблюдение?! Мы буквально въехали в беса! Всё сразу же пошло наперекосяк!»

С таким аргументом тяжело было не согласиться, и я пока решил об этом не думать, переключив внимание на борьбу с пробирающим ознобом.

Вован по-простому поинтересовался, оборудованы ли печками подобные машины. На что сидящий рядом боец ответил, что да, но сейчас обогрев никто не включит, чтобы не светить корпус сверх необходимого. Вдруг где-нибудь затаился противник с тепловизором. Я даже вникать не стал в

верность подобных аргументов, подумав, что двигатель машины наверняка излучает наружу куда больше тепла, чем несчастная печка внутри.

Вишняков лишь понимающе хмыкнул и покивал головой. Адреналин схватки сходил на нет, уступая место отупляющему опустошению. Каждый думал о своём, и больше всего о том, как согреться. Впрочем, судя по тому, как злобно поблёскивали прищуренные глаза Мезенцева, у него к Стиллу было много вопросов. У меня тоже.

Командир явно не так прост, как могло показаться. И далеко не так адекватен, как подобало рослому мужику в звании капитана. Впрочем, он чуть было не представился майором, но я понятия не имел, с чем связана оговорка.

«Может быть, он немного сумасшедший? — я обхватил себя руками за плечи мокрой обдергайки, трясаясь на жёстком сиденье. — Контуженный какой-нибудь, или ещё какая травма головы? Отец вот рассказывал, что когда он в стройбате служил, к ним прислали командира части, которому на голову упало дерево. Убить не убило, но командование „списало“ дядьку подальше от проверок в глухой лес. Весьма своеобразный был. Мог спросить, какой сегодня день, и, получив ответ, добавить — а почему?»

Воспоминания об отце невольно остановили пляшущие мысли. Даже зубы на мгновение перестали стучать. Я должен был чувствовать хоть что-то помимо сырого и холодного опустошения, но чёртов медальон работал исправно... К

тому же Стилл всё равно не выходил из головы.

Сейчас он как раз расположился напротив нас, на самом близком к опускающейся аппарели сиденье. Несмотря на все свои железки и узкое место под задницу он развалился в нём, будто в мягком кресле, широко расставив ноги и расслабленно положив руки на колени. Правый рукав куртки был задран, и в красном свете десантного отсека виднелся прямоугольный экран, вживлённый прямо в плоть. Выглядело это так, словно кто-то вырезал лоскут кожи, впихнул туда устройство и прошёлся по углам степлером с широкими металлическими скобами.

Я заметил это только после того, как капитан загнал нас в «Тигра». Несмотря на кажущуюся расхлябанность и странность, я только потом сообразил, что капитан был последним из своего отряда, кто покинул поле боя. И сделал он это после того, как сверился с тем самым экранчиком, запросив рапорты командиров отделений. Связь между собой действительно была и отвечали за неё совсем неприметные гарнитуры, закреплённые за ухом каждого бойца. Это стало понятно, когда некоторые сняли каски, оказавшись внутри. Что ж, своих солдат капитан пересчитал.

Но это было не самое интересное. Стоило аппарели с гудением подняться, как девушка-капрал передала Стиллу рюкзак с пробойщиком. Тот быстро протопал к середине отсека, где рядом со стойкой башенки минигана располагался целый модуль электроники.

Зафиксировав рюкзак в специальной нише, капитан подключил выдвижное устройство с проводами и натякал на экране нужные символы. Я не мог разобрать из-за спины воюки, что конкретно он нажимал, но то, что именно так он открывает направленный переход, сомнений не вызывало.

Сразу же после активации по корпусу прошла мелкая дрожь, и раздалось мерное гудение, словно заработало несколько миниатюрных силовых установок. Дальше Стилл бросил короткое «приготовиться», и бронетранспортёр въехал в переход между мирами.

Это было странно. Ни разу ещё не проходил сквозь пространство, не видя того, как меняется окружающий пейзаж. В остальном ощущения были такими же. Всё та же вязкость воздуха. Замедление времени и движений. Нагрев медальонов.

— Отлично, — хмыкнул Стилл, держась за стойку турели, когда всё пришло в норму. — Ещё один такой, и будем на месте.

— А сразу его нельзя открыть? — без особого интереса спросил Вишняков.

— Здесь нельзя, — хмыкнул капитан. — Тут постоянный есть.

— Чёрт, а Нат проскочила? — забеспокоился я.

Вояка ткнул пальцем в экранчик на запястье и, спустя пару секунд, кивнул.

— Ваше оранжевое чудовище движется в колонне.

— Это «Боливар», — уточнил я.

— Да кто такой, этот ваш Боливар?

— Это конь, — бросил Мезенцев.

— Понятно, — Стилл протопал мимо нас и плюхнулся на место, расправляя рукав, прикрывающий вживлённый экран.

Я подметил, что для этого элемент одежды имел заводской разрез, с пришитой по краям липучкой.

«Выходит, специально так делают? — я постарался переключить мысли хоть на что-то кроме холода. — Интересно, у других такие же штуки? Странно это всё. Трэйтор носит подобный прибор, но явно съёмный. А это вживлён. С другой стороны — так надёжней. Наверное...»

От дурацких мыслей меня оторвал короткий, но уверенный тычок Мезенцева. Я посмотрел на него, и тот, скребя пальцами щетину, выразительно зыркнул в сторону блока электроники. Я бросил короткий взгляд на капитана, но тот был занят рукавом формы. С другой стороны тут же зашебуршился Вишняков, тоже кивнув на прибор.

— Вижу, — тихо буркнул я, воспользовавшись тем, что «Тигр» немного качнуло в сторону, и голос смешался с лязганьем амуниции.

Стилла был, так называемый, «пробойщик» — устройство, способное направленно открыть переход. Как и откуда он у него взялся, оставалось загадкой, но факт был налицо. И мы эту штуку уже подметили. Одно было ясно: с её помо-

щью можно было вернуться в родной Челябинск. Если бы мы знали, что там делать дальше...

Мы продолжали сидеть в тишине. Всем было холодно. В ботинках хлюпала вода. С одежды на пол натекло, образовав лужу, в которой раскисали комки грязи и ошмётки травы с подошв других бойцов. Я нелепо тёр ладонями мокрые штаны, то ли пытаюсь выжать из них воду, то ли согреть ноги.

Мерзкий озноб не оставлял в покое. Я мысленно проклинал идиотское решение не включать обогрев. Было неизвестно, сколько мы так проедем. Казалось, ещё минут десять, и я реально простыну в мокрой одежде. Чтобы хоть как-то отвлечься, я посмотрел на других бойцов.

Красноватый свет десантного отделения делал их всех абсолютно невыразительными. Черты лица было тяжело разобрать, словно вокруг сидели одинаковые болванчики. Зато окрашенные волосы командира буквально растворялись в этом освещении, создавая пугающий эффект отсутствия половины головы.

Капрал, расположившаяся рядом с капитаном, выглядела более изящной на фоне остальных. Впрочем, поближе к водителю сидела ещё одна девушка, но мне тяжело было разглядеть.

В отличие от нас, бойцы, кажется, вовсе не страдали от холода, хотя под ними тоже образовались мокрые пятна. Кто-то из них уже дремал, уперевшись затылком в каску. Точнее в баллистический шлем, как поправлял меня покойный сер-



жант Копыто.

Капрал подняла руку и сняла с головы защиту, положив на колено. Несмотря на демоническое освещение, я всё же отметил симпатичное лицо и причёску — такую же, как у Стиллы. Бритые виски, а сверху длинные светлые волосы, кончики которых торчали из-под каски. Выглядело это странно. В голове никак не укладывалось, чтобы военные могли позволить себе причёски. Впрочем, в израильской армии женщинам, вроде бы, разрешалось не стричь волосы.

«Но это же не Израиль, — подумал я. — Хотя, чёрт его знает, куда мы едем и какие там правила. Может, там все с покрашенными волосами ходят и ведут себя как придурки...»

Девушка и правда была молодой и симпатичной. Тот редкий случай, когда мужеподобная стрижка всё же шла представительнице прекрасного пола. У неё было очень милое лицо, привлекательность которого не был способен испортить даже мерзкий красный свет. Пожалуй, даже слишком милое и юное лицо, никак не сочетающееся с брутальным внешним видом формы, рамы и оружия.

Всё это время я ощущал плечом, как Бабах трясётся от холода. Но стоило девушке напротив снять шлем, как Вишняков тут же приосанился и почти перестал вздрагивать. Я был бы рад улыбнуться, но раздражение начинало пересиливать другие эмоции.

— Мне вот интересно, — нарушил тишину командир. —

Как долго вы ещё будете мёрзнуть в мокрой одежде, прежде чем догадаетесь снять хотя бы куртки?

Я вопросительно на него посмотрел.

Капитан всё так же развалившись, сидел на своём месте, внимательно за нами наблюдая.

— А что, можно? — оживился Вишняков.

— Почему нет?

Стилл развёл руками и посмотрел на подчинённых, словно ожидая возражений. Никто из бойцов никак не прореагировал. Дремавшие продолжили дремать. Те, кто поближе, без особого интереса наблюдали за происходящим. Кто-то сидел, погружённый в свои мысли.

— У нас поверх слой из отличной микрофибры, — поучительным тоном протянул капитан, демонстративно приподняв руку.

Он подцепил складку на штанах, потеряв её между пальцами.

— Снаружи мокрая, а внутри сухо и тепло. Такой дождичек — ерунда. Чтобы промокнуть в этой форме, надо уйти в воду с головой.

«Вот сука! — обиженно воскликнул внутренний голос. — Издевается, гад такой! Сидит и наблюдает. Ему-то хорошо, его-то задница в тепле. Так вот почему они нормально себя чувствуют! Чёрт, а как там Нат? Впрочем, в буханке печка хорошо шпарит, если на максимум выкрутить. Чёрт, а как же возможный противник с тепловизором?! Да ну нет, бред

это всё. Медальон спокойно себя ведёт».

— Сразу бы сказали, ёптить... — пробурчал Бабах себе под нос и резво скинул куртку.

Мезенцев тоже зашевелился, а следом и я скинул обдергайку.

— О нет! — резко воскликнул Стилл и отпрянул от нас, как ошпаренный, со звоном рамы ударившись о металл бор-та.

Сидящая рядом капрал вздрогнула от неожиданности и тут же схватилась за рукоять оружия. Дремавшие бойцы вынырнули из забытья, а остальные резко повернулись, тоже хватаясь за оружие.

От резкого возгласа Стилла я даже на мгновение забыл о холоде, почувствовав, как сердце резко набрало обороты, ожидая внезапного нападения. Правда, мозг так и не понял, кто или что должны его совершить.

— Человек с приставной головой! — красноволосый при-дурок вытянул руку в мою сторону, чуть ли не поджав ногу к груди с наигранным ужасом.

Схватившие было оружие парни замерли в недоумении. На пару секунд воцарилась полнейшая тишина, нарушаемая лишь гулом мотора и бряцаньем мелких железок.

Я наконец-то понял, о чём речь, и посмотрел себе на грудь. Сквозь растянутый ворот мокрой футболки виднелся след от ожога. В этом освещении рубец выглядел слишком бледным, и иллюзия головы из другого набора становилась

ещё сильнее.

— Чего? — Мезенцев скривил рожу в полнейшем непонимании происходящего.

Все в броневики посмотрели на меня, но ничего не сказали.

— Всё в порядке? — звонким эхом отразился от бортов оклик водителя. — Товарищ капитан?

— Да! — крикнул Стилл, перестав изображать испуг и приняв прежнюю позу, как ни в чём не бывало. — Не очень хорошо получилось, согласен.

«Клоун» — мысленно огрызнулся я, тоже невольно испугавшись такой реакции.

Капрал убрала руки с оружия и почему-то спрятала улыбку за жестом, поправляющим волосы. Кто-то из бойцов тихо хмыкнул, кто-то еле заметно покачал головой и вернулся к прерванной дрёме. Создавалось такое ощущение, что подобное поведение командира не было для них чем-то необычным.

— Придурок, — еле слышно процедил Гарик сквозь зубы, оставив автомат и вернувшись к стягиванию куртки.

— А есть чем вытереться? — бесцеремонно спросил я, поднимая обдергайку на вытянутых руках.

Даже подкладка промокла насквозь. Лучше пока не стало, но я хотя бы осознал, что теперь меньше кожи соприкасается с холодной одеждой.

— У нас нет, — пожал плечами Стилл. — Это же военный

бронеавтомобиль, а не семейный минивэн. Впрочем, любопытно будет проверить...

Капитан хмыкнул и многозначительно замолчал, видимо дожидаясь, пока мы спросим, что именно надо проверить. Но мы были слишком раздражены, чтобы играть в эти игры.

Вишняков без лишних заморочек стянул футболку и выжал её прямо на пол броневика. Мы с Гариком последовали его примеру. Несколько солдат наблюдали за нашими действиями, но не выказывали никаких эмоций по этому поводу. Разве что капрал спрятала в ладонь лёгкую улыбку от вида наших тушек.

Мезенцев встряхнул футболку, отчего в отсеке повисло облачко брызг, и демонстративно помахал ей напротив командира, давая тому время прочесть надпись. Думаю, даже в красном полумраке было понятно, что скелеты демонстрируют тому средний палец. Затем Винчестер стянул с головы мокрую тряпку-бандану, перекинул её через колено, полез в нагрудный карман куртки.

— Сука, — тихо выругался он, осторожно вытащив раскисшую пачку «Мальборо». — Почти полная была...

— Ладно, салаги, — прервал наше деловитое возюканье Стилл. — Давайте, рассказывайте.

Мы недоумённо переглянулись. Я из последних сил, пересиливая озноб, пытался как-то взглядом передать парням напоминание об уставе и максимальном сокрытии известной нам информации. Не знаю, насколько это было сейчас умест-

но, но всё же стоило сначала послушать, что скажет красно-волосый клоун.

— Что рассказывать? — Гарик провёл руками по голове, выгоняя воду.

— Кто такие, откуда взялись, куда движетесь, — предложил Стилл. — Что интересного узнать успели, что везёте и куда?

— Да мы так, — ухмыльнулся Мезенцев, похоже, каким-то чудом уловив мои ментальные призывы. — случайно мимо проезжали. Ценного вроде и нет ничего...

Стилл расплылся в улыбке и наигранно хлопнул себя по коленке.

— Нет, ну вы посмотрите на него! — воскликнул он, обращаясь ко всем бойцам. — Не знают они ничего. Случайно ехали. Ладно, хорошо. Давайте я вам подыграю и сделаю вид, что поверил. Но перед этим озвучу несколько своих умозаключений по этому поводу. По рукам?

Капитан подался вперёд, словно действительно ждал нашего позволения. Хотя, как я уже догадался, в этом театре одного актёра ему не требовалось одобрения для того, чтобы продолжить представление.

— Значит, смотрите, — он вытянул ладонь с растопыренными пальцами и начал их загибать. — Сначала все цитадели кластера фиксируют аномальный всплеск. Потом, почти сразу же, приходит указивка от старших привести личный состав в состояние повышенной готовности.

На каждую фразу Стилл загибал пальцы.

— Далее появляется сам кустос, выдаёт пробойщика и тыкает мне миры, которые надо проверить с наводкой на три источника межпространственной энергии и информационной базой. Затем я натыкаюсь на ваше оранжевое чудовище, которое преследует ховертанк, не подходящий под временную классификацию мира. Уточнять, что все сигнатуры совпадают с искомыми? Уточнять, что такие трюки доступны только кустосам?

Капитан замер с четырьмя загнутыми пальцами и оттопыренным средним прямо напротив лица Гарика. Мезенцев скривился в ухмылке, оценив ответный реверанс, и постарался максимально безразлично откинуться на спинку сиденья, но хватило его буквально на пару секунд. Холодная сталь спинки коснулась мокрой кожи, и он всё же отстранился, тихо чертыхнувшись.

— А как же вы в Челябине оказались, если такое только кустосам под силу? — реалистично изобразил дурачка Вишняков.

— Капрал, — буркнул Стилл, даже не глядя на девушку.

— Вам сказали же, нам передали вот это, — она тут же ткнула пальцем в блок электроники пробойщика.

— Ну тогда не знаю, — неопределённо протянул Бабах, напяливая футболку. — Всё равно холодно, ёптить...

— Я так и думал, — кивнул Стилл и загнул оттопыренный палец в кулак. — Я выкинул вас в чистый и безопасный

мир. А что получил в итоге? Попытку прорыва и переработки? В секторе, где тысячу лет не происходило ровным счётом ничего? Я уже молчу о том, что ожидал обнаружить что угодно: какой-нибудь неведомый ранее артефакт, а не трёх салабонов...

— Четырёх, — покрываясь мурашками, бросил я, из последних сил выжимая снятую футболку, словно это действие могло спасти от холода.

— Трёх, — улыбнулся Стилл. — Девчонка явно многое повидала.

— Мы, так-то, тоже, — буркнул Вишняков, но капитан его не услышал.

— Поэтому будем считать, что я вам верю, — хмыкнул он и опустил руку.

— И что дальше? — с вызовом бросил Гарик. — Мы пленные?

— Какой ты к чёрту пленный? Тебя даже не разоружил никто.

Стилл ткнул пальцем в стоящий рядом «Калашников» и надетую разгрузку.

— Выходит, мы гражданские? — продолжил Мезенцев.

Капитан пожал плечами и махнул рукой, словно предлагая Игорю самому выбрать себе статус.

— То есть, мы можем прямо сейчас попросить остановить машину и валить по своим делам?

— Конечно, — кивнул капитан. — Если только тебе захо-



чется именно сейчас оказаться за пределами брони.

— А где мы вообще? — Винчестер покрутил головой по сторонам, пытаясь найти хоть какой-нибудь открытый прибор наблюдения.

Я невольно тоже подался вперёд, высматривая пейзаж за стеклом водителя, но сделать это было невозможно из-за массивной стойки турели минигана и блока пробойщика. К тому же, в отличие от «Тигра» Седого и Копыта, весь отсек был заполнен людьми, закрывающими обзор.

Напялив выжатую футболку, я по привычке сжал медальон в руке в надежде получить от него хоть какой-нибудь намёк.

— Вот, — Стилл тут же кивнул на меня, явно продолжая предыдущую мысль. — Побрякушки у вас тоже нештатные. Или вы думали, что их в темноте не видно? Вас трое, их три... Но я, конечно же, верю, что вы просто мимо проезжали.

Он тихо засмеялся. А я попытался разглядеть его медальон, но тот явно был спрятан под причудливым эластичным бронежилетом. У остальных бойцов тоже ничего не было видно.

— Подъезжаем, товарищ капитан! — долетело со стороны водителя. — Стоит на своём месте, тормозим?

— Конечно! — оживился Стилл и коснулся миниатюрной гарнитуры. — Внимание всем, останавливаемся. Стрелков в турели, организовать периметр. Картинку с воздуха. Скани-

ровать все частоты и активности.

Я ни черта не понял, а вот бойцы и капрал явно насторожились.

— Товарищ капитан, — начала девушка, но вояка тут же укоризненно на неё посмотрел.

— Простите. Сэр. Вы уверены? Это же...

— Теперь я ни в чём не уверен, капрал, — как-то абсолютно по-деловому ответил командир. — Включаем мозги. Что-то происходит. Иначе нас бы с насиженного места не сорвали. А эти чёртовы молчуны мне вообще не нравятся...

Последнее он протянул весьма странно, и было непонятно, стоит ли принимать это на свой счёт.

Тем временем «Тигр» замедлил ход, и я только сейчас подметил, что машина шла абсолютно гладко, словно плыла. Очевидно, мы выскочили в мир с очень хорошим дорожным полотном.

Десантное отделение заполнилось деловитым лязганьем амунции и «силовых рам» солдат. Глядя на незнакомое мне оружие и эти приспособления, я был абсолютно уверен, что всё это не только из другого мира, но и из значительно смещённой в будущее временной линии. Или отрезка. Или другого витка чёртовой окружности. В общем, я не знал, как это точно назвать, но у нас до такого пока не додумались. Капрал надела каску и проверила крепления гарнитуры.

Бронетранспортёр остановился.

— Выходим, — кивнул Стилл, хлопнув по клавише, при-

водящей в движение аппарель.

Мы с парнями переглянулись. Лезть снова под дождь во- все не хотелось.

«Так, стоп, — тут же возмутился внутренний голос. — А с чего ты взял, что там дождь? Мы же въехали в другой мир. Чёрт, хоть бы в песок и жару...»

Но стоило в стыках открывающихся люков забрезжить блёклону, холодному свету, как всем надеждам побыстрее согреться пришёл конец.

— Да ты издеваешься?! — не сдержался Мезенцев, под- нимаясь и подхватывая автомат.

— Ни капельки, — ухмыльнулся Стилл, резво подскочив с лёгким гулом механизмов рамы. — Ты же хотел выйти? Вот, прошу.

Капитан описал руками в воздухе полукруг, указав на опускающуюся аппарель.

В отсек ворвался порыв холодного ветра, ударив в ли- цо издевательской морозной свежесту. Блёклый серый свет тут же вступил в схватку с освещением боевого отделения, смешиваясь причудливыми полутонами. Пушистые хлопья снега ворвались внутрь, падая на грязный пол.

Оказывается, в отделении действительно было тепло, а мы не обращали на это внимание.

— Твою мать... — протянул Вишняков.

Капитан радостно кивнул и, пропустив вперёд капрала и солдат, выскочил на улицу.

— Да ну на хрен! Я не пойду, — возмутился я, обхватывая тело руками.

— Пошли, Палыч, — злобно скривился Гарик. — Он ведь всё равно броневик открытым оставит, так что какая разница, где замёрзнуть...

Мы с Вишняковым, тихо матерясь, выбрались из машины.

— Дроны в воздухе, — долетел бодрый рапорт капрала. — Картинка дерьмо, метров семьдесят вокруг. Выше подниматься смысла нет, снег всё закроет. Активности не обнаружено. Держим малый периметр.

— Хорошо, — весёлым голосом отозвался Стилл, словно происходящая ерунда была забавной шуткой. — Не расходиться.

— Так точно!

Будь я не так зол, растерян и избит ознобом, я бы удивился. Но сил на это абсолютно не осталось. Мы снова оказались в том странном мире с дорогой, перепаханной чёрной землёй по обоим сторонам полотна и идеально ровной лентой асфальта, растворяющейся вдаль. Небосвод и чёрные комья земли сливались в единую дрожащую пелену от медленно падающих снежных хлопьев.

— Не отставать, салаги! — подогнал капитан уже с другой стороны борта.

От холода стянуло бока. Чувство было такое, словно я облился на морозе ведром воды в деревне у бабушки. Вот только обычно после этого я всегда забегал в дом и растирался

сухим полотенцем, одевал тёплую одежду и вытягивал ноги к горячей печке, чувствуя, как приятно спадают мерзкие ощущения, наполняя тело радостью.

Но теперь не было шансов укрыться, и осознание этого сводило с ума. А назойливые мысли о том, что даже если Стилл быстро проверит всё, что хотел, мы снова будем трястись в холодной броне, тихо подталкивали к потере рассудка.

«Боливар» обогнул стоящего за нами «Тигра» и остановился напротив. Привычно скрипнули тормоза, и хлопнула дверца. На идеально ровный асфальт спрыгнула Нат и бросилась к нам.

— Вы что делаете?! — с какой-то искренней заботой выкрикнула она, невзирая на десяток вооружённых бойцов, быстро рассыпавшихся по краям дороги. — Они же простынут!

— Не переживай, у нас такие препараты, что за пятнадцать секунд на ноги поставят, — отмахнулся Стилл. — Давайте, смелее. Проверим кое-что...

— Вот... — губы девушки зашевелились в беззвучном мате. — Ребята, вы как?

В отличие от нас, брюнетка каким-то чудом умудрилась за время управления машиной скинуть мокрую куртку и балахон, напялив Вовкину кофту и вязаную шапочку. Я с лютой завистью представил, как из печки буханки бьёт тёплый воздух прямо в лицо водителю. Мокрый хвост чёрных волос

трепался за спиной, и я подумал, что теперь он запросто покроется льдом.

— Замерзаем к хренам, — коротко бросил Гарик.

— Это издевательство, — кивнул Вишняков, пытаюсь понять, как обхватить себя руками и не выпустить «Сайгу», которую прихватил с собой.

Гарик тоже имел абсолютно нелепый вид в мокрой одежде, с автоматом, посреди снегопада.

— Сейчас покрывала вытащу, — быстро сообразила девушка и уже почти бросилась к буханке, но капитан остановил её командным голосом:

— Отставить! За мной быстро. И хватит трястись, ничего с вами не сделается. Была бы задача умертвить вас на месте, давно бы это сделал и куда менее глумливым способом. Давайте быстрее, это в ваших же интересах!

— Придурок, — буркнул я.

— Хуже, — согласился Вишняков.

— Следи за языком, — послышался за спиной недовольный голос капрала, неизвестно как там оказавшейся.

Я бы вздрогнул от испуга, если бы меня не трясло как лихорадочного. Стуча зубами, мы поспешили за Стиллом. Чёртова холодрыга и снег не давали сосредоточиться. Я попытался отвлечься от ощущения, будто тело пронзают сотни тысяч ледяных игл. Попытался зацепиться за мысль, что мы в том же мире, с которого начались злоключения. Но было не до этого. В голове вертелась только одна мысль — согреться.

— Продавец сосисок, сука, — кое-как выдавил Вишняков сквозь клацанье зубов.

Я оторвал взгляд от серого полотна и уставился прямо на того самого загадочного мужика в чёрном пальто и вязаной шапочке.

«Ну и что? — истерично взвизгнули коченеющие мысли. — Мне от радости обделаться теперь?»

Он стоял на стыке асфальта и перепаханной земли, так же, как и в момент нашей первой встречи. За спиной виднелось некое подобие тропинки, убегающей к еле различимым очертаниям небольшого домика. Или сарайки.

Рядом стоял всё тот же раскладной столик, только на этот раз без сосисок. Вместо этого под столом примостилась самая обычная коробка из коричневого гофрокартона. Мужчина всё так же безучастно смотрел куда-то сквозь всех, никак не реагируя на разворачивающийся вокруг цирк. Высыпавшую пехоту, гудящие турели, какие-то парящие в воздухе штуки, оранжевое пятно буханки и четверых замерзающих людей в мокрой одежде. Впрочем, Нат на нашем фоне выглядела не так плачевно.

— Знакомы? — игриво улыбнулся Стилл, остановившись напротив Продавца Сосисок и подзывая нас к себе движением руки.

Его красно-жёлтые волосы полыхали на фоне окружающего пейзажа не хуже «Боливара». А вот серый пиксельный камуфляж и «Тигры» такой же расцветки прекрасно слива-

лись с рябящей пеленой.

— Да, — стуча зубами, бросил Гарик, когда мы оказались рядом.

— Привет, ёптить! — поздоровался Вишняков, из последних сил сдерживая подступающую истерику.

— Это Продавец Сосисок, — поспешил добавить я, чтобы быстрее двинуть диалог дальше, потому что капитан явно не был настроен спешить.

— Нет, это не я, — холодно и безэмоционально ответил мужчина, даже не глядя на нас.

Он вообще никуда не смотрел. Казалось, его серые глаза остекленели, созерцая рябящую снежную пустоту.

— Вот как, — Стилл многозначительно поднял палец вверх. — Хранители, салаги, они такие. Вы, должно быть, только одного видели, верно?

— Да, — быстро бросил Игорь, явно не желая что-то объяснять, разбираться и играть с воякой в его странные игры.

Стилл задумчиво хмыкнул и, умышленно выждав больше, чем следовало, продолжил:

— Перед вами — Хранитель. Что он хранит, зачем он хранит и для кого он хранит — никто не знает. Верно?

С последним вопросом он обратился к Продавцу Сосисок. Я, хоть и понял, что это не он, но всё равно продолжил так величать странного мужчину. Вникать в загадочность этого явления сейчас не было сил.

Хранитель никак не прореагировал. Только еле заметно



вздыхающая грудь и пар из ноздрей говорили о том, что он вообще жив.

— Ну хорошо, хорошо, — Стилл выставил перед собой ладони, словно извиняясь за то, что потревожил покой великого божества. — Есть что-нибудь для этих?

Красноволосая голова склонилась в нашу сторону.

Мужик еле заметно кивнул. Мы ни черта не поняли.

— И... — многозначительно протянул капитан, жестом призывая собеседника продолжить мысль.

Продавец Сосисок молча упёр носок ботика в стоящую под столом коробку и вытолкнул её к нашим ногам.

— Не хотите посмотреть, что там? — улыбнулся капитан.

— Да хрен с тобой, — не выдержал Вишняков и, закинув дробовик за спину, склонился к картонке.

Я только сейчас заметил, что от спины Бабаха идёт пар. Чёрт его знает, до какой температуры разогрелся его организм, пытаюсь бороться с холодом.

«А может, он уже простыл и это жар начался?» — с ужасом подумал я.

— Парни, парни! — Вишняков рывком распрямился над коробкой, выдёргивая из неё тёмно-синий сложенный прямоугольник ткани. — Одеяла! Здесь одеяла!

Мы не сговариваясь рванулись к коробке. Шесть рук одновременно устремились внутрь. Раздался хруст порвавшегося гофрокартона. Я трясущимися пальцами вцепился в аккуратно сложенное одеяло и потащил на себя. Даже не тра-

тя время на то, чтобы рассмотреть спасительный предмет, я быстро отшагнул назад, расправляя добычу. Не думая ни о чём, я тут же в него завернулся, зажимая одеяло между ног, чтобы не задувало снизу, и, придерживая одной рукой изнутри запахнутые половинки, другой пытался как можно плотнее прижать ткань к голове.

— Живём! — раздался радостный возглас Вишнякова, похоже, вообще забывшего обо всём на свете.

— Давай помогу, — Нат деловито подскочила к Мезенцеву.

Своё одеяло девушка держала зажатым подмышкой. Всё же на ней была сухая кофта и шапочка, так что она решила сначала помочь нам.

Глядя на всё происходящее, Стилл хмыкнул.

— Неудивительно... — загадочно протянул он.

— Сука, как же хорошо, — дрожащим голосом сказал Гарик, не стесняясь присутствия вояки и Хранителя.

Я бросил быстрый взгляд на парней и брюнетку, тоже начавшую стремительно заматываться в одеяло. Сейчас со стороны они походили на гигантские куколки каких-то синих гусениц, только не висящих где-нибудь на ветке, а стоящих посреди серого дорожного полотна.

Стоило не слишком толстой, но не пропускающей воздух ткани создать экран между телом и холодом снежного мира, как тело начало расслабленно покалывать. И хоть дрожь пока никуда не делась, само осознание того, что так мы хо-

тя бы не околеем раньше времени, наполняло сердце радостью. Правда, желание сделать какую-нибудь ощутимую гадость придурочному капитану никуда не делось.

— Вы хоть знаете, как ими пользоваться, салаги? — тут же усмехнулся он.

Вишняков громко и саркастически прыснул.

— А чего тут знать? Это же одеяло, заматываешься — и всё!

Командир раздосадовано помотал головой.

— Ты-то должна знать, — не слишком любезно обратился он к Нат.

— У нас таких не было. Впервые вижу.

Стилл прикрыл ладонью глаза.

— Капрал! — крикнул он.

В поле зрения тут же возникла девушка, которая, очевидно, была у него крайней на все случаи жизни.

— Покажите им, — Стилл ткнул пальцем в куколку, в которую превратился Вован.

Девушка коротко кивнула и тут же, подскочив к Бабаху, начала прощупывать края одеяла, обрамлённого большим толстым чёрным то ли швом, то ли какой-то прошитой накладкой.

— Ты же вверх ногами его намотал, — недовольно буркнула она.

— Чего? — Вишняков непонимающе выпучил глаза. — Как...

— Помолчи. Вот, ищите блок термостата. Настраивайте как надо.

Она отогнула уголок где-то в области плеча Вишнякова и показала на маленький пластиковый блок с простеньким экранчиком и несколькими кнопками.

— Температуру задать можно?! — глаза Вовки расширились ещё больше. — Пожалуйста, пожалуйста, мне побольше накрути!

— Чтoб птенцы вылупились? — буркнула девушка.

— Какие птенцы? — Вован непонимающе моргнул.

«Какой капитан, такие и солдаты», — подумал я, не имея сил объяснять Бабаху смысл шутки.

Мы тут же стали шуршать тканью и крутиться вокруг себя в поисках заветного уголка. Нат вновь пришла Гарику на помощь, лишний раз заслонив его спиной от Стилла, которого тот пытался испепелить взглядом.

Я нащупал пальцами толстый окантовочный шов и стал двигаться по нему, прижав подбородок к груди, чтобы верх кокона не раскрылся. Только сейчас я по-настоящему смог разглядеть спасительную тряпку.

Одеяло оказалось не слишком толстым. Поначалу я даже не обратил на это внимания, готовый замотаться во что угодно, лишь бы согреться.

На ощупь оно напоминало нейлон, только если бы он был немного бархатистым. Сама ткань была прошита чёрной ниткой, и пересекающиеся швы образовывали незатейли-

вый ромбик размером чуть превышающим сигаретную пачку. Сама же толстая окантовка оказалась выполненной из толстой, но очень эластичной резины. Я такую раньше не встречал.

Мне повезло, и искомый уголок оказался почти рядом. Я быстро поднёс его к глазам, изучая управление, но и тут всё оказалось максимально простым. Четыре кнопки. Две из них подписаны как «вкл» и «выкл». На двух других стоят стрелочки вверх и вниз. При включении на экранчике загорелись цифры как на электронных часах и значок градусов. Недолго думая, я зажал стрелочку вверх, пока цифры не остановились на отметке сорок пять по Цельсию.

— О! — Вишняков радостно запереступал с ноги на ногу, окидывая нас восторженным взглядом. — Тёпленькая пошла! А что, так-то можно и ещё покататься, а?

— Ну вот, я же говорил, что в ваших интересах быстрее шевелить задницами, — довольно улыбнулся Стилл... — А для нас есть что-нибудь?

— А чего ты хочешь, капитан? — безэмоционально спросил Хранитель.

— Майор, и ты это знаешь.

— Тебя понизили.

Стилл расплылся в улыбке.

— Меня может понизить только вышестоящее командование Федерации, которой я давал присягу. А у этих ваших сукиных хмырей нет таких полномочий. Ну разве кроме то-

го, который меня вытащил. Хотя я и не просил.

— А они знают, что ты их так называешь?

— Конечно. Я же так в их пафосные рожи и сказал.

— Вот поэтому тебя и понизили.

Хранитель продолжил смотреть в несуществующую точку где-то рядом с плечом Стилла. Капитан выждал несколько секунд, а затем, извиваясь всем телом словно змея, подстроился под направление взгляда Продавца.

— Так есть то, что мне надо? Ты же знаешь, что это. Верно?

Мужчина в чёрном пальто никак не прореагировал на очередное представление и лишь продолжил всё в той же отрешённой манере:

— Знаю. Но не могу этого дать, — Хранитель выдержал паузу, потом добавил. — И артиллерии тоже у меня нет.

Стилл еле заметно вздрогнул и перестал кривляться. Лицо его мгновенно приобрело сосредоточенное выражение, и он пристально посмотрел в глаза Продавцу. Значит, было что-то, чего капитан хотел даже больше артиллерии.

— К тому же, — всё так же спокойно продолжил Хранитель, — ты собрался утащить батарею стопятидесятимиллиметровых гаубиц и всё остальное тремя броневиками?

На несколько секунд воцарилась тишина. Я бы с интересом вник в этот загадочный разговор, но одеяло уже начало разогреваться, обволакивая тело блаженным теплом. Как же мне хотелось просто раствориться в нём. Я физически ощу-

щал, как злость и отчаяние отступают. И хоть дрожь всё ещё пробирала, с каждым мгновением становилось всё лучше и лучше.

— И что? — подал голос капитан. — Вообще ничего нет?  
— Кое-что есть. Возьмите там.

Продавец Сосисок наконец-то пошевелился, вытянув руку и указав в сторону рябящего очертания домика или сарая.

Стилл прищурился и посмотрел в белёсую пелену, задумчиво потирая подбородок. Пара стоящих рядом солдат с оружием наготове взволнованно переглянулись.

— А мы возьмём, — принял решение Стилл и резко разорвал липучку на рукаве. — Капрал, организуй людей.

— Так точно, — кивнула девушка и, хлопнув ладонью по гарнитуре, назвала список фамилий.

Рябящий снегопад тут же заполнился лязганьем стальных элементов подошвы по асфальту и взволнованному роптанию бойцов. Я понятия не имел, чем вызвана подобная реакция, и решил понаблюдать. Благо тело начинало отогреваться, а мокрая одежда теперь создавала эффект горячего душа.

Капитан же в одно мгновение превратился в сосредоточенного и серьёзного командира без всякой клоунады. Быстро тыкая пальцем в экран вживлённой панели, он разбил солдат на четыре группы по четыре человека и, поставив задачу тащить всё, что найдут от домика Продавца Сосисок, командовал первой группе.

Бойцы взволнованно переглянулись, но возражений не

высказали, доверяя командиру.

— С дорожки не сходить! — максимально чётко напомнил капитан. — Если что-то пойдёт не так, бросайте груз и бегом назад. Ясно?

— Так точно! — отозвались бойцы.

— Капрал, дублируй тайминг.

— Есть, — кивнула девушка, надвинув на один глаз небольшой блок приборов, чем-то похожий на уже знакомый мне тепловизор.

«Чего они так разволновались? — оживился отогревающийся мозг. — Видимо, в этом блоке ещё и таймер есть. А может, вообще какой-нибудь тактический компьютер. Как в фантастических фильмах. Надо будет потом спросить, как что устроено. И про рамы эти тоже...»

— Пошёл! — скомандовал Стилл, и первая четвёрка бросилась по дорожке к домику.

Спустя несколько секунд последовала вторая. Потом третья. Скрипнул лючок на башенке ближайшего «Тигра», и над миниганом возникла голова бойца в каске. Слов было не разобрать, но судя по движению губ, он как заведённый повторял только одно слово: «быстрее».

Наши синие куколки незаметно подступили к Стиллу, сосредоточенно смотрящему в свою панель. В воздухе повисло весьма ощутимое напряжение. Единственные, кто не реагировал на него, были только мы и сам Продавец Сосисок.

— Не понимаете, что сложного в том, чтобы пробежаться



по дорожке и вернуться назад? — не глядя в нашу сторону поинтересовался Стилл.

— Да, — честно признался я.

— Понятно. Это мир Хранителя.

— И что из этого? — буркнул Гарик и, судя по шорканью ткани, пожал плечами.

— А то, что единственно безопасное для нас место здесь — это дорога под ногами. Пока вы на ней, вам ничего не угрожает. Но стоит сойти, и вы рискуете навсегда раствориться в вечном снегопаде.

— Чего? — не понял Вишняков.

— Вечном снегопаде? — с издёвкой переспросил Мезенцев.

— Да, — Стилл не отрывался от экрана. — Почему, по-вашему, снег всё время падает, но не засыпает этот мир?

— Не знаю, — сказал я.

— Потому что каждая снежинка существует здесь бесконечное количество раз. Коснувшись земли, спустя какое-то время она исчезает, но лишь для того, чтобы снова появиться в случайной точке небосвода, если он тут, конечно, есть, и снова начать падение. И так снова и снова, словно по...

— Окружности, — вырвалось у меня.

— Спирали, — уточнил капитан. — Но спираль — это растянутая окружность, так что отчасти ты прав, салага.

— Если так, вы не слишком-то о своих людях заботитесь, — вызывающе хмыкнул Гарик. — Они же не на асфальте...

— Но они на дорожке, — по-прежнему не отвлекаясь, ответил Стилл. — У каждого из них есть около десяти минут. Всё, помолчите. Капрал?

— Укладываются. Всё чётко, без происшествий, — отозвалась девушка. — Как мы и отработывали.

— Хорошо, — кивнул майор.

Я немного опешил от услышанного. Оказывается, проезжая через подобный мир самый первый раз, мы рисковали не меньше чем при встрече с ремехами в городе вырванных сердец? А мы так безмятежно топтались на асфальтовом полотне. Стреляли из обреза двустволки в земляные комья, даже не зная, что достаточно сойти с полотна — и всё будет кончено.

Впрочем, в голове всё равно не укладывалось, как так можно «раствориться» в вечном снегопаде.

«Может, капитан имеет в виду некую метафору тому, что если уйти далеко, то потеряешь направление и будешь бродить, окружённый снегопадом, пока от голоду не умрёшь? — подумал я. — Хотя вряд ли. Не похоже на то, чтобы вояке было присуще столь образное мышление...»

Это было очень странное чувство. С одной стороны, по телу начинало разливаться приятное тепло от нагревающегося одеяла, и мозги вообще не хотели соображать, наслаждаясь приятными ощущениями. С другой, я с непониманием смотрел на то, как из пелены снегопада показалась первая четвёрка бойцов, несущих большой деревянный ящик, вы-

крашенный в оливковый армейский цвет. Мысли напоздали одна на другую, сбивая и путая.

Получалось так, что этот причудливый мир Продавца Со-сисок, или Хранителя, действительно воплощал в реальность только то, чего хочется больше всего в настоящий момент.

«Ну да, всё сходится, — пробился трезвый рассудок сквозь мысленную чехарду. — Тогда нам дико хотелось кушать, и мы не думали ни о чём другом, в силу полного непонимания происходящего. И получили сосиски. Сейчас же был только холод. Только дрожь и озноб, пробирающий до костей. Получили одеяла...»

Следующая мысль была настолько шокирующей и пронзительной, что я невольно вздрогнул, посмотрев на Хранителя. Тот словно уловил это и немного повернул голову в мою сторону. Впрочем, в отрешённом взгляде ничего не отразилось.

«А что если въехать в такой мир с единственным желанием вернуть всё как было? — бешено затараторил внутренний голос. — Чтобы мама и папа были живы, и мы никогда не находили эти чёртовы медальоны? Что если так...»

— Вы только не думайте, салаги, что наш мистер Хранитель исполняет все желания, — не отрываясь от экрана, сказал Стилл. — Во всяком случае желания простых людей. То, что мы сейчас таскаем, это скорее всего нашему другу нашептал один из старших. Они с ними в особых отношениях.

Верно?

Продавец ничего не ответил.

Тем временем бойцы притаскивали всё новые и новые ящики, которые тут же подхватывали другие, не ушедшие в туман, и загружали в броневики. Над головой со свистом быстро вращающихся пропеллеров промелькнула небольшая тень — должно быть, тот самый дрон. Я хотел было задрать голову, но боялся выпустить тепло, скопившееся в спине.

— А мы, выходит, необычные? — тут же подхватил Мезенцев.

— Не знаю, — бросил капитан. — Об этом я и просил вас рассказать, но вы же просто «случайно мимо проезжали», если я ничего не путаю.

В тоне вояки прозвучала лёгкая издёвка, но он всё равно продолжил неотрывно следить за экранчиком. Должно быть, на нём отображалась схема передвижения его бойцов, иначе я не понимал, чего там может быть важного.

Гарик фыркнул.

После всех этих разговоров и откровений о данном мире я невольно забеспокоился за бойцов, таскающих груз. Стилл может и производил впечатление полнейшего придурка, но тут дело было явно серьёзным. Это читалось по поведению остальных бойцов и их сосредоточенным взглядам.

Пользуясь занятостью красноволосого командира, я тихо покашлиал, ненавязчиво толкнув парней и Нат, чтобы те по-

вернулись ко мне. Четыре наших куколки мелкими шажочками отошли немного в сторону.

— Мы можем ему всё рассказать? — тихо спросил я, когда мы образовали небольшой круг лицом друг к другу.

— Я думаю, да, — тут же ответила Нат.

Синее одеяло обрамляло её лицо с мокрыми выбившимися прядками тёмных волос, сочетаясь с мерцающим оттенком глаз.

— Его всё равно послали нас найти, значит, особого смысла скрывать что-либо нет, — логически заключила она.

Я согласно кивнул.

— Но он явно не знает, что всё дело в башке Палыча, — саркастически хмыкнул Гарик. — Значит, в детали его не посвятили.

— Думаешь, и нам не стоит? — уточнил я.

— Понятия не имею. Мы сами не знаем, что там, и за каким чёртом надо.

— Там что-то про переработку, — напомнил я. — И про чертежи...

— Джонни Мнемоник, — почему-то улыбнулся Вишняков. — Тохан просто флешка ходячая.

— Ну спасибо, — буркнул я. — Такого прозвища ещё не было.

— Короче, — деловито оборвал Мезенцев строгим шёпотом. — Пока молчим. Едем с ними. Другого пути нет, к тому же пока это всё не противоречит изначальному плану...

— Плану? — недоверчиво буркнул я.

— Концепции, — хмыкнул Винчестер. — Мы должны грохнуть эту сволочь Трэйтора. С этим у кого-то есть сомнения?

— Нет, — серьёзным тоном прошептал Вован.

— А Стилл и его солдаты, во всех этих железках, выглядят весьма достойно. Так что, движемся с ними и смотрим, чем они могут быть нам полезны.

— Вот как? — скептически улыбнулась Нат. — Они нам полезны? Не слишком ли самомнение разыгралось?

— Не слишком, — огрызнулся Мезенцев, будучи не в настроении шутить.

— Надо с кустосом говорить, — серьёзным тоном заключила Нат. — Без него мы так и будем бегать туда-сюда...

— Вот и я об этом же, — кивнул Гарик. — А кто нас к нему приведёт? Верно, этот клоун. Так что спокойно едем дальше, там видно будет.

— Думаешь, это безопасно? — зачем-то спросил я.

— Ну ты даёшь, Тохан, — тихо приснул Вишняков.

Гарик посмотрел на меня как на идиота.

— Это явно безопасней перспективы быть сожранным или замёрзнуть где-нибудь в пустоте... — спокойно прошептала Нат, легонько толкнув меня плечом.

— Последний! — долетел до нас отдалённый возглас одного из бойцов.

Гарик кашлянул, и мы медленно развернулись, делая вид,

что вовсе не совещались втихаря. Но Стиллу было не до нас. Он ещё раз сверился с экранчиком и, довольно кивнув, запахнул задранный рукав. Причудливой формы автомат так и висел у него на груди, а вот на бедре красовался массивный, поблёскивающий хромом огромный пистолет. Он был настолько велик, что ствол на несколько сантиметров торчал из жёсткой, похоже, что пластиковой кобуры, и я только сейчас признал в нём ни что иное, как «Пустынного орла» из американских боевиков.

«Точно! — пронеслось в голове. — То-то этот трапези-видный ствол показался мне знакомым. Чёрт, я не думал, что он реально такой здоровый. А грохот, будто гаубица бахнула. Интересно, почему он из него предпочёл выстрелить, а не из этой причудливой пушки на груди».

В памяти тут же возник образ перестроенного прошлого. Зимние каникулы, я у бабушки в Казахстане. Самодельная книжная полка, сколоченная из грубых досок, затянута грубым покрывалом с симметричным узором из каких-то треугольников. А к нему, аккуратно приколоты булавками вырезки из журнала «Огонёк». На одном — Арнольд Шварценеггер из первого «Терминатора», с каким-то не менее футуристическим пистолетом и большим лазерным прицелом над стволом. А на втором — Жан-Клод Ван Дамм из фильма «Двойной удар». Там он как раз играл братьев-близнецов, и один из них держал на постере этот пистолет.

От воспоминаний тупая игла кольнула сердце, и я задал

глупый вопрос:

— А что в ящиках?

Стилл как раз закончил проводить переключку по каналу связи, зажав одно ухо ладонью. Как бы он ни изображал бесшабашного вояку, вода на причудливой форме и волосах успела подмёрзнуть, поблёскивая льдом, а сами уши уже сверкали красным не хуже причёски. Впрочем, насколько я помнил из уроков по ОБЖ, если красные — значит, всё хорошо. А вот если белеть начнут, тогда дело дрянь.

— Явно не то, что мне надо, — буркнул капитан, подойдя к последнему оставшемуся на асфальте ящику. — Иди, сам посмотри.

Он подозвал меня жестом руки. Я, с горечью отгоняя милые сердцу образы, подошёл и посмотрел на крышку. На грубых крашеных досках стояли уставные чёрные буквы, нанесённые через трафарет. Причём трафарет был не самый удачный, да и наносил его кто-то не слишком старательно.

— Сто двадцать эм эм, — только и смог разобрать я.

— Именно. Стодвадцатимиллиметровый полковой миномёт, — он повернулся к Хранителю... — Отличная шутка, я оценил. Мне нужна нормальная артиллерия, а мне подсывают вот это...

Мужчина в чёрном пальто и шапочке ничего не ответил и стал спокойно собирать столик, словно так и должно было быть. Впрочем, скорее всего, для него это было именно так.

— О, отлично, — Стилл всплеснул руками. — Это озна-



чает, разговор окончен, валите отсюда?

— Думаю, да, — кивнул я.

— Прекрасно, — капитан кивнул бойцам на ящик, и те, подхватив его, потащили в броневик. — Капрал, по машинам! Уходим!

Я открыл было рот, потому что собирался задать Хранителю тот самый вопрос о том, возможно ли всё изменить, но Стилл не дал мне этого сделать.

— Всё, салаги, — разговоров больше не будет. — Этот хмырь дал вам что хотели, и мне это чертовски не нравится...

— Это почему? — ехидно поинтересовался Гарик. — Уши мёрзнут?

Стилл обернулся и вонзил в него холодный взгляд. Игнорируя суесящихся бойцов и складывающего столик Продавца, быстро подошёл к нему чуть ли не вплотную, нависнув всем телом. Было видно, как напрягся даже Вишняков, инстинктивно отшатнувшись в сторону и явно попытавшись схватиться под одеялом за «Сайгу».

— Потому что таким как я и мои солдаты не положено в этом мире получать то, чего хочешь, — сквозь зубы процедил он. — Никому не положено. Миномёты — это мой давнишний запрос.

Стилл вытянул палец и грубо ткнул Гарика в грудь, опутанную одеялом.

— А вам, за каким-то хреном, выкатили чёртовы тряпки

по первому требованию. Добавь к этому медальоны и ховертанк... Не люблю, когда меня втягивают во что-то, что я не понимаю и не могу контролировать.

Гарик не смутился, но от тычков невольно пошатнулся. При столь близком расположении было видно, насколько Стилл всё-таки крупный мужчина. Будучи выше меня, он и в плечах был намного шире, чем казалось, когда просто смотришь со стороны. Должно быть, во многом эффект создавался из-за униформы и механической рамы, но всё равно, вступать в открытую конфронтацию с дурковатым капитаном явно не стоило.

— Грузитесь быстро, — бросил он, отходя от Мезенцева. — Капрал, проследите!

— Так точно! — снова раздался за спиной голос вездесущей девушки. — Пошевеливайтесь!

Когда «Тигр» заурчал двигателем, а парни уже притиснулись в отсек между доверху набитых ящиков, я глянул на Продавца-Хранителя. Он стоял, держа столик под мышкой, и смотрел мне в спину. Должно быть, мне показалось, но его стеклянные глаза на секунду ожили, и он постучал пальцем себя по виску, не отводя взгляда.

«Вернуть всё...» — мелькнуло в голове, и я чуть было не закричал прямо отсюда: «Как это сделать?!»

Но тут капрал бесцеремонно подтолкнула меня в спину, и я, пошатнувшись, различил, что Хранитель всего лишь поправлял чёрную вязаную шапочку, будто внезапно ощутил

окружающий холод.

Хлопнула дверца буханки, и сквозь стекло было видно, как Нат устраивается за рулём, распахнув одеяло, но не снимая его полностью.

«Так возможно или нет?!» — взвизгнули мысли, когда я поднялся в отсек, и за спиной тут же загудели механизмы, приводящие в движение аппарат.

## Глава 3

### Флэшка

Ещё один переход. Всё как обычно, замедление времени, теплеющие медальоны... На этот раз даже приятно. Одежда грели, а оказавшись в броневике, мы и вовсе понизили температуру нагревательного элемента, или что там было внутри, потому что становилось горячо. Промокшая одежда согрелась, и хотя она оставалась мокрой, ощущение было такое, словно стоишь под горячим душем. Озноб прошёл, и накатила отупляющая усталость, выжимающая все силы из стрессанувшего организма. Стоило миновать портал, как ненавистное красное освещение отсека сменилось бледноватым светом прямоугольных ламп, закреплённых вдоль стыков бронеплит борта и крыши.

Стилла, капрала и других солдат не было видно, потому что оба ряда сидений теперь оказались отделёнными друг от друга стопкой длинных ящиков. Я не думал, что в каждом из них лежал миномёт. Скорее всего, в большинстве всё же были боеприпасы. Утомившийся внутренний голос попытался впасть в панику, что опасно находиться в одном помещении с перевозимыми минами, но потом отрешённо замолчал. Красноволосый капитан может и был клоуном, но вряд ли горел желанием подорвать сам себя.

Я не видел, что творилось за водительским стеклом, но

«Тигр» после перехода раскачивало куда сильнее. Должно быть, ровный асфальт мира Хранителя сменился разбитой дорогой.

— Тохан, а что у них за оружие странное, — тихо спросил Вишняков, склонившись ко мне. — Видел, магазин в приклад воткнут. Зачем?

— Модель не знаю, — буркнул я. — А компоновка это булл-пап, как у английского «Энфилда». Так, типа, габариты оружия меньше. Удобнее в замкнутых пространствах и для быстрого развёртывания. Сам вот попробуй со своей мотыгой здесь сейчас развернуться, а эти смогут...

— Хорошая у меня мотыга, — отозвался Вишняков, поглаживая «Сайгу» с отстёгнутым магазином. — Знаешь, сколько бесов ей уложил?

— Двадцать? — наобум предположил я.

Вован задумался, уставившись на крашенные доски ящиков.

— Слушай, а я и не считал, — признался он. — Просто стрелял и всё. Перезаряжал и снова стрелял. Прямо наваждение какое-то. А это мысль, в следующий раз обязательно посчитаю. А Стилл же с английского как железо переводится?

— Чего? — не сразу сообразил я, до этого действительно не задумавшись об очевидном звучании имени, вернее, фамилии придурочного командира.

— Зовут, этого, — Вован помахал рукой над головой, что, видимо, должно было означать характерную причёску. —

Типа капитан Железкин?

Я невольно улыбнулся. Звучало как-то в стиле старого советского «Мурзилки».

— Ну нет. Скорее тогда уж Стальнов. Стилл — всё-таки сталь, а железо — это айрон. Хотя, в нашей реальности он тогда должен звучать как Отец Народов...

Безумный Кибер непонимающе захлопал глазами.

— Вован, ты чего? — удивился я. — Сталин. Иосиф Виссарионович...

— А, — понимающе кивнул тот и тут же изобразил сценку, с характерным акцентом зажав в руке воображаемую трубку. — Коровка есть? Кулачок. Расстрелять...

— Да... — протянул я. — Из всего про Сталина ты только расстрелы запомнил?

Вишняков пожал плечами.

— Заводы, фабрики, тяжёлую промышленность — нет?

— Ой, Тохан, это шутка была, не начинай.

Сказав это, Вишняков покосился на дремлющего рядом бойца, после чего спросил ещё тише:

— А как эту девушку-капрала зовут?

— Капрал, — хмыкнул я.

— Нет, по-настоящему?

— Не знаю, нас как-то не представили. А что?

— Да ничего, — Вован поправил одеяло, потом расплылся в хитрой улыбке и добавил. — А она ничего такая, фигуристая...

Я посмотрел на Бабаха и невольно улыбнулся. Это было очень странно, но из кокона синего одеяла на меня, наконец-то, смотрело грязное, но добродушное лицо друга. Я видел его искреннюю улыбку. Первый раз за все дни после того, как мы покинули родной мир.

«Волшебная сила любви, — иронично, но с хорошим подтекстом, заключил я. — И когда он только толком её рассмотреть успел? И, к слову, капитан Стальнов — звучит неплохо. Можно этого клоуна и так называть. Но фамилия, выходит, явно западная. Как же его тогда по имени величать?»

— Пармезан, пармезан, — игривым шёпотом сказал Вишняков и зачем-то поскрёб ногтем ящик перед собой.

Остальную часть пути преодолели в тишине. Гарик, явно довольный тем, что теперь от Стиллы его отделяют ящики, поудобнее завернулся в одеяло и прислонился затылком к броне, закрыв глаза. Вряд ли он задремал, скорее просто думал о своём. Я тоже пытался провернуть нечто подобное, но мозги отказывались работать.

Когда «Тигр» наконец-то остановился и прозвучали приглушённые команды Стиллы, я невольно встрепенулся, поймав себя на том, что почти задремал.

— Ну всё, мальчишки и девчонки, мы дома! — радостно крикнул капитан. — Выходим, не торопимся. Все молодцы, разбор операции позже. Сержанты, на контроль. Капрал, ко мне!

Гарик молча встал, и я последовал за ним. Холода можно было больше не бояться, так что было любопытно глянуть, куда теперь нас черти занесли.

В ноздри ударил запах мокрого бетона, смешанный с бо-лотной сыростью. Здесь был пасмурный вечер. По небу мед-ленно плыли серые облака, но они не вызывали чувства ди-кого одиночества, как в мире гитар Мартинеса или том лесу. В редкие проплешины виднелось высокое небо, да и вокруг царило определённое оживление, видеть которое было весь-ма непривычно.

Броневики выстроились цепочкой посреди большой пло-щадки, выложенной бетонными плитами, на манер того, как делали и в нашем мире, прокладывая временки. Огромное пространство было обнесено защитным периметром трёх-метровых стен, собранных из подручных материалов. В ос-нове стояли самые настоящие транспортные контейнеры, очень похожие на те, что у нас можно было встретить на железной дороге. Сверху тянулись заграждения из сварных каркасов, набитых мешками с песком. Внутреннее простран-ство подсвечивалось блоками фонарей, на манер театраль-ных софитов, направленных внутрь лагеря.

Я посмотрел в ту сторону, откуда мы приехали.

Дорога из бетонных плит бежала сквозь поле явно выко-шенной, коричневато-зелёной травы. Где-то через полкило-метра рябящая серая полоса брала небольшой подъём и при-мыкала к дорожной насыпи. Через равные промежутки вид-



нелись массивные опоры для фонарей, торчащие на фоне неба. А ещё дальше за ними в серых сумерках мерцали огни какого-то поселения, словно обволакивающего эту базу, или опорный пункт, со всех сторон. Во всяком случае, мне так показалось сквозь видимый просвет задвигаемых ворот.

Медальон вёл себя спокойно, и впервые за долгое время никуда не тянул, словно подтверждая, что мы оказались в нужной точке времени и пространства. Никаких тревожных знаков тоже не наблюдалось. Никуда не тянуло, ничего не покалывало.

К прибывшим «Тиграм» спешил десяток человек в тёмно-синей униформе. Никаких признаков военной амуниции при них не оказалось, а вот за собой они волокли тележки с какими-то приборами и большими ёмкостями. Не успели мы сделать и нескольких шагов, продолжая крутиться в наших коконах в разные стороны, чтобы всё осмотреть, как один из подоспевших бесцеремонно потыкал в нас какой-то короткой трубкой на проводе, следя за показаниями прибора, который держал в руке.

Другие техники, а я для себя назвал их именно так, прощлись похожими штуками по броневикум, грязи на колёсах и выгружающимся бойцам.

Рядом остановилась буханка. Захрустел ручник, и двигатель заглох. Нат открыла дверцу и, поднявшись на приступочке, но так и не спрыгнув на поверхность плит, быстро осмотрелась по сторонам.

— Это не цитадель, — заключила она. — Это ерунда какая-то.

— Вот! — тут же воскликнул Стальнов, всплывающий в поле зрения. — Я же говорю, девчонка у вас кое-что понимает!

— Где мы? — нагло и нетерпеливо спросил Мезенцев, поправляя одеяло так, чтобы оно просто висело на плечах, как накидка.

Ветра не было, дождя тоже. Даже пар изо рта больше не шёл. Да и техники одеты были в простые комбинезоны, так что я тоже распахнул покрывало, чтобы хоть как-то взбодриться на свежем воздухе.

— Это... — капитан Железкин вышел вперёд, встал перед Боливаром и задумчиво почесал затылок, будто подбирая слова. — Передовой форпост... Нет, опорная база... Да нет, тоже ерунда. В общем, какая-то хренова точка, которую старшие, или кустосы, если вам будет удобно, воткнули здесь.

Ударение в слове «старшие» он так и смещал на последний слог, что звучало как-то по-бандитски и не клеилось с образом.

— Звучит не очень по-военному, — видимо тоже подметил Мезенцев.

— В этом и беда, — кивнул капитан, словно не заметил вызывающего тона. — Это не совсем военный объект. Мы тут скорее так, как служба безопасности...

Винчестер хотел было ещё что-то сказать, но тут Стилл поднял руку вверх и зажал ухо ладонью.

— Прибыли, — буркнул он, потом зыркнул на нас. — Со мной, доставил в лучшем виде. Четыре человека. Трое парней и одна девушка. Кейса при них не обнаружено. Медальоны подтверждаю. Что значит, должно быть трое?

Стальнов повернулся и посмотрел куда-то в дальнюю сторону площадки, словно намеревался увидеть там говорившего с ним по закрытому каналу. Мы невольно проследили за его взглядом.

Далеко за носом головного «Тигра» возвышалось здание, чем-то напоминающее терминал небольшого аэропорта. Даже некое подобие диспетчерской башни имелось. В длинных и узких окнах горел свет, а на крыше торчало множество антенн, тоже обложенных мешками. Кажется, «цитадель» занимала намного большее пространство, чем могло показаться. Справа от этого комплекса виднелся ряд крытых полукруглых ангаров, явно собранных на скорую руку из каркаса и профнастила. Зато слева тянулись вытянутые двухэтажные строения, похоже, что тоже собранные из заготовленных блоков. Тут же, под навесами, примостился рядок схожих бронемашин. Судя по отблескам от источников света, и за самим терминалом, и ангарами имелись ещё какие-то постройки.

— Почему трое? — возмутился Стилл. — Куда, по-твоему, мне было девать четвёртого? Пристрелить на месте? Не

в моих правилах.

Поймав настороженные взгляды, капитан тут же улыбнулся и добавил, обращаясь к нам:

— Шутка. Никто здесь никого не пристрелит. Можете быть спокойны.

— Это факт, — тяжело вздохнув подтвердила возникшая за спиной девушка-капрал. — Здесь и так с этим дерьмом полный порядок... Но за этим периметром вам ничего не угрожает.

Я даже не удивился. Ни появлению девушки, ни услышанным подробностям.

— Ну конечно, к тебе идём, — продолжил командир. — Сейчас будем.

«Какой-то весьма фривольный радиообмен», — подумал я, но вслух ничего не сказал.

— Господа, — капитан развёл руки в стороны, повернувшись к нам, потом бросил взгляд на брюнетку, — и дама. Прошу следовать за мной. С вами будет говорить наш умник, местный ставленник старших, который наверняка даст ответы на все ваши вопросы. Так что следуйте за мной.

— Это что, даже передохнуть нельзя? — для проформы возмутился Вишняков.

— Позже, всё позже, — махнул рукой Стилл.

— А машина? — добавил Гарик.

— Вашего чудовищного коня проверяют и отгонят на стоянку.

— Там вещи лежат, — начал было Вован.

— Никто ничего не возьмёт, — перебил его командир.

— Все нужные службы я проинформировал. Сначала с вами разберёмся, потом технари драндулет посмотрят. Капрал, кто отвечает за особый кейс?

— Торрес.

— Пусть ждёт у входа в модуль умников.

— Так точно!

— Чего за особый кейс? — тихо спросил Бабах.

— Откуда я знаю, — отмахнулся я.

— А что за Торрес?

Вовану явно хотелось просто поговорить. Или подействовать мне на нервы.

«Или... — невольно подумал я, подметив как часто тот крутит головой, бросая словно случайно взгляды на девушку-капрала, — Или привлечь к себе внимание пустой болтовнёй... Впрочем, мы ведь понимаем, что вся та история с кобылицами добром вряд ли кончилась. А мы попросту слиняли из мира, как последние „маленькие бездушные скотины“. Так что, хорошо, что Вован оживает...»

От этих мыслей на душе стало паршиво. Благо на помощь тут же пришёл командный возглас капитана:

— Давайте за мной, салаги, — Стилл махнул рукой и зашагал в сторону виднеющегося вдалеке терминала.

— Пошли, — подогнал нас Мезенцев, последовав за ним.  
— Кажется, сейчас многое прояснится.

Мы устремились через площадку из бетонных плит напрямиком к зданию терминала. За спиной тут же что-то загудело, и, обернувшись, я увидел, как техники смывают с бровников прилипшую грязь, поливая водой из резервуаров на тележках. Всё это напомнило своеобразную автомойку, только под открытым небом.

Сбитая водой грязь стекала в специальные зарешеченные желоба, на которые я только сейчас обратил внимание. Ещё группа техников хлестала струями по ошмёткам грязи, оставившим след за нашей колонной от въездных ворот. Должно быть, за чистотой здесь было положено следить в особом порядке.

Я даже невольно посмотрел себе под ноги, с сожалением подумав, что хлюпающие ботинки оставляют грязные следы на серых плитах. Впрочем, шагать до терминала ещё далеко, так что всё успеет осыпаться. А там, видимо, техники тоже пройдутся струями воды под давлением.

«Вовану здесь понравится», — мысленно хмыкнул я.

Должно быть, стоило удивиться этому странному форпосту, или мобильной базе, но я уже порядком устал это делать. Медальон спокойно лежал на груди, давая понять, что всё идёт как надо. Наверное, по логике вещей, стоило начать волноваться, ведь похоже мы действительно сейчас узнаем много чего интересного, но на самом деле хотелось просто помыться, переодеться в сухую чистую одежду и лечь спать.

«А перед сном поговорить с Нат, — подумалось мне. —

Просто долго говорить ни о чём. Слушать её голос и восхищаться мерцанием глаз. Чёрт, это всё Вован, виноват, со своим явным интересом. С другой стороны, не нравится же она мне... Может так ей и сказать? Ага, и в нос сразу же получить. Очень тупо, Тохан, очень...»

За такими размышлениями мы проделали большую часть пути.

Оказывается, на подступах к терминалу тоже виднелся своеобразный периметр, только на этот раз выложенный из мешков с песком. По углам виднелись капитально обустроенные укрепления для крупнокалиберных пулемётов, которые сейчас были зачехлены, но смотрели явно в сторону въездных ворот.

Четверо солдат, в такой же униформе, только без силовых рам, вытянулись по стойке смирно, заприметив Стиллу. Тот небрежно кивнул и жестом указал, чтобы дальше продолжали несение службы.

Тут же, рядом с одним из больших контейнеров периметра, моё внимание привлекла забавная картина. Из углубления в земле, наподобие широкой траншеи, поднимался по пояс раздетый плечистый парень. Вот уж кого можно было назвать атлетом, так это его. Просто мистер Олимпия в чистом виде, разве что кожа слишком бледная, словно вообще никогда не видела солнечного света.

Перед собой короткостриженный боец катил самую обыкновенную садовую тачку, загруженную грязными мешками.

Точно такими же, из которых были выложены многочисленные укрепления, и я только сейчас понял, что это вовсе не песок, а самая настоящая земля, которую, похоже, копали прямо под контейнером. Боец никак на нас не прореагировал, занятый делом. Проходя мимо, я увидел нескольких его товарищей, активно работающих лопатами и засыпающих грунт в мешки.

Удивительно было то, что среди них затесалась пара девчонок. По пояс они, разумеется, раздеты не были, но пиксельные серые футболки всё же обтягивали вполне явные формы. На шеях поблёскивали характерные ромбообразные медальоны, которые я теперь ни с чем не спутаю. Должно быть, из символов на них была только змея, как знак путешествия между мирами. Хотя, это были только догадки.

Я не стал задумываться над целесообразностью совместной службы молодых атлетичных парней и стройных девчонок вместе. В нашей реальности такое почти нигде не приветствовалось по понятным причинам. Кроме Израиля. Но мы уже давно были не в нашей реальности, так что удивляться подобным штукам я не стал.

Вокруг было шумно. Лопаты скребли грунт, гудели двигатели и компрессоры на моющих установках. Неподалёку проехала пара «Тигров». Лязгая железками, пробежало отделение солдат. Технический персонал в синей униформе о чём-то перекрикивался между собой, а на противоположной стороне периметра заискрило несколько сварочных аппара-



тов, возводя каркас для наполнения мешками.

Миновав заслон с пулемётами, мы подошли ко входу в терминал. Рядом, по-киношному широко расставив ноги и заведя руки за спину, нас ждал коренастый мужчина в серой пиксельной униформе и кепи, только без эластичного бронежилета и силовой рамы.

— Смирно, салаги, — бросил Стилл, как только мы подошли поближе.

Встречающий нас боец с серьёзным выражением лица вытянулся в струнку. Капитан на удивление тоже приосанился и метнул в нас недовольный взгляд.

— Делайте что говорят, — буркнула Нат.

Гарик фыркнул и еле заметно зашевелил губами, очевидно обкладывая командира матом. Испытывая дикую усталость и отходянки от холода и стресса, мы просто организовали некое подобие шеренги, придерживая одеяла. Девушка-капрал встала рядом и поправила амуницию, почему-то при этом еле заметно улыбаясь.

— Кейс доставлен, сэр! — отчеканил Торрес крепким мужским голосом, вытащив из-за спины небольшой пластиковый чемоданчик с хитрым замком. Размером он оказался чуть меньше автомобильной аптечки, зато весьма толстым. Я понятия не имел, что там внутри, но судя по собранному виду вояки, что-то действительно важное.

— Охладитель? — деловито поинтересовался Стилл.

— Заправлен, сэр!

— Хорошо, вскрывайте.

— Так точно!

Торрес ловко вскинул кейс, перехватив на сгиб локтя, после чего щёлкнул замками. Откинув крышку, он извлёк небольшой предмет, чем-то напоминающий подстаканник, в которых раньше разносили чай в поездах. Только был он значительно толще и выполнен из тёмной полированной стали, а на толстой ручке виднелась большая клавиша. Стальной взял протянутое устройство и тут же её притопил. С лёгким пшинканьем из пробора вырвались клубы белёсого пара, тут же растворившиеся в воздухе. Капитан довольно кивнул.

— Что сегодня, сержант? — поинтересовался он.

— Одинокая звезда, сэр!

— Отлично!

Стилл кивнул и приготовил «подстаканник».

Я думал, новый мир уже не способен нас удивить. Но он смог.

Торрес тут же извлёк из кейса самую настоящую бутылку пива из тёмного стекла с серебристо-красной этикеткой и, захлопнув крышку, ловко свернул пробку, опустив бутылку в подстаканник.

Проделано всё это было с максимально серьёзным выражением лица и весьма отточенными движениями, словно сержант долго отрабатывал нехитрый алгоритм действий.

Стоило донышку бутылки звякнуть о подстаканник, как Стилл притопил клавишу, обдав её паром. К запаху мокрой

сырости примешался почти забытый аромат самого настоящего бутылочного пива. От удивления глаза округлились почти у всех. Нат даже невольно пошатнулась, почесав нос.

— Это что? — прошептал Вишняков, и я буквально слышал, как его рот наполняется слюной. — Пиво?

— Нет, сука, бабушкин компот, — буркнул Мезенцев.

— Осторожней в выражениях, — тут же осекла его капрал, не скрывая лёгкой улыбки.

Тем временем сержант Торрес, сохраняя максимально серьёзный тон, сделал два шага назад.

Стилл повернулся к нам и, словно издеваясь, приложился к бутылке, сделав несколько больших жадных глотков. После чего смачно причмокнул и вытер губы ладонью, многозначительно покивав головой.

— Отличная работа, сержант. Свободны.

— Так точно!

Торрес отдал честь и, развернувшись, поспешил прочь.

— Это что за пиво такое, одинокая звезда? — не удержался Вишняков.

— Моё любимое, — пожал плечами капитан. — А у вас есть любимое?

— Миллер, — буркнул я.

— Миллер? Не слышал о таком.

— А это вообще допустимо? — Мезенцев ткнул пальцем в торчащую из охладителя бутылку.

Мне показалось, что после мира Красных коней Гарик

больше вообще не признаёт званий и статуса.

«Он не помнит ни чинов, ни имён... — всплыли в мозгу строчки из песни. — И способен дотянуться до звёзд... Пусть даже и одиноких. А что, всё верно. К тому же, поведение капитана Железкина никак не способствует тому, чтобы воспринимать его всерьёз.»

— Да. А почему нет? Подумай сам: задание выполнено. Потерь в личном составе нет. Объект уже почти доставлен. Буквально несколько метров осталось пройти. К тому же, вечер обещает быть интересным...

— Потерь в личном составе нет, — иронично повторил Гарик, болезненно улыбнувшись.

Мы все поняли, что он имеет в виду. Впрочем, стоило признать, что если Стилл со своими бойцами в момент выстрела зажигательной ракетой маскировался в том проулке, то он ничего не мог сделать.

— Послушай, — Стилл вытянул руку с «кружкой» и пшикнул охладителем. — Я понятия не имею, в чём ты, или даже вы все, пытаетесь меня обвинить. Я просил обрисовать ситуацию, но вы сделали вид что...

Капитан помахал рукой, призывая капрала дать ему подсказку.

— Мимо проезжали, — тут же встрепенулась девушка.

— Именно! — командир щёлкнул пальцами. — Поэтому либо объяснитесь, либо прекращайте это делать. Пока я добрый.

Стальнов сделал ещё один глоток и, громко и с блаженством выдохнув, направился к двери.

— Не отставать, салаги!

Я посмотрел на Гарика. Тот поймал мой взгляд, но ничего не сказал. В чём-то красноволосый капитан был прав, и Мезенцев это понимал. Вишняков продолжил бубнить что-то неразборчивое про пиво. Нат осторожно подтолкнула его в бок, призывая следовать за Стиллом, после того как капрал ненавязчиво кашлянула в кулак.

«Ладно, чтобы этот клоун из себя не строил, сейчас мы многое узнаем, — подумал я. — К слову, а куда мы вообще идём?»

Наверное, стоило спросить об этом вслух, но, глядя на то, как вояка довольно прихлёбывает пиво из бутылки, я не стал.

Вход в терминал представлял собой массивную раздвижную дверь. И хоть этажами выше электрическим светом привлекливо манили широкие, во всю стену, окна, вход преграждала сплошная железная конструкция. Впрочем, стоило нам приблизиться, как она со скрежетом пришла в движение.

— Это не главный вход, — словно уловив мои мысли, пояснил Стилл. — Мы, если можно так выразиться, направляемся в самое сердце — к нашим умникам. Главного у них зовут Буренин. Виктор Сергеевич. Думаю, он нам многое расскажет, раз вы не соглашаетесь...

Мы миновали толстый простенок и оказались внутри

небольшого шлюза, а по-другому это и невозможно было назвать.

Узкий вытянутый коридор без окон и дверей. Под ногами — настил из стальной сетки, вдоль стен и потолка — небольшие трубы со множеством отверстий, будто кто-то хотел приварить их в устройство для полива грядок.

— Вы свободны, капрал! — бросил Стальнов, обернувшись через плечо и быстро накрывая ладонью открытое горлышко. — У вас есть час, потом ждите распоряжений!

— Так точно! — отчеканила девушка, даже не переступая порога.

— Зажмурьте глаза и не дышите, салаги, — торопливо распорядился капитан. — И руки раскиньте в стороны, чтоб под тряпки ваши попало. Иначе Буренин нас тут до ночи мариновать будет...

Я толком не успел ничего сообразить, как дверь со скрежетом закрылась, а под потолком раздался мерзкий, скрипучий звуковой сигнал. Желтоватое освещение переключилось на красноватое, и со всех сторон повалила густая взвесь.

— Твою мать, — буркнул я, быстро раскидывая руки и зажимаясь.

— Двадцать секунд надо постоять! — долетел до меня смешок Стилла.

В нос тут же ударил резкий, концентрированный запах дезинфекции, словно Вишняков решил разом вскрыть несколько бутылок «Белизны».

— Ненавижу, — выпалила Нат.

Учитывая её повышенное обоняние, это было вполне ожидаемо.

Шипение усиливалось, и я почувствовал себя героем научно-фантастического фильма, проходящего процедуру дезинфекции по прибытии на какую-нибудь космическую станцию.

Открыть глаза я не рискнул, но, согласно данной аналогии, наверняка мы сейчас были объаты клубами непонятных химикатов.

Шипение стихло через несколько секунд, и на смену им пришёл оглушающий рёв мощных турбин. Я всем телом почувствовал, как окружающая взвесь пришла в движение, словно я стоял где-то на вершине горы, со всех сторон обдуваемый ветром. Воздушный поток был настолько сильным, что даже раскинутое одеяло трепыхалось в руках, как плащ какого-нибудь супергероя.

Задача не дышать двадцать секунд оказалась слишком сложной. Я уже чувствовал, как сердце начинает метаться в груди. Пульс с каждым ударом отдавал всё выше и выше в шею. Я начал подумывать о том, чтобы сделать вдох, наплевав на указание командира. Но тут что-то щёлкнуло, и свист турбин начал стихать.

— Готово! — долетел окрик Стиллы. — Открываем глаза, дышим спокойно!

Я осторожно разомкнул веки как раз в тот момент, когда

в шлюзе переключилось освещение. Желание вдохнуть было очень сильным, но я осторожно прикрыл нос ладонью и несмело потянул воздух.

Сильно пахло дезинфекцией. На одежде и одеяле осел еле заметный налёт, который, впрочем, быстро испарялся. Я посмотрел на брюнетку. Та, явно продолжая не дышать, поспешила за Стиллом к открывающейся двери на противоположной стороне коридорчика.

— Быстрей, — подогнал нас капитан, пересиливая гул замедляющихся турбин.

Мы, грохоча подошвами по сетчатому полу, последовали за ним.

— Фу, ёптить! — недовольно воскликнул Вишняков, стало нам миновать дверь, часто высовывая язык, словно пёс на жаре.

— Ты как? — участливо спросил я у Нат, и та только сейчас сделала шумный вдох.

— Скучаю по морковке... — скривилась она.

— Ну всё, можете отряхнуться, — улыбнулся Стилл, убирав ладонь от горлышка бутылки, которое закрывал всё это время. — Ненужное барахло здесь складываем...

Он указал рукой на матовую поверхность длинного стола из серой стали и сделал большой глоток. Гарик тут же бросил на него одеяло и стал смахивать с футболки осевший налёт.

Я быстро покрутил головой по сторонам. Мы оказались в небольшом помещении с широкими окнами в обоих стен-



ках и ещё одной дверью. За толстым стеклом царил полумрак, но несколько тусклых дежурных ламп выхватывали какое-то полулабораторное пространство, с отдельными комнатами внутри комнаты и рабочими столами персонала.

Неподалёку стояла пара человек в белой униформе, покроем напоминающей ту, в которой были техники. На нас они не обращали никакого внимания, увлечённо сверяя какие-то бумаги. На некоторых столах тускло мерцали мониторы компьютеров. Самый ближний тут же бросился мне в глаза тем, что был не квадратным, а вытянутым, как экран в кинотеатре. И похоже, что плоским. Повсюду чистота и порядок.

Я невольно посмотрел на ноги, понимая, что далеко не вся грязь осталась на бетонных плитах базы, пока мы сюда шли, и с удивлением обнаружил её отсутствие. Должно быть, это была какая-то мощная дезинфекция, отслоившая даже куски прилипшего грунта.

Стилл шумно поставил охладитель на стальную поверхность стола и ловко скинул странный, футуристический автомат.

— Оружие можете оставить здесь, — уточнил он. — Виктор Сергеевич не любит, когда в его владениях им лязгают.

— Ну не знаю... — задумчиво протянул Вован, — привык как-то...

— А вот это верно! — одобрительно кивнул Стилл, пшикнув охлаждением на пивную бутылку. — Правильный под-

ход. Но ты не переживай, никуда отсюда оружие не денется. Заберём на обратном пути.

Мезенцев скорчил странную гримасу и, скинув одеяло, прижал его сверху «Калашом». Нат оказалась без оружия, хотя я готов был поспорить, что верный нож так и висел сзади на поясе, но девушка предпочла об этом не распространяться. Стальнов же, в свою очередь, даже не подумал оставить на столе пистолет. Вообще складывалось такое чувство, что свой футуристический булл-пап он таскал больше из необходимости, нежели реально собираясь применять.

Выбираться из одеяла не хотелось. Я уже привык к приятному, обволакивающему теплу. К тому же, одежда ни черта не высохла, хотя по сравнению с ливнем и снегопадом в помещении было тепло, так что вполне можно было и потерпеть.

— А переодеться не получится? — робко поинтересовался я.

— Руки есть, значит получится, — тут же сострил Стилл. Никто не оценил. Капитан глотнул пива и добавил:

— Сначала решим все вопросы с Бурениным. Потом разместим вас в жилом помещении, там и определимся с довольствием и всем остальным. Пошли.

Стальнов притопил клавишу на косяке и раздался тихий щелчок. Капитан тут же толкнул дверь и решительно шагнул в полумрак. Миновали рабочее пространство, а я не знал, как по-другому это назвать, мы достаточно быстро. Един-

ственное, что я успел разглядеть, так это высокий потолок с хитросплетением труб, силовых кабелей и коробов вентиляции. Визуально походило на то, что помещение занимало пространство двух этажей. Толстые пучки проводов и серебристой гофротрубы устремлялись сверху к небольшим отгороженным модулям с отдельным входом. Я что-то слышал про такое. Изолированные помещения по принципу «комната в комнате». Должно быть, и вправду какие-то лаборатории для закрытых экспериментов.

— Пришли, — радостно объявил Стилл, остановившись как раз перед одним из таких модулей и игриво постучав согнутым пальцем по толстому стеклу.

Тут же щёлкнул замок. Капитан потянул дверь на себя и учтиво пропустил нас вперёд.

Первое, что бросилось в глаза в новом помещении — так это самое настоящее медицинское кресло, действительно сошедшее с экранов американской фантастики. Вокруг гудело множество приборов. Вдоль правой стены, лишённой окон, парили голограммы, создающие эффект гигантского, красочного панно. Диаграммы, графики, списки каких-то файлов. Всё это искрилось и переливалось, приковывая взгляд.

— Ну наконец-то! — раздался сухой мужской голос.

Скрипнуло кресло, и к нам поспешил крепкий мужчина, одетый в обычные джинсы и светлую рубашку, поверх которой был накинут распахнутый лабораторный халат.

Мозг не сразу соотнёс приближающегося человека с высо-

котехнологичным оборудованием, голограммами и креслом. Стереотипное представление подсовывало образ какого-нибудь безумного учёного, наподобие Эммета Брауна из «Назад в будущее», который никак не сходился с хозяином помещения.

Напротив нас, дружелюбно улыбаясь, остановился широкоплечий, стриженный на военный манер дядька. Ростом он был чуть ниже Стилл, но зато вовсе не уступал в ширине плеч, разве что не имел брони и этой механической рамы. Но я не был уверен в том, что если с командира снять все обвесы, не окажутся ли они одинаковой комплекции. Скорее всего, он даже его превзойдёт.

Правильные черты лица, идеально выбритая кожа, аккуратный нос и выразительные карие глаза. Виктор Сергеевич Буренин, а это был именно он, согласно висящему на кармашке халата пропуску с именем и фото, производил весьма располагающее впечатление.

— Какой ужас, Стилл! — без напора воскликнул он, тут же отодвигая от рабочего стола у противоположной стены несколько стульев и разворачивая их сиденьями к нам. — Хоть бы одежду сухую выдали. Прошу, садитесь, молодые люди.

Мы не стали себя долго упрашивать.

— У меня чёткое распоряжение. Сразу доставить к вам, — хмыкнул Стилл. — Вы разве забыли, Виктор Сергеевич? Вы же сами его и выдали.

Буренин никак не прореагировал, продолжая двигать стулья.

— Сейчас, одну секунду, немного поднимем температуру. Пока что это меньшее, что я могу для вас сделать. Прошу простить за неудобства...

Виктор Сергеевич вернулся к своему столу и, подхватив небольшой пульт, направил его куда-то под потолок. Я невольно проследил направление и отметил целую систему датчиков и каких-то решёток, меняющих угол наклона. Пульт отозвался приятным попискиванием.

— Оборудование не любит нагрева, — пояснил он. — Но пару-тройку градусов нам простит. Так, и тонировку тоже поднимем...

Буренин направил руку в другую сторону и пикнул ещё несколько раз. С каждым нажатием небольшой кнопки стёкла темнели, переставая пропускать окружающую картинку, скрывая нас от посторонних глаз.

— А что, удобно, — тихо хмыкнул Вишняков, восхищённо кивнув.

— Так, так, так, — быстро повторил Буренин, положив пульт на место и, подхватив ещё один стул, опустившись напротив нас.

Стилл, тем временем, неспеша подошёл к стойке с оборудованием и прислонился к ней спиной, окидывая нас оценивающим взглядом и хитро улыбаясь.

— Что ж, давайте знакомиться, — улыбнулся мужчина в

белом халате, легонько хлопнув себя по коленям. — Я старший операционный управляющий кластера, Виктор Сергеевич Буренин. Думаю, с капитаном Стиллом вы уже имели честь познакомиться.

Гарик скривился в ухмылке, мы с Вованом молча кивнули. Нат поправила хвост волос.

— Поразительные глаза, — улыбнулся наш новый знакомый и тут же поспешил добавить: — Я знаком со схожими кластерами миров и тамошними порядками. Так что, пожалуйста, не обижайтесь. Для вас это, возможно, недостаточно яркий оттенок, но мы к такому не привыкли, так что это очень красиво. Так как же вас всех зовут?

— Игорь, Антон, Володя, Нат, — сухо представил нас Мезенцев в той последовательности, в которой мы расселись.

Я тихо фыркнул, подметив комплимент операционного управляющего глазам брюнетки.

— Понимаю, понимаю, — кивнул тот. — Настороженность и напряжённость, это объяснимо. Новое место, новые люди. Ничего не понятно. К тому же, готов поспорить, что капитан ничего толком не объяснил.

— Типа того, — кивнул Мезенцев, принимая на себя право «вести переговоры».

Стилл улыбнулся и козырнул ему пивной бутылкой.

— Боже мой, Стилл, вы когда-нибудь прекратите это? — Буренин поднял на него взгляд, но без издёвки.

Было видно, что он давно терпит выходки красноволосого

вояки, из последних сил стараясь не придавать им значения.

— Что именно?

— Пить после каждой удачной операции?

— Лучше пить, чем паковать своих солдат в мешки для трупов. К тому же, предложите альтернативу. К курению испытываю стойкое отвращение, а вещества, расширяющие сознание, хранятся в ваших сейфах под надёжным присмотром...

— Вы ещё небось и с оружием?

Стилл выставил бедро демонстрируя поблёскивающий хромом ствол, в котором тускло отражались мерцающие голограммы.

— Что у вас за любовь такая к «Пустынному орлу»? В нашей реальности это дорогая игрушка для богатых психов, — саркастически заметил Буренин.

— Насчёт богатых не знаю, но со вторым полностью согласен...

— Вы сдали пробойщика? Вы же помните, насколько это ценное оборудование?

— Кустосы не обеднеют, — поморщился Стилл.

— Капитан, я вправе внести ваш ответ в журнал...

Стальнов скривился в неприязненной ухмылке.

— Всё штатно, согласно уставу, — кивнул командир. — Броневики помоют и технари сразу же демонтируют и вернут пробойщика на ваш драгоценный склад.

— Он не мой, капитан, а кустосов.

— Но их же здесь нет, — Железкин наигранно огляделся по сторонам, и даже слегка нагнулся, словно заглядывая под стол. — Не вижу ни одного. А раз нет, значит это ваш склад...

Управляющий улыбнулся и махнул рукой, давая понять, что не хочет участвовать в бессмысленном диалоге.

— Ну что, молодые люди, рассказывайте. — Мужчина чуть откинулся на спинку стула и окинул нас нетерпеливым взглядом.

— Рассказывать что? — пожал плечами Гарик, изображая недоумение.

Стилл шумно отпил пива.

— Ну да, ну да... — улыбнулся Виктор Сергеевич. — Хорошо, давайте для начала расскажу я.

Он поднялся, подошёл к столу, взял клавиатуру и вернулся на место, положив её на колени.

— Прошу обратить внимание, — мужчина развернулся к нам полубоком и кивнул на стену с парящими голограммами.

Большая часть из них тут же свернулась, уступив место одной. В опустевшем пространстве вспыхнуло множество точек с уже знакомыми обозначениями, как на карте вояк. Я поразился количеству отметок миров Хранителей в этой россыпи. Их было не меньше пятидесяти, и все располагались на почти одинаковом расстоянии друг от друга.

— Итак, — Буренин деловито застучал по клавишам. —



Месяц назад, по местному времени, разумеется, был зафиксирован аномальный всплеск энергии, вот в этом секторе...

Голограмма мигнула, и одна из выделенных областей тут же увеличилась в размере. Я на схеме ничего не понял, но уже начал догадываться, о чём именно пойдёт речь. Это было несложно, а отмеченная точка, скорее всего, и была миром Красных коней.

— Это уже само по себе уникальное явление, но буквально следом за ним пришло прямое указание от кустоса выдвинуться к источнику всплеска для выявления причины. Вы знаете, кто такой кустос?

Мы хранили молчание. Гарик задумчиво отлепил мокрый рукав футболки от бицепса и недоумённо поднял бровь. Буренин хитро улыбнулся и продолжил:

— По прибытии на место оперативная группа обнаружила... — управляющий посмотрел на Стиллу.

— Выгоревший терминал нейрозаписи, — с явной неохотой подхватил тот. — Валялся в подвале разваливающегося дома среди каких-то руин. Вокруг множественные следы схватки с использованием не самого передового вооружения. Следы не свежие, может пара тройка дней. Всё было покрыто какой-то оранжевой пылью. В общем, мы пошли по следам и отследили вас в том самом Челябинске.

Я поёрзал на стуле. Захотелось задать множество вопросов. Когда они там появились? Видели противостояние кланов? Кто одерживал верх? Что стало с территориями Паси-

да? Кобылицами? Раухашем? Но что-то подсказывало мне: даже если группа капитана шла по следу, вряд ли она стала бы вмешиваться в местные разборки. Возможно, на месте кровавой расправы над Великим Конём уже никого не осталось... Только остовы сгоревших машин, брошенные без ремонта.

— А знаете, что такое терминал нейрозаписи? — вкрадчиво поинтересовался Виктор Сергеевич.

«Так вот как этот чёртов кейс назывался, — подумал я. — Ну да, нейро — значит мозг. Записи — более чем очевидно. Всё сходится».

Гарик снова пожал плечами.

— Любопытно, — кивнул Буренин. — А вот рубец вокруг шеи Антона говорит о том, что не только знаете, но и пользовались. Правда, не подключив медальон, что могло и погубить вашего друга при более длительной сессии...

Все посмотрели на меня.

— Ладно, хорошо, — хмыкнул Гарик. — Палыч... Антон нашёл эту хреновину и что-то загрузил себе в голову. Мы понятия не имеем, что это.

Мезенцев улыбнулся, раскинув руки, давая понять, что больше нет смысла делать тайну из того, что уже явно стало очевидным.

— Но там что-то про переработку, — добавил я, раз Игорь дал добро на вскрытие информации.

Весь наш устав всё равно пошёл к чертям с момента как

мы выскочили посреди схватки с ремехами, так что смысла что-то скрывать больше не было.

— О, вы и про переработку знаете? — удивился управляющий. — Может, всё-таки расскажете всё? Тут вам ничего не угрожает. Вы, можно сказать, почти старошому, как их капитан величает, это говорите.

— А почему тогда не лично в уши самому кустосу? — саркастически поинтересовался Мезенцев.

— Потому что мы его ещё не вызвали, — спокойно ответил Буренин. — Но я лично сделаю это, как только вы всё расскажете. А главное, когда мы поймём, что за информацию скачал Антон.

— И что, он сразу же здесь появится? — ирония в тоне Гарика никуда не делась.

— Нет, конечно. Вы, должно быть, заметили, что время в разных мирах идёт с разным разрывом. Материя, в отличие от информации, движется более инертно, подчиняясь различным законам фрактальных коридоров, что создаёт любопытные мелкие парадоксы. Так что, получив сообщение, допустим, в сегодняшний день по нашему времяисчислению, ближайший кустос может физически прибыть сюда только через месяц, хотя ответ или текстовое распоряжение мы получим сегодня же.

— Фрактальный коридор? — тупо спросил я.

— Ну да, — кивнул Буренин и, поймав на себе наши непонимающие взгляды, тихо вздохнул и быстро пояснил. — Вы

движетесь в рамках одной временной линии, но с большими погрешностями. Какое времяисчисление было в вашем родном мире? Сколько дней в году и часов в сутках?

— Триста шестьдесят пять дней, двадцать четыре часа, — ответил Мезенцев.

— А год, из которого вы первый раз шагнули в темпоральный туннель?

— Две тысячи первый. Сентябрь месяц.

— Вот, теперь представьте, что это основная линия, — управляющий провёл горизонтально пальцем в воздухе. — А теперь мысленно сделайте её более толстой. Лет двести вверх и лет двести вниз. Это ваш фрактальный коридор.

Он небрежно махнул рукой выше и ниже предыдущей отметки, потом наугад ткнул пальцем в воздух, словно обозначив две точки.

— А вот здесь может быть две тысячи двадцать пятый год, а вот здесь — тысяча девятьсот семьдесят второй, к примеру. Это и есть фракталы. И вы движетесь между ними, потому что вы — материя. А информация — это энергия, она распространяется по своим законам, игнорируя все эти неровности, если можно так выразиться. Понятно?

— Не очень, — Вишняков поскрёб в затылке.

— Мне понятно, — пожала плечами Нат.

— И что, не возникает никаких временных парадоксов? — с недоверием уточнил я.

— Почему же, возникают, — хихикнул Буренин. — Но

мелкие и незначительные. Скорее забавные, не способные в корне ни на что повлиять. Но бывает и такое, когда месяц добираться до нужного мира, и по прибытии тебе говорят, что так рано тебя не ждали, потому что прошёл всего день.

— То есть, можно вернуться в мир, из которого вышел, до того, как из него вышел? — быстро спросил Мезенцев.

Буренин улыбнулся.

— О, это распространённый сюжет для фантастов разных отраслей и талантов, — кивнул он. — Они любят строить сюжеты на чём-то подобном. Но нет, нельзя. Частота вашей личной энергии, обличённой в единицу материи, то бишь в вас, привязана к родному миру, и вряд ли отправит до момента, когда вы из него вышли. А вот в ближайшую реальность с отставанием во времени — вполне. В родную же вы сможете оказаться только после того, как из неё отправились. Ведь время для материи всегда движется только вперёд. Даже попав в реальность, где семьдесят второй год, вы будете двигаться в его временной реальности вперёд. То есть, отставая от своей реальности, но не противореча закону мира, в котором оказались. Понятно?

Вишняков посмотрел на меня, словно ожидая пояснений.

— С трудом, — признался я, переваривая услышанное.

— И как широк этот коридор, — сосредоточенно поинтересовался Игорь. — Может, нас забросить на тысячу лет вперёд?

— Нет, — категорически замотал головой Буренин. —

Вы, как единица энергии и материи привязаны к своему фрактальному коридору. Но есть и другие. Условно выше и ниже.

Буренин махнул рукой выше воображаемой «воздушной» схемы и и ткнул носком ботинка в пол.

— Это дико примитивное объяснение, конечно, но двигаться вот так, — он рассек ребром ладони воображаемую конструкцию, — могут только кустосы.

— Ага, когда им что-то сильно надо, — фыркнул Стилл, отпив пива.

Мы посмотрели на него. Прозвучало это со странной, слишком личной интонацией.

— Вы, должно быть, не в курсе, но капитан как раз один из тех редких парадоксов, если можно так выразиться, — хмыкнул управляющий.

— Меня в этом времени вообще не должно быть, — буркнул Стальнов.

— В смысле? — не понял я.

— В прямом.

— Так из какого ты фрактального коридора? — без церемоний спросил Мезенцев.

— Из такого, в котором человечество уже триста лет как гоняет меж звёзд туда-сюда... — отмахнулся капитан.

— Офигеть, так ты из будущего! — восхищённо воскликнул Вовка. — И как там?

— Не лучше, чем в этой болотине, — отмахнулся Стилл,

давая понять, что не хочет вдаваться в подробности. — Но энергетическое оружие имеется, а кинетическое давно перешло на калибры посерьёзнее, чем эти ваши иголки. Пять сорок пять, пять пятьдесят шесть, семь шестьдесят два. Дерьмо это. Этим даже броню тархорианца не поцарапать...

— Капитан, — корректно прервал его Буренин. — Давайте ваши фронтовые байки послушаем в другой раз.

Вован удивлённо развёл руки и задал вопрос, который висел и у меня на языке:

— А как ты здесь оказался, тоже медальон в земле нашёл?!

Глаза Буренина тут же блеснули, а Гарик еле заметно покачал головой. Вишняков же сам не понял, что уже начал вдаваться в детали, выжидающе уставился на Стилла.

— Меня кустос из боя выдернул и сюда приволок. Я на это согласия не давал.

— Азир, кажется? — уточнил управляющий.

— Да, Азир.

— И как же вы, со своим характером, не пристрелили его при попытке так сделать? — в тоне Виктора Сергеевича впервые прозвучала лёгкая подколка.

— Он перед этим снёс два расчёта вражеских ПВО, прикрывших старт моих челноков, — Стилл прямо посмотрел в глаза Буренина. — Сделал то, что я не успел, и тем самым вытащил моих парней и девчат из мясорубки. Я его, конечно, об этом не просил, но Азир единственный, кто тут делом

что-то доказал...



# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.